

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И РОССИЯ

Москва
1992

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ЦЕСЛАВ)

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И РОССИЯ

Часть I

*Материалы
международной научной конференции*

Москва, 1992

Редакционная коллегия:

д. и. н. И. С. Достян,
д. и. н. И. В. Чуркина (отв. редактор),
к. и. н. А. В. Карасев

ISBN 5-201-00711-2

**© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1992 г.**

ЗБОРНИК РАДОВА

Научни скуп

НАЦИОНАЛНИ ПРЕПОРОД БАЛКАНСКИХ НАРОДА

У ПРВОЈ ПОЛОВИНИ XIX ВЕКА

И РУСИЈА

Одговорни уредник – др. Чуркина И. В.

Редакциони одбор: др. Достајан И. С.
др. Чуркина И. В.
мр. Карасев А. В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русско-югославянские связи всегда являлись предметом пристального внимания историков наших стран. Новым в изучении этой проблематики в послевоенный период стали совместные ~~двусторонние~~ публикации разнообразных документальных материалов из архивов Российской Федерации (СССР) и Югославии. На основании двусторонних соглашений между РАН (АН СССР) и Академиями наук Сербии, Боснии и Герцеговины, а также Черногории, югославские и советские историки уже многие годы успешно сотрудничают по изданию совместных публикаций. В 1975 г. вышла в свет публикация "Западные славяне и Россия", в 1989 г. — ее второй том "Югославяне и Россия"; в 1980 и 1983 гг. были опубликованы два тома документов "Первое сербское восстание и Россия 1804—1813 гг.", в 1985 и 1988 гг. — два тома документов "Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия" (1858—1875 гг.). Готовится к изданию многотомная документальная публикация по истории русско-черногорских связей, двухтомная публикация по истории русско-сербских отношений.

Примечательно, что совместная работа над подготовкой означенных публикаций по взаимной договоренности сопровождалась проведением научных конференций советских и югославских ученых и "круглых столов".

Первый "круглый стол" на тему "Югославянские земли и Россия" состоялся в Белграде в 1983 г. Материалы его были изданы Сербской академией наук и искусств в

серии "Научные конференции" в 1986 г. Тематика докладов и сообщений охватывала широкий круг проблем национально-освободительной борьбы балканских народов и международных отношений в связи с событиями на Балканах в 1804-1813 гг., а также непосредственно русско-сербских контактов.

В октябре 1985 г. в Москве в Институте славяноведения и балканистики состоялась второй "круглый стол" на тему "Россия и национальное возрождение югославянских народов в первой половине XIX века". В нем приняли участие 20 ученых из Российской Федерации, Армении, из Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

Конечно, всесторонне охватить все аспекты столь широкой проблемы не удалось. Тем не менее в докладах получили отражение многие ее важные вопросы, некоторые из которых являются дискуссионными.

Готовя сборник к печати редколлегия руководствовалась проблемно-хронологическим принципом компоновки материалов.

Не все проблемы получили одинаковое освещение в сборнике. Полнее всего представлены доклады по теме "Национально-освободительное движение балканских народов и Россия (II докладов)". По сравнению с опубликованным в Белграде сборником, в предлагаемой публикации большее внимание уделено культурной тематике. И это понятно, ибо первая половина XIX в. характеризовалась интенсивными процессами в развитии югославянских народов, и в них су-

ественную роль играли русско-югославянские культурные связи. Этим проблемам посвящено 6 докладов. В целом сборник докладов дает определенное представление о роли официальной России и русской общественности в богатой истории русско-югославянских взаимосвязей в первой половине XIX в.

На конференции имела место весьма интересная и плодотворная научная дискуссия, в ходе которой обсуждались различные аспекты сербско-русских отношений, влияние России и других европейских стран на различные стороны процесса национального возрождения югославянских народов, многообразные проявления культурных связей России и югославянских народов. К сожалению, по техническим причинам материалы дискуссии не вошли в настоящий сборник.

Поскольку материалы научной конференции издаются в Российской Федерации, то все доклады и сообщения югославских участников переведены на русский язык. Подавляющее большинство докладов и сообщений, сделанных на конференции, были подготовлены с использованием новых архивных документов, в том числе и опубликованных в совместных советско-югославских публикациях.

Редколлегия сборника докладов выражает благодарность всем участникам "круглого стола", внесших положительный вклад в изучаемую проблему, и выражает сожаление, что в силу ряда обстоятельств не удалось опубликовать эти материалы раньше.

В технической подготовке материалов к печати принимали участие: М.В. Гурьева, Е.Ю. Чалышева. Переводы выполнены Беляевой Ю.Д., Даниловой А.В., Дорониной Р.Ф., Карасевым А.В., Косицом В.И., Меньшиковым В.П.

ВЯЗЬМСКАЯ Е.К., ДАНЧЕНКО С.И.

ИЗУЧЕНИЕ В СССР РУССКО-ЮГОСЛАВЯНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ ХУШ - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Важной составной частью международных отношений являются общественные связи между народами различных стран. Без их рассмотрения история взаимоотношений между государствами и народами не может быть выяснена всесторонне. Их развитие не могло не оказывать влияния на формирование общественного мнения, а значит, в какой-то мере, и на политику правительств. Все сказанное в полной мере относится и к проблеме русско-югославянских общественных связей.

Возникнув в глубокой древности, связи между русским и югославянскими народами продолжали развиваться и в последующие столетия, чему способствовала известная общность исторических судеб, языковая, этническая и отчасти религиозная близость. Особое развитие общественные связи получают в XIX в. - в период формирования наций и подъема национально-освободительной борьбы югославянских народов.

Советские историки всегда проявляли большой интерес к изучению русско-югославянских общественных связей в XIX в. Наиболее пристальное внимание им стало уделяться после второй мировой войны, что было связано с общим развитием исторической науки в СССР. Совместная борьба народов СССР и Югославии против фашизма, несомненно, усилила интерес советской исторической общественности к этим вопросам.

Изучению этой проблематики в значительной степени содействовало введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов, позволяющих по-новому раскрыть содержание и характер русско-югославянских связей в XIX в. на различных этапах их развития.

В настоящее время, говоря об изучении весьма широкого

круга проблем русско-югославянских общественных и культурных связей, мы можем уже подвести итоги тем многочисленным исследованиям советских ученых, которые появились в течение трех истекших десятилетий. Большое научное значение имеют те конкретные разработки отдельных проблем, кропотливые розыскания новых архивных материалов, неизвестных сочинений или материалов периодической печати, которые были осуществлены за эти годы.

Следует отметить, что изучение истории югославянских народов, связей наших стран имеет свои традиции в русском дореволюционном славяноведении. Известные ученые - А.Ф.Гильфердинг, Н.А.Попов, П.А.Ровинский, П.А.Кулаковский, А.Н.Пыпин, А.А.Майков, позднее М.Н.Сперанский, В.Н.Кораблев и др. глубоко интересовались историческим и культурным прошлым балканских славян. Их труды, многогранная деятельность, а также непосредственные контакты с учеными, писателями и общественными деятелями югославянских народов играли существенную роль в развитии русско-югославянских связей.

В советской послевоенной историографии первая попытка рассмотреть в общем плане весь комплекс вопросов вышеуказанной проблемы была предпринята 30 лет назад известным историком В.Г.Карасевым в научно-популярной работе "Исторические связи народов СССР и Югославии"¹. Он подчеркнул дружественный характер контактов народов СССР и Югославии на всех этапах их развития в XIX в., независимо от официальных правительственных отношений, привел интересные, известные в тот период, документы о связях ученых и общественных деятелей прошлого столетия.

В последующие десятилетия советские историки много внимания уделяли исследованию русско-югославянских связей в XIX в., вводя в научный оборот все новые и новые материалы из архивов СССР.

В последней трети XX в. составной частью международных отношений в Европе стал восточный вопрос. Это было следствием, с одной стороны, кризиса Османской империи, развития освободительного движения подчиненных ее власти

народов, а с другой – результатом усиления борьбы великих держав за экономическое и политическое преобладание в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

Наиболее активную политику в отношении Турции и ее балканских подданных в конце XVIII – начале XIX в. вела Россия. Важную роль в русской политике на Юго-Востоке Европы сыграл Кючук-Кайнарджийский русско-турецкий договор 1774 г., радикально изменивший соотношение сил в бассейне Черного моря. Договор положил начало покровительству со стороны России молдаванам и валахам, создав прецедент для установления такого рода отношений с другими православными, в том числе югославянскими народами, входившими в состав Османской империи. Этому вопросу посвящена глубоко фундаментальная работа Е.И.Дружининой².

Следует отметить, что русско-югославянские связи в конце XVIII в. остаются пока недостаточно разработанными в советской историографии. В последние годы, однако, интерес к их изучению значительно повысился. Одно из свидетельств этого – недавно вышедшая публикация документов "Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в."³, а также книга А.П.Бажовой "Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в."⁴.

А.П.Бажова рассмотрела особенности развития отношений России с югославянскими народами, их влияние на освободительное движение в этих землях, а также процесс переселения югославян в Россию и его последствия. На конкретном историческом материале в книге показано, что в соответствии с задачами своей внешней политики Россия занимала благоприятную позицию по отношению к освободительному движению в югославянских землях, что в конечном итоге способствовало его развитию. В связи с этим происходило расширение русско-югославянских контактов. А.П.Бажова отметила те основные направления, по которым шло взаимообогащение культур братских народов: обучение югославян в России, деятельность русских учителей в югославянских землях, книгообмен.

Советские историки (А.П.Бажова, И.И.Лещиловская⁵) отме-

чают влияние русского просвещения на творчество известного сербского ученого и писателя Досифея Обрадовича, его постоянные творческие и личные связи с Россией в конце XVIII в.

Русская культура оказывала позитивное воздействие на развитие общественной мысли в югославянских землях. Для народов, разделенных между султанской Турцией, Австрией и Венецией, находившихся под угрозой ассимиляции, связь с родственной культурой имела важное значение для сохранения их национальной самобытности.

Интересный материал о русско-сербских связях в конце XVIII в., а именно, помощи русских деятелей – Д.М.Голицына, русского посла в Вене, и Н.П.Румянцева, посланника при Германском сейме во Франкфурте-на-Майне, впоследствии основателя Румянцевского музея – в издании "Истории разных славянских народов" Йована Раича, содержится в статье В.П.Гудкова⁶.

Некоторые аспекты традиционно дружественных русско-черногорских связей конца XVIII в. удалось рассмотреть М.М.Фрейденбергу⁷.

Начало XIX в. ознаменовалось важным событием в истории югославянских народов, входивших в состав Османской империи – в 1804 г. в Сербии вспыхнуло восстание. В борьбе с Османской империей сербы искали поддержку великих держав – прежде всего России и Австрии. Политика России на Балканах, в отличие от Австрии, склонявшейся к нейтралитету, сыграла объективно положительную роль в ходе событий в Сербии. Оказывая постоянную помощь Сербии на протяжении всех лет восстания, предоставляя повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживая их по дипломатической линии, в 1806–1812 гг. Россия вела совместно с ними вооруженную борьбу против Османской империи.

Сербская революция 1804–1813 гг. была одним из первых событий национально-освободительного движения балканских народов, нашедших отклик в России. Она не только вынудила правительство Александра I считаться с фактом вооруженной борьбы сербов за свою государственную независимость, но и

привлекла внимание дворянской общественности к проблеме национального освобождения всех балканских народов.

Связи с сербами и другими югославянскими народами в первом тридцатилетии XIX в. освещены в работах И.С.Достяна⁸.

Развивавшиеся в этот период общественные связи между Россией и югославянскими народами тесно смыкались со связями политического характера. В их развитии с югославской стороны участвовали, главным образом, деятели национально-освободительного движения, патриотически настроенное православное духовенство, а также воеводинская светская и духовная интеллигенция. С русской стороны эти связи осуществляли прежде всего люди, соприкасавшиеся с югославянскими делами в силу служебных обязанностей — дипломаты, чиновники, военные, а также научные и культурные деятели, югославянские эмигранты, обосновавшиеся в России.

В монографии И.С.Достяна "Русская общественная мысль и балканские народы" впервые в историографии исследуются связи между Россией и югославянскими народами в конце XVIII — I-й четверти XIX в. не только с точки зрения их влияния на общественно-политическое и культурное развитие национально угнетенных Турцией и Австрией южных славян, но и с точки зрения их значения для самой России, развития русской общественной мысли. И.С.Достяна показала личный вклад в развитие русско-югославянских общественных и культурных связей ряда русских деятелей — А.А.Сомборского, выдающегося просветителя и демократа В.Ф.Малиновского, А.И.Тургенева и А.С.Кайсарова и др. Укреплению контактов с черногорцами способствовала деятельность "специального представителя" Александра I в Черногории С.А.Санковского в 1805—1807 гг. Используя ряд неизвестных ранее архивных материалов, И.С.Достяна рассмотрела такой интересный вопрос как влияние югославянских эмигрантов — П.Никича, С.Филиповича, С.Станоевича и др. — на развитие контактов Сербии с Россией.

Особенности политики России в отношении Сербии в период Первого сербского восстания 1804—1813 гг., основные направления русско-сербских связей этого периода рассмот-

рены В.П.Грачевым⁹.

Контактам Д.Обрадовича с русскими политическими и общественными деятелями в начале XIX в. посвящена статья И.И.Лещиловской¹⁰.

В советской историографии нашел освещение и такой интересный вопрос как отражение сербских событий первой трети XIX в. в русской периодической печати¹¹.

Приведенные в работах советских историков факты убедительно свидетельствуют, что в начале XIX в. среди дворянских кругов России не только значительно возрос интерес к сербам, их национально-освободительному движению, но и появилось немало приверженцев оказания действенной помощи повстанцам, создания самостоятельного Сербского государства под покровительством России. Характерным являлось то обстоятельство, что в конкретных предложениях, касавшихся политики русского правительства в отношении югославянских народов, нередко учитывались и поддерживались политические требования, выдвигавшиеся самими сербскими общественными деятелями, рассчитывавшими получить поддержку со стороны России.

Весьмаым вкладом в изучение вышеназванной проблематики явилось издание советскими и югославскими историками документов по истории Первого сербского восстания 1804-1813 гг.¹² Хотя в основном здесь представлены материалы об отношении русских правящих кругов к повстанцам, о русской военной помощи, но значительная их часть характеризует некоторые формы общественных связей России и Сербии, например, поездки сербских делегаций в Петербург и штаб Молдавской армии и др.

Обобщенные результаты своих исследований по истории русско-югославянских общественных связей в начале XIX в. советские ученые - И.С.Достян, А.П.Бажова, В.П.Грачев, Н.И.Хитрова - представили на международной конференции в Белграде в декабре 1980 г. по случаю 175-летия Первого сербского восстания¹³.

Не имея возможности в сложившейся международной обстановке

новке в 30–40–е годы XIX в. проводить активного внешнеполитического курса в югославянских землях, русское правительство принимало меры, призванные расширить и укрепить связи с народами этого региона. В 1835 г. были открыты кафедры славянских языков и литератур в ряде русских университетов. Научная и общественная деятельность первых русских славистов – О.М.Бодянского, П.И.Прейса, Н.И.Надеждина, И.И.Срезневского, В.И.Григоровича и др. – способствовала усилению в России интереса к истории и культуре югославянских народов, а поездки деятелей русской науки на Балканы вели к установлению непосредственных контактов с югославянскими учеными, дальнейшему укреплению научных и общественных связей.

Россия оказала помощь в деле создания первой типографии в Сербском княжестве (1832 г.). Этот вопрос рассмотрел С.А.Виноградов, приведя при этом неизвестные ранее исследователям архивные документы¹⁴.

Интересные формы культурных связей России и Сербии в 40–60–е годы XIX в. прослежены Е.П.Наумовым¹⁵. В одной из статей он рассмотрел вопрос о русско-сербском научном сотрудничестве, результатом которого был сбор материалов по истории Первого сербского восстания, в особенности по вопросу о военной помощи России сербам во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В другой статье Е.П.Наумова по проблематике русско-сербских культурных связей 40–60–х гг. XIX в. показаны заметные достижения русского дореволюционного славяноведения, которые нашли свое выражение в появлении целого ряда исследований, посвященных средневековой и новой истории сербских земель, средневековым памятникам сербской культуры. Несмотря на то, что в русском славяноведении и преобладали тогда славянофильские воззрения, связанные с идеализацией славянской "самобытности" и т.д., появившиеся в тот период работы русских ученых представляли, по мнению Е.П.Наумова, важное и значительное явление в истории славяноведения, в истории изучения прошлого сербских земель и взаимоотношений сербского народа с ос-

сией.

Ярким свидетельством русско-сербских связей в период до Крымской войны были контакты великого реформатора сербского языка В.С.Караджича с русскими правительственными и научными кругами. Советские историки и литературоведы внесли значительный вклад в изучение деятельности Караджича, уделив при этом главное внимание исследованию его связей с Россией.

В общем плане этот вопрос рассматривался в статье С.А.Никитина¹⁶, который отмечал, что помощь русских ученых и правительства имела огромное значение для проведения Караджичем реформы языка.

Значительное место проблеме "Вук Караджич и Россия" уделяется в монографии П.А.Дмитриева и Г.И.Сафронова¹⁷. Ленинградские ученые рассмотрели целый комплекс вопросов: поездка Караджича в Россию в 1818-1819 гг., его контакты с Российской академией наук и отдельными учеными, публикация материалов о нем в русской периодической печати, полемика вокруг языковой реформы Караджича. Авторы отмечают, что успеху творческих начинаний В.Караджича способствовали тесная связь с русской культурой и наукой, постоянная моральная и материальная поддержка со стороны многих русских ученых, писателей, общественных и государственных деятелей, различных научных учреждений и обществ. Как известно, видные деятели русской науки и культуры с большой симпатией и одобрением относились к трудам В.Караджича. Их позитивные и поощрительные отзывы о его работе приносили Вуку моральную поддержку, способствовали признанию его научных и литературных заслуг, а также получению материальной помощи. П.А.Дмитриев и Г.И.Сафронов демонстрируют это на примере его связей с П.И.Кеппеном, Н.И.Надеждиным и И.И.Срезневским. В монографии подчеркивается высокая оценка, которую дали деятельности "великого серба" представители русской революционной демократии - В.Г.Белинский и Н.Г.Чернышевский.

Отдельные аспекты этой проблемы рассмотрены также в

работах А.М.Балакина, П.А.Дмитриева, В.Н.Зыкина, М.Я.Гольберга, И.В.Чуркиной¹⁸.

По вышеназванной проблематике советские ученые, наряду с югославскими историками, проделали большую научно-публикаторскую работу¹⁹. Переписка В.Караджича и русских ученых И.И.Срезневского, В.И.Григоровича, М.П.Погодина в 40-50-е годы позволяет выявить многие детали их биографии, а также раскрывает важные стороны связей сербского деятеля с Россией.

Ряд аспектов русско-хорватских общественных связей исследовала И.И.Лещиловская. В ее монографии "Иллиризм"²⁰ рассмотрен, в частности, вопрос о связях Людевита Галя - одного из инициаторов и активных деятелей иллирийского движения - с Россией в 30-40-е годы XIX в. Автор отмечает стремление Галя к тесному сближению южных славян, в первую очередь, хорватов, с Россией, чтобы в опоре на нее добиться национального освобождения; показывает его попытки установить связи с русскими дипломатическими и общественными деятелями, что особенно ярко проявилось во время его поездки в Россию в 1840 г. Позднее Галь стало очевидно, что русское правительство, не желая конфликта с Веной, не склонно в той же мере содействовать национальной борьбе австрийских югославян, в какой оно оказывало поддержку Сербии. В этот период происходит ослабление русофильских настроений хорватского деятеля. В монографии И.И.Лещиловской нашли отражение и такие аспекты русско-хорватских общественных связей как публикация в хорватских литературных органах произведений русских писателей и ученых, освещение событий в Хорватии в русской периодической печати, поездки русских ученых и путешественников в Хорватию, книгообмен. Автор подчеркивает, что деятели русской науки - И.И.Срезневский, П.И.Прейс и др. - одобряли литературно-языковую и общественную деятельность участников иллиризма.

Всестороннему анализу русско-словенских связей на протяжении всего XIX в. посвятила свою монографию и ряд работ И.В.Чуркина²¹. Автор рассматривает их в тесной взаимо-

связи с изучением основных этапов развития словенского национального движения. Исследуя первый период — этап просветительства (до 1848 г.) — И.В.Чуркина отмечает, что конкретные контакты между русскими и словенскими общественными деятелями носили спорадический характер и русская общественная мысль не оказывала влияния на формирование идеологии словенского национального движения. Вместе с тем, сам факт существования России — славянской державы, по мнению исследователя, имел существенное влияние на развитие словенского национального самосознания. В работах И.В.Чуркиной приводятся новые материалы о контактах русских ученых-славистов — П.И.Кеппена, И.И.Срезневского, П.И.Прейса, В.И.Григоровича, Н.И.Надеждина и др. — со словенскими научными и общественными кругами в 20–40-е годы XIX в.

В 30–40-е годы XIX в. укрепляются и расширяются политические и общественные связи России с Черногорией. Были восстановлены ежегодные субсидии, выплачиваемые русским правительством этой стране, предоставлено значительное количество зерна для создания запаса на случай неурожая, что имело большое значение для простого народа. Укреплению русско-черногорских связей способствовали поездки в Россию правителя Черногории Негоша в конце 30-х годов. Эта проблематика изучена Н.И.Хитровой²². На большом фактическом материале автор показал, что открытие ряда начальных школ и первой типографии в Черногории в 30-е годы стало возможным лишь благодаря материальной помощи русского правительства. Н.И.Хитрова отметила значительную роль в укреплении русско-черногорских связей ряда русских деятелей — полковника Я.Н.Озерцовского, горного инженера, писателя и дипломата Е.П.Ковалевского, ученых-славистов П.И.Прейса, И.И.Срезневского, Ф.В.Чижова, А.Н.Попова и др., знакомивших русскую научную и широкую общественность с историей и современным положением Черногории.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что в советской историографии проделана значительная научная и научно-публикаторская работа по изучению проблемы

руско-югославянских общественных связей в конце XVIII - первой половине XIX в. Историками СССР выявлены многочисленные архивные документы, свидетельствующие о глубоких исторических корнях связей и контактов различных общественных деятелей и ученых России, с одной стороны, и Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Воеводины, с другой. Вместе с тем, богатые фонды советских архивов, рукописных отделов библиотек, обширные книгохранилища, позволяют вести дальнейшую разработку этой темы. На очереди стоит как продолжение изучения отдельных ее аспектов (например, недостаточно разработанной истории общественных связей в 40-е годы), так и написание обобщающих трудов по проблеме. Следует отметить, что весомый вклад в изучение данной проблематики дадут запланированные в рамках международного научного сотрудничества совместные советско-югославские публикации документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карасев В.Г. Исторические связи народов СССР и Югославии. М., 1956.
2. Дружинина Е.И. Кочук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955.
3. Политические и культурные отношения России с югославянскими народами в XVIII в. Документы. М., 1984.
4. Бажова А.П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
5. В 1983 г. И.И.Лешиловская выступила в Югославии на конференции историков "Россия и югославянские народы в XVIII в." с докладом "Досифей Обрадович и Россия". В настоящее время ее статья под этим названием находится в печати в СФРЮ.
6. Гудков В.П. К выяснению обстоятельств издания "Истории разных славянских народов" Иована Райча - Свѣтское славяновѣдение, 1977, № 1.
7. Фрейденберг М.М. Степан Малый из Черногории - Вопросы истории, 1975, № 10.
8. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980; она же. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804-1813 гг. В кн.: Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813. (Научни скупови Српске академије наука и уметности, књ. XVII, одељ етње историјских наука, књ. 4). Београд, 1983; она же. Из истории русско-сербских связей в начале XIX в. - Советское славяновѣдение, 1970, № 5; она же. Надио-

нально-освободительное движение южных славян и русская общественная мысль первой четверти XIX в. - В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. УШ международный съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М., 1978.

9. Грачев В.П. История Первого сербского восстания 1804-1813 гг. в собрании В.Богитича - В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974; он же. Политика России в отношении Первого сербского восстания 1804-1813 гг. - В кн.: Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.

10. Лециловская И.И. Русские связи Досифея Обрадовича в годы Первого сербского восстания - Балканские исследования, вып. 10. М., 1985.

11. Достян И. Српска тематика у руској публицистици пре трећине XIX века. - Сборник за историју. Нови Сад, 1982, № 26.

12. Первое сербское восстание 1804-1813 гг. и Россия. Кн. 1-П. М., 1980-1983.

13. Достян И.С. Русско-югославянские общественные связи в период сербской революции 1804-1813 гг.; Бажова А.П. Карагеоргиев в России; Хитрова Н.И. Из истории русско-черногорских отношений в начале XIX в.; Грачев В.П. Начальный этап (1804-1807 гг.) русской политики в отношении Первого сербского восстания 1804-1813 гг. - В кн.: Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813. - Српска Академија наука и уметности. Научни скупови. Књ. ХУП. Одељ еђње историјских наука. књ. 4. Београд, 1983.

14. Виноградов С.А. К вопросу о создании типографии в Сербском княжестве в 30-х годах XIX века. - Советское славноведение, 1969, № 5.

15. Наумов Е.П. Записки о русской помощи сербским повстанцам в 1804-1813 гг. - Балканские исследования, вып. 8. М., 1982; он же. Из истории русско-сербских культурных связей 40-60-х годов XIX в. - В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

16. Никитин С.А. Вук Караджич и Россия. - Новая и новейшая история, 1964, № 3.

17. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., Изд-во ЛГУ, 1975.

18. Балакин А.М. Сербско-русские литературные взаимосвязи в первой половине XIX в. - В кн.: Взаимосвязи славянских литератур. Изд-во ЛГУ, 1966; Дмитриев П.А. И.И.Срезневский и Вук Караджич - там же; Зыкин В.Н. Вук Караджич и русская наука. Страница из истории русско-славянских отношений. - Кандидатская диссертация. Л., 1950; Гольберг М.Я. Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в. - Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, књ. ХХХ, св. 3-4, 1964; Чуркина И.В. Югославянско-русские общественные и культурные связи в 50-е годы XIX в. -

- В кн.: Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984.
19. Громов П.Т. Переписка В.С. Караджича с И.И. Срезневским. - В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970; Наумов Е.П. Несколько писем Вука Караджича к русским историкам В.И. Григоровичу и М.П. Погодину. - В кн.: Славянская историография и археография. М., 1969; Карасев В.Г. Вук Караджич и Россия. - В кн.: Славянское источниковедение. М., 1965.
20. Лещиловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
21. Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978; она же. Матица словенская и русские славянофилы. - В кн.: Славяне и Россия. М., 1972; Она же и В. Матула. Архив М.Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40-70-е годы XIX в.) - В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII - 70-х годах XIX в.). М., 1974; Она же. Е. Копитар и первые русские слависты. - In *Stuche z dejin vsetovej slavistiky do polovice. Bratislava*, 1978; Она же. Русско-словенские научные связи в первой половине XIX в. - В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; она же М.Ф. Раевский и югославяне. - *Историјски часопис. Београд*, 1985.
22. Хитрова Н.И. Культурные связи России с Черногорией (XVIII - начало XX вв.). - В кн.: Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Она же. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века. М., 1979.

МОЖАЕВА И.Е.

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА О РЕФОРМЕ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Проблемы развития литературных языков у зарубежных славян, формирования национальных языков, связанного с подъемом национального самосознания у славянских народов, вопросы нормализации и функционирования литературного языка были актуальны для русской науки XIX в., когда решались и кардинальные проблемы русского литературного языка. Развитие русского литературного языка шло путем очищения от церковнославянских элементов и русским ученым были близки идеи Вука Караджича о разрыве с традици

ями русскоцерковнославянского языка, о демократизации литературного языка, об ориентации на живой народный язык. Караджич "заявлял ту реформу литературного языка, которая у нас произошла в период от Карамзина до Гоголя включительно", писал А.Н.Пыпин¹. Большинство русских ученых с интересом и сочувствием встретили борьбу реформатора сербского литературного языка Вука Стефановича Караджича за права живого языка, за национальную культуру, борьбу, которая была одной из форм борьбы сербов за национальную независимость. Вполне закономерен интерес к личности Вука Караджича, чему способствовал и его приезд в Россию в 1818-1819 гг. Начиная с первых заметок в русских журналах начала XIX в. ("Соревнователь просвещения и благотворения", "Вестник Европы", "Благонамеренный", "Сын отечества", "Московский телеграф"), через труды 40-х - 80-х годов И.И.Срезневского, П.А.Кулаковского до русского поэта А.А.Блока, написавшего зачетное сочинение на тему "Значение Вука Караджича в сербской литературе"² и до наших дней тянется непрерывная линия публикаций о реформаторской деятельности Вука Караджича.

Деятельность Вука Караджича в оценке русских ученых достаточно полно освещена в книге ленинградских филологов П.А.Дмитриева и Г.И.Сафронова "Из истории русско-югославянских литературных и научных связей"³. На эту книгу появились рецензии В.П.Гудкова⁴ и Н.А.Мещерского⁵, в первой из которых говорится, что монография "является новым свидетельством и воплощением традиционного для русской науки интереса к культуре южных славян и русско-югославянским связям". К книге Дмитриева и Сафронова приложена обширная библиография русских и зарубежных трудов о развитии сербохорватского литературного языка и деятельности Караджича, доведенная до семидесятых годов XX в., поэтому в своем библиографическом обзоре мы остановимся на работах последних 10-15 лет.

О первых публикациях в России, посвященных Караджичу и его реформе, о внимании русских ученых начала XIX в. к трудам Караджича говорится в кандидатской диссертации

М.В.Никулиной "Славяноведение в России в первой трети XIX в."^{5а}. Отрицательно отнесся к орфографической реформе Караджича Ю.И.Венелин, резко выступил против новой орфографии Н.И.Греч. Напротив, сторонником реформатской деятельности Караджича был П.И.Кеппен. Контакты его с В.Караджичем, Л.Мушицким, П.И.Шафариком, С.Стратимировичем и в связи с этим вопросы о реформе Караджича освещаются в статье Р.М.Цейтлин и М.В.Никулиной "П.И.Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ним землям"⁶.

В монографии советского литературоведа-югославииста Ю.Д.Беляевой "Литературы народов Югославии в России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в."⁷ также освещаются споры о Вуке Караджиче в русской науке. Большое внимание уделено концепции развития югославянских литератур в конце XVIII – первой половине XIX в. А.Н.Пыпина, анализирующего деятельность Караджича с точки зрения его вклада в формирующуюся культуру и литературу сербского народа. (О голосе Пыпина в защиту литературно-языковой реформы Вука Караджича пишет В.П.Гудков в "Фрагментах караджичианы"⁸. "Столь подробного анализа разносторонней деятельности Вука-мыслителя, этнографа, реформатора языка и литературы, – его роли в утверждении сербской национальной культуры не было до Пыпина в русском литературоведении", – пишет Беляева⁹. Подробно излагает она споры, которые оживились после публикации магистерской диссертации П.А.Кулаковского "Вук Караджич. Его деятельность и значение в русской литературе"¹⁰, споры, касающиеся тезиса о разрыве "предания", связывавшего сербов с "делом св. Кирилла", о разрыве сербской литературы с русской, о задержке развития сербского языка и литературы, тезиса, поддержанного Кулаковским.

В статье "История литературного языка у сербов в освещении Н.А.Попова"¹¹ В.П.Гудков подробно рассматривает статью-рецензию Попова на труд П.А.Кулаковского "К вопросу о реформе Вука Караджича", сделанный им анализ объек-

тивных причин образования в XVIII в. сербско-русского культурного сообщества, природы русского влияния в сербской культуре XVIII в., традиций непрерывности употребления народного языка в сербской книжности. Попов говорит о том, что литературно-языковая реформа Вука Караджича облегчила доступ к литературе и достижениям культуры и науки для тысяч и миллионов людей, "содействовала поднятию городского и сельского населения и привлечению его к участию в общенародных делах"¹². Гудков отмечает, что статья Попова принадлежит к разряду работ, подлинная ценность которых раскрывается не в момент их появления, что обусловлено новаторством, своеобразием приемов исследования и интерпретации фактов.

Статью-рецензию на книгу Кулаковского русского историка-югослава Н.А.Попова, высказавшего пожелания больше осветить влияние социальных и экономических условий на духовное и умственное развитие сербского народа и отметившего недостаточное внимание к проблеме русского воздействия на сербское национальное возрождение, посвящена статья В.П.Гудкова¹³.

Кулаковский принадлежал к тем русским ученым славянофилам и панславистам, которые отрицательно оценивали реформу Караджича - Н.И.Греч, В.И.Ламанский, А.С.Будилович, А.Ф.Гильфердинг, В.В.Макушев, - из-за того, что она, по их мнению, способствовала нарушению, разрыву литературно-языковых связей сербов с русскими. Большинство ученых России - Н.И.Кеппен, Н.И.Кашецкин, Н.И.Прейс, И.И.Срезневский, А.И.Лыпин - были на стороне Вука Караджича, высоко оценивая результаты его деятельности, оказывали ему моральную и материальную поддержку. Значение связей Караджича с русскими учеными для его реформаторской деятельности хорошо показано в уже упомянутой книге П.А.Дмитриева и Г.И.Сафронова. Авторы описывают жизненный путь и творческую деятельность Караджича, его работу по нормированию литературного языка, касаются его связей с хорватскими национальными деятелями. В своей новой монографии "Вук С.Караджич и

его реформа сербохорватского литературного языка"¹⁴ Дмитриев и Сафронов дают характеристику социальной обусловленности реформы Караджича, языковой ситуации в сербских землях накануне реформы, основные этапы разработки и реализации предложенной им концепции общего литературного языка для сербов и хорватов. Впервые в советской литературе анализируется перевод Караджичем Нового завета, который является "классическим образцом практического воплощения этой концепции" Караджич двадцать семь лет работал над совершенствованием перевода, пересматривал, уточнял, дополнял теоретические принципы, которыми руководствовался при создании литературного языка. Перевод потребовал образования новых слов, соответствующих живым моделям сербохорватского языка. Дмитриев и Сафронов рассматривают значение перевода Нового завета для решения вопроса о диалектной основе созданного Караджичем литературного языка, для обогащения его лексического фонда. Критики перевода Караджича (в частности, Срезневский) упрекали его за то, что он кодифицировал фактически только говор родного села Тршич. На самом деле Караджич вносил в этот язык элементы других сербских говоров. "Язык, положенный Караджичем в основу сербского литературного языка, - писал Н.И.Толстой в ответе на вопросы к У Международному съезду славистов - не столько, как принято писать в литературе, герцеговинский диалект, сколько несколько обработанное им поэтическое койне сербских народных песен"¹⁵.

В книге Дмитриева и Сафронова упоминается мало известная рецензия на перевод И.И.Срезневского¹⁶, говорится о забытой работе И.Снегирева "Новый завет на сербском нарчч и. Очерк из эпохи возрождения письменности у православных славян"¹⁷, который сравнил перевод Караджича и А.Стойковича, переложившего Новый завет на славяно-сербский язык. Непризнание перевода Стойковича является "еще одним свидетельством бесперспективности использования в сербской литературе славяно-сербского языка, сс-

задаваемого с ориентацией на грамматические нормы церковно-славянского языка московского типа, доказательством преимуществ и жизненности той модели литературного языка, которая была предложена В. Караджичем и его последователями"¹⁸.

Яркая личность Караджича, его новаторская творческая деятельность, борьба за утверждение нового литературного языка и новой литературы настолько фокусировала на себе внимание ученых, что это подчас приводило к прямолинейному противопоставлению литературного языка, созданного Караджичем и книжно-письменного языка XVIII в. Важный вопрос об их взаимоотношениях разрабатывался мало. Перелом наступил в последнее двадцатилетие. "Преодолевается ограниченность и односторонность в освещении истории современного сербского языка, становление которого сводилось ранее некоторыми авторами исключительно или почти исключительно к творческой инициативе Вука Караджича и ее реализации"¹⁹. О новом этапе в изучении истории сербохорватского литературного языка, когда внимание исследователей обратилось к языку донациональной поры и его влиянию на язык Караджича, говорит Гудков в статье "Книжно-письменный язык у сербов XVIII - начале XIX в."²⁰ "Достижения науки об истории литературного языка сербов, черногорцев, хорватов и боснийцев-мусульман и открывшиеся в связи с этим перспективы новых целенаправленных изысканий значительно изменили сложившиеся в XIX - первой половине XX в. и казавшиеся окончательными представления о возникновении и развитии современного сербохорватского литературного языка - литературного языка сформировавшихся наций. В течение долгого времени подчеркивалась мысль о резкой меже, отделяющей литературный язык сербского народа, оформившийся в основном в результате деятельности В. Караджича, от книжно-письменного языка предшествующей поры. Ныне стало ясно, что облик современного литературного языка у сербов сложился не только в результате новаторской творческой деятельности Вука Караджича и его сторонников и преемников, но и вследствие сохранения

многих элементов литературно-языковой практики довуковской поры".

Выводы В.П.Гудкова базируются на скрупулезном изучении такстов ХУШ в. Он анализирует житие, грамматику, словари. Этому посвящен ряд его статей в советской и югославской периодике: "Рукописное сербское сказание о Косовской битве как документ истории литературного языка"²¹; "Србска граматика" Димитрија Милаковића и њен значај за науку о српскохрватском језику"²², "О пореклу и значају славеносрпског речника, преписаног руком Јована Рајића"²³, "Из истории славяно-сербской лексикографии. "Целлариев лексикон" в переложении для сербов"²⁴. Изучение текстов ХУШ в. позволяет уточнить и обогатить научные представления о корнях и предпосылках реформы Вука Караджича, выявить преемственность между языком донациональной и национальной эпохи.

Культурно и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков южных славян, книжно-письменный язык ХУШ в. его функционирование, многообразие его типов и вариантов (язык исторических, естественно-научных текстов, административно-юридических документов, учебников, журналистики, поэзии, драматургии) языковую реформу Караджича исследует Н.И.Толстой в цикле статей и книге "История и структура славянских литературных языков"²⁵. Искать закономерности становления и развития литературных языков в преднациональный период можно, по мнению Толстого, лишь в широких рамках культурной истории. "История литературного языка – дисциплина не только и не столько лингвистическая, сколько культурно-историческая"²⁶. Сербский литературный язык ХУШ в., периода, важного для понимания этапа национального возрождения, анализируется им с точки зрения историко-литературной и историко-культурной. "Лишь историки и историки культуры, как нам представляется, были относительно свободны от взгляда, который можно условно назвать "обратно проекционным", от трактовки ХУШ в. по мерилам и канонам века ХІХ и даже

Толстого интересуют вопросы отношения к литературно-языковой традиции, выбора диалектной базы, единство и вариантность в рамках единого языка – основные проблемы при выборе определенного типа литературного языка в эпоху установления нации. Отрыв от традиций у южных славян он объясняет внелингвистическими причинами: стремлением в минимально короткий срок сделать новый литературный язык орудием культуры народных масс (временной момент); б) пойти на сближение с соседними этническими зонами в целях максимального территориального распространения нового национального литературного языка и сделать его орудием культуры не одной только нации (локальный момент). В Сербии в XVIII в. произошло "удаление от живого "просторечного" языка, – которое позже в первой половине XIX в. было ликвидировано революционным путем, когда Караджич провозгласил полный отказ от церковнославянской традиции и обратился к герцеговинскому диалекту, вернее – к бытовавшему в Сербии, Боснии и Герцеговине языку фольклора, положив его в основу сербского национального литературного языка"²⁸. Позже Толстой отметил, что Вук Караджич не мог окончательно порвать с традицией.

Выбор диалектной базы был обусловлен демографическими, географическими и экономико-географическими показателями. У сербов в конце XVIII – начале XIX в. конкурировали штокавские воеводинский и шумадийский диалекты, окончательную победу одержал шумадийский близкий к восточно-герцеговинскому диалекту.

Период становления национального литературного языка у хорватов хронологически совпадает с сербским. Созданию единого национального литературного языка штокавского типа у хорватов способствовала программа иллиризма, которая основывалась на идеях славянской взаимности, культурного и политического объединения южных славян, их максимально-го литературно-языкового сближения. Характеристика отношений деятелей иллирийского движения с Вуком Караджичем,

языковых реформ Караджича и Людевита Гая, заложивших основу литературно-языкового единства хорватов с сербами, дана в уже упоминавшейся книге П.А.Дмитриева и Г.М.Сафронова о русско-югославянских литературных и научных связях. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования хорватского национального литературного языка рассматриваются в статье Н.И.Толстого.

И.И.Лещиловская, автор известной книги "Иллиризм"²⁹, затрагивает вопросы реформы хорватского литературного языка, установления единства хорватов и сербов на основе единого литературного языка в своих исследованиях формирования славянских национальных культур. Идея объединения южных славян на базе общего литературного языка и культуры владела умами южнославянской интеллигенции в Австрийской империи, особенно в 30-е годы XIX в. "Идейные выразители новых поднимающихся общественных сил в южнославянских землях, — пишет она в статье "Идеи единения славянских культур в первой половине XIX в." в сб. "Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы"³⁰, — искали в таком единении способ ограждения "своего" народа от насильственной денационализации, улучшения общих условий развития, а также преодоления внутренней изолированности разных частей одного народа".

Процессы становления сербохорватского национального литературного языка в начале XIX в. рассматриваются советскими учеными в тесной связи с процессом образования наций, с национально-освободительной борьбой, борьбой за национальную независимость и самоопределение, за культурное и политическое единство двух оформившихся наций. Национально-освободительное движение привлекло внимание к задачам создания национальной культуры, неотъемлемой частью которой был литературный язык. Переход от народности к нации сопровождается тенденцией к единству литературного языка. Образование наций требовало экономической, полити-

ческой, территориальной, культурной, языковой консультации народностей. Сама историческая эпоха требовала революции в области языка и литературы. Только революционным путем Вука можно было выполнить важную социальную задачу - как можно скорее вовлечь широкие народные массы в создание национальной культуры, облегчить им освоение литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пылин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. Спб., 1913, с.24.

2. Блок А.А. Значение Вука Караджича в сербской литературе. Вопросы языкознания, 1963, №4.

3. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., ЛГУ, 1975, 201 с.

4. Гудков В.П. Рецензия на книгу П.А.Дмитриева и Г.И.Сафронова "Из истории русско-югославянских литературных и научных связей" Л., 1975 - Советское славяноведение, 1976 № 3.

5. Мещерский Н.А. Рецензия на книгу П.А. Дмитриева и Г.И.Сафронова "Из истории русско-югославянских литературных и научных связей" Л., 1975. - НДБШ. Филологические науки, 1976, № 5.

5а. Никулина М.В. Славяноведение в России в первой трети XIX в. - АКД. М., 1984.

6. Цетлин Р.М., Никулина М.В. П.И.Кеппен и его путешествие по Сербии и Хорватии и соседним с ними землям. В кн.: Сборник за славистику, 1979, № 17.

7. Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии и России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в. М., "Наука", 1979. 279 с.

8. Гудков В.П. Фрагменты караджичианы. - Советское славяноведение, 1987, № 4.

9. Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии и России. Восприятие, изучение, оценка. Последняя четверть XIX, начало XX в., с. 144.

10. Кулаковский П.А. Вук Караджич. Его деятельность и значение в русской литературе. М., 1882.

11. Гудков В.П. История литературного языка у сербов в освещении Н.А. Попова. - Советское славяноведение, 1986, № 2.

12. Попов Н.А. К вопросу о реформе Вука Караджича. - ЖМНП, 1882, ч.220, №4, с.218.

13. Гудков В.П. История литературного языка у сербов в освещении Н.А. Попова. - Советское славяноведение, 1986, № 2.

14. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Вук С.Караджич и его реформа сербскохорватского литературного языка. Л., ЛГУ, 1984, 107 с.

15. Толстой Н.И. Ответы на вопросы к У Международному

- съезду славистов. - Слав. филология, т. I, София, 1963, с. 45.
16. АМШ, ч. 57, 1848 г.
17. Снегирев И. Новый завет на сербском нарѣчии. Очерк из эпохи возрождения письменности у православных славян. Казань, 1876, отд. оттиск из журнала "Православный собеседник".
18. Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка., с. 42.
19. Гудков В. П. К изучению русского лексического наследия в сербохорватском языке. - Вестник МГУ. Филология, 1978, № 4 с. 72.
20. Гудков В. П. Книжно-письменный язык у сербов XVIII-начале XIX в. - В кн.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981, с. 149.
21. Гудков В. П. Рукописное сербское сказание о Косовской битве как документ истории литературного языка. - Сборник за филологију и лингвистику, 1974, XVII /2/.
22. Гудков В. П. Србска граматика Димитрија Милаковија и њен значај за науку о српскохорватском језику. - Ф., 1974-1975, књ. 31.
23. Гудков В. П. О пореклу и значају славеносрпског речника, преписаног руком Јована Рајића. - Сборник за филологију и лингвистику, 1977, XX /2/.
24. Гудков В. П. Из истории славяно-сербской лексикографии. "Целлариев лексикон" в переложении для сербов. - Славянская филология, 1979, вып. II.
25. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
26. Там же, с. 154.
27. Там же, с. 175.
28. Там же, с. 94.
29. Лещиловская И. И. Иллиризм. М., 1968.
30. Лещиловская И. И. Идеи единения славянских культур в первой половине XIX в. - В кн.: Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы., М., 1977, с. 122-123.

СЕРБСКИЙ ВОПРОС В ПЕРИОД СЛОБОДЗЕЙСКОГО
ПЕРЕМИРИЯ (АПРЕЛЬ 1807 - АВГУСТ 1808 Г.)

В предшествующих статьях автор уже обращал внимание на слабую изученность и тенденциозность освещения темы, касающейся политики России в отношении сербского восстания 1804—1813 гг. и предложил выделить в развитии этой политики четыре основных периода: 1-ый период — с начала сербского восстания и до заключения Тильзитских договоров между Наполеоном I и Александром I (1804 — июнь 1807 гг.); 2-ой — с начала русско-турецких переговоров в Слободзее об условиях перемирия — до заключения русско-французской конвенции в Эрфурте (июль 1807 г. — по сентябрь 1808 г.); 3-й — от Эрфрутской конвенции — до заключения Бухарестского мира между Россией и Османской империей (октябрь 1808 г. — май 1812 г.); 4-й от Бухарестского мира — до поражения сербского восстания (май 1812 г. — октябрь 1813 г.)¹.

Выделенные периоды были охарактеризованы в указанных статьях лишь в самых общих чертах на примере отдельных наиболее важных фактов. Развернутая характеристика с привлечением вновь выявленных в наших архивах документов была дана нами лишь первому периоду политики России в данном вопросе².

Настоящая статья является продолжением начатого ранее исследования всей темы в целом и посвящается характеристике второго, выделенного нами, периода, который охватывает события после заключения Тильзитского мира с Францией и до официального объявления о разрыве Слободзейского перемирия в августе 1808 г. Стремление автора к наиболее полному раскрытию фактической стороны дела объясняется, прежде всего, дефицитом в существующей литературе фактов по данной теме, что повлекло за собой одностороннее и ошибочное освещение этого вопроса в литературе, ко-

торый трактовался и продолжает трактоваться с точки зрения формального невключения сербских повстанцев в условия Слободзейского перемирия. Такой подход к оценке политики России не соответствует свидетельствам документов, хранящихся в наших архивах. Рассматриваемые в данной статье факты дают основания считать, что быстро менявшиеся события международных отношений этого переломного периода развивались так стремительно и оказали такое сильное влияние на русско-сербские отношения, что их можно выделять и рассматривать как особый период в политике правительства Российской империи в отношении сербского восстания 1804–1813 гг.

11 ноября 1806 г. авангард русской армии, расположенной на Днестре, переправился у Могилева на правый берег этой пограничной реки и вступил в пределы Молдавского княжества, население которого подвергалось постоянным грабительским набегам войск мятежного видинского паши Лазванд-оглу. В связи с ответным наступлением войск рущукского мятежного паши Мустафы Байрактара на Бухарест, главнокомандующий Молдавской армией И.И.Михельсон 23 ноября 1806 г. подписал приказ о вступлении корпуса М.А.Милорадовича в пределы Валашского княжества. 2 декабря 1806 г. авангардные части этого же корпуса заняли г. Фокшаны и форсированным маршем двинулись на Бухарест, чтобы очистить его от войск рущукского паши³.

Вступление русских войск в Дунайские княжества послужило сигналом к более решительным действиям сербов, которые 30 ноября 1806 г. овладели Белградом, а в феврале 1807 г., убив белградского пашу со всей его охраной, продемонстрировали де факто, что они окончательно разрывают отношения с Портой и отказываются от условий соглашения, подписанного в Константинополе их посланцем Петром Ичко⁴.

В конце 1806 – нач. 1807 г. командование Молдавской армией начало переговоры с верховным вождем сербских повстанцев о координации совместных действий против непокор-

ного Порте Мулла-паши, который после смерти Пазванд-оглу, последовавшей в январе 1807 г., занял место видинского паши. Карагеоргий обещал направить один из повстанческих отрядов против Видина в феврале 1807 г., но приказ об этом был отдан Миленко Стойковичу только в начале мая 1807 г.

Между тем, 24 апреля 1807 г. в ставку И.И.Михельсона прибыла сербская депутация, которая просила оказать финансовую и военную помощь повстанцам. Кроме того, депутаты просили направить в Сербию русского чиновника, который, по словам Михельсона, - "председательствовал бы в Совете их и руководствовал всеми деяниями их". Они просили также прислать к ним русских специалистов для восстановления крепостей и порохового завода, офицеров для открытия рудников и т.д. Пообещав депутатам выполнить со временем эти просьбы сербского народа, Михельсон вручил им 50 тыс. пиастров и приказал генерал-майору И.И.Исаеву принять для обучения стрельбе из пушек команду сербских ополченцев⁵. Противодействие войск мятежного Мулла-паши видинского на некоторое время задержало соединение корпуса русских войск под командой ген. майора И.И.Исаева и отряда сербских войск под командой воеводы Миленко Стойковича, которое по плану предполагалось осуществить в районе Неготинской Крайны. Вышедший на соединение отряд сербских войск был окружен войсками видинского паши, а И.И.Исаев в это же время получил приказ Михельсона очистить район Крайовского баната от турецких войск, которые вторглись в пределы Малой Валахии со стороны Никополя. После завершения этой операции корпус И.И.Исаева переправился на правый берег Дуная 17 июня 1807 г. и соединился там с отрядом Карагеоргия 18 июня 1807 г. у села Штубик. Совместными усилиями они разбили войско Молла-паши у села Малайницы, освободили из окружения отряд Миленко Стойковича и 24 июня 1807 г. подошли к Неготину и блокировали эту крепость⁶. Во время совместных действий на территории Неготинской Крайны Исаев передал

сербам 10 пушек, по 1 тыс. ядер на каждый ствол, 60 бочек пороха, деньги и пр.⁷

Между тем, 28 мая 1807 г. в Константинополе столичные янычары произвели государственный переворот. Они свергли с престола султана-реформатора Селима III и возвели на трон Мустафу IV, при котором влияние французской миссии на Порту еще более возросло. Французские советники под руководством Ф.Г.Себастиани разработали план военных операций на русско-турецком фронте, согласно которому турецкая армия во второй половине июня 1807 г. переправилась на левый берег Дуная и начала наступление на территории Валахии. Одновременно с этим по инициативе Наполеона 25 июня (7 июля) 1807 г. в Тильзите был подписан русско-французский договор о мире и дружбе и договор о наступательном и оборонительном союзе. В соответствии с этими договорами Россия обязывалась прекратить военные действия против Османской империи (ст. 22), вывести свои войска из Дунайских княжеств при условии, если их не станут занимать турецкие войска до размена ратификационными грамотами будущего окончательного мирного договора между русскими и турецкими уполномоченными в Слободзее о заключении временного перемирия и окончательного мира в Париже (ст. 24). Если же Порты откажется принять посредничество Франции в этих переговорах или эти переговоры в течение трех месяцев не приведут к удовлетворительному результату, то Франция обязывалась действовать совместно с Россией против Османской империи и обе договаривающиеся стороны вступают в соглашение о том, "чтобы освободить из-под ига и мучений турецких все провинции Османской империи в Европе, за исключением Константинополя и провинции Румелии".⁸

Русско-турецкие переговоры об условиях перемирия начались 1 августа 1807 г. в Слободзее. Русскую сторону представлял бывший начальник Азиатского департамента 68-летний дипломат в отставке С.Л.Лашкарев, турецкую - бывший реис-эфенди Галиб-эфенди, посредником /"медиатором"/ с французской стороны Наполеон назначил полковника Армана

Шарля Гильемино.

По прибытии в Слободзею 31 июля 1807 г. Лашкарев в тот же день встретился с Гильемино и поставил его в известность о том, что турецкие войска вопреки тильзитским соглашениям вошли в ряде мест на территорию Валахии, оставленную русскими передовыми кордонами, и начали там собирать кукурузу, косить сено и требовать с населения недоимки за прошлые годы. Французский "медиатор" счел эти факты не заслуживающими внимания и постепенно ушел к Галиб-эфенди. Турецкий же уполномоченный, под благовидным предлогом отказался от встречи с русским представителем, поскольку он был занят, по словам Лашкарева, "в переговорах с Гильемино". Опытный русский дипломат по их поведению понял, что французское посредничество будет клониться не в пользу России и что оно вряд ли облегчит предстоящие русско-турецкие переговоры. Вместе с тем Лашкарев позднее писал Будбергу, что Порта сама "боится французов, чтобы они за труды свои не отбили у ней хороший участок".⁹ Первое заседание уполномоченных, начавшееся 1 августа 1807 г. и продолжавшееся 4 часа, было посвящено обсуждению только сербского вопроса. Турецкие уполномоченные категорически отказались включить в условия перемирия статью о сербах, поскольку они, по словам Галиб-эфенди, неоднократно изменяли султану и даже воевали против него. Лашкарев, со своей стороны, настаивал, что "и сербы подходят под перемирие". В письме от 2 августа 1807 г. Михельсон "особо бла-

годарил" Лашкарева за его твердую позицию по сербскому вопросу. На заседании уполномоченных 3 августа обсуждался проект условий, предложенных турецкой стороной. Он предусматривал восстановление власти султана в Дунайских княжествах до подписания статей мирного договора. Лашкарев отклонил этот проект и настоял на принятии условий тильзитских соглашений, согласно которым русские, так и турецкие войска должны быть выведены из Молдавии и Валахии и оставлен^ы все крепости, находящиеся по левую сторону Дуная. В течение 35 дней русские войска должны быть отведены за Днестр, а турецкие - за Дунай.¹⁰ Сообщая об этом Михельсону, Лашкарев вновь подтверждал, что турецкие полномочные ни под каким видом не хотят распространять перемирия на сербов. 6 августа 1807 г. Михельсон ответил на это: "Пока не будет перемирия для сербов, до тех пор нельзя считать и здесь перемирия, ибо наш корпус там находится, которого не могу взять оттуда без перемирия".¹¹

"Касательно Сербии, - отвечал Лашкарев на следующий день - мы беспрестанно хлопочем. Наконец, употребив все способы, принужден я был предложить... артикул, на который я буду ожидать их ответа, но не отступлю ни на шаг... Прошу покорнейше дать знать о сем упорстве их нашему двору, что они /турки.- В.Г./ никак не хотят выводить войска из Сербии.¹² Незадолго до своей смерти тяжело больной Михельсон

был вынужден отправить письмо Лашкареву, в котором писал по поводу сербов: "Упорство со стороны турок велико, но ежели они уже никак не согласятся распространить перемирие на всю Сербию, то по крайней мере нужно, чтобы такое распространение было на ту часть Сербии, где наши войска находятся... Пускай постановят, что военные действия до окончательного мира прекращаются во всех местах, где только наши войска действовали, то я и сим доволен буду и прикажу корпусу Исаева следовать сюда"¹³. Позднее, в донесении Будбергу от 31 августа 1807 г., Лашкарев в точности изложил смысл последнего предписания по сербскому вопросу и добавил: "По многом упорствовании с их /турецкой, - В.Г./ стороны, продолжавшемся две недели, я, наконец, сделал сие положение особым актом"¹⁴.

Выработанные и согласованные условия Слободзейского перемирия были подписаны уполномоченными обеих сторон 12/24 августа 1807 г. В тот же день Лашкарев отправил их в Петербург с Фацарди. В сопроводительном письме к Будбергу Лашкарев писал: "Не могу не признаться..., что неизвестность, в какой я нахожусь о видах и желаниях высочайшего двора в рассуждении здешних обстоятельств, весьма затруднила наши переговоры... Я всегда надеялся получить дополнительные наставления вашего превосходительства между тем, пока переговоры продолжаются, однако, не видя оных, должен был заключить перемирие. С детьми моими, прибывшими сюда за несколько дней перед сим, думал я получить те бумаги, коих я столь нетерпеливо ожидаю, тогда как здесь со всех сторон спешат к скорейшему заключению мира, а наиболее с французской стороны весьма на то налегают". Опытный дипломат понимал, что подписанные им условия перемирия вряд ли можно было считать выгодными во всех отношениях как для России, так и для сербов. Предвидя заранее недовольство петербургского двора, Лашкарев 13 августа отправил Будбергу еще одно донесение, в котором писал: "Вчера подписали мы перемирие, которое я отправил сегодня (т.е. 13/25 августа 1807 г. - В.Г.) к главноко-

мандующему для ратификации. Прошу покорнейше в. в. пр-во испросить мне от августейшего монарха милостивейшего прощения, если я что либо подписал противу видов двора нашего. Вам неизвестно по прежним моим отношениям, сколько трудов стоило мне трактовать об оном, наиболее же потому, что до сих пор не имел известия получить от Вас ни дополнительных наставлений, ни полной мочи, по коим бы мог я вернее основывать свои переговоры... Если же что-нибудь противу мыслей двора нашего и подписал, то (так) как я почти во всех пунктах отношусь на мирные переговоры, то легко можно все сие исправить без всякого ущерба интересам нашим"¹⁵.

Весть об "отчаянной болезни" И.И. Михельсона заставила С.Л. Лашкарева спешно выехать из Слободзеи в Бухарест, но ему все же не удалось застать главнокомандующего в живых, который скончался 19 августа 1807 г. Находившийся в это время в штабе барон К.И. Меендорф, как старший по званию, временно принял командование Дунайской армией и, наспех просмотрев привезенные Лашкаревым тексты условий перемирия, 22 августа 1807 г. ратифицировал их. 25 августа 1807 г. Лашкарев и Галиб-эфенди обменялись ратифицированными актами договоров.

Между тем И.И. Исаев 18 августа 1807 г. сообщил, что войска мятежного Мулла-паши видинского начали стягиваться к Видину и намереваются переправиться на левый берег Дуная, а часть их уже находится в Калафате. В связи с этим Меендорф просил возвращающегося в Слободзею Лашкарева поставить в известность турецких уполномоченных об этом факте, чтобы они оказали влияние на Мулла-пашу, из-за действий которого, - пишет Меендорф, - "и остался ген. м-р Исаев в тамошних пределах, несмея выступить, пока край не обеспечен совершенно". Лашкарев также известил Меендорфа, что и на других участках фронта, - пишет он, - "со стороны турков не перестают происходить своевольства, нарушающие постановления перемирия". В связи с этим Меендорф приказал: "поставить пикеты и учредить кордон-

ную цепь" по всему фронту. Отправляя текст Слободзейского договора на "высочайшее утверждение", Мейендорф сообщил Лашкареву: "До возвращения курьера, посланного в Санкт-Петербург, все дела (по отводу войск из Дунайских княжеств и из Сербии, — В.Г.) остановились и войска могут быть в нынешнем их расположении"¹⁶.

Известие о смерти Михельсона и текст Слободзейского договора об условиях перемирия были доставлены в Петербург в последних числах августа 1807 г. Ознакомившись с текстом договора, царь был крайне недоволен его условиями. С его точки зрения они явно не соответствовали результатам одержанных русскими войсками побед на Дунае. Особое недовольство вызвали у Александра I статьи договора о частичном распространении перемирия на сербов, обязательство русских не начинать военных действий ранее 3 апреля 1808 г. и статья о возврате захваченных у турок кораблей¹⁷. При назначении фельдмаршала А.А.Прозоровского главнокомандующим Дунайской армией Александр I объявил князю, что он не будет утверждать ратифицированный Мейендорфом текст Слободзейского договора по двум обстоятельствам: во-первых, его не удовлетворяют вышеназванные статьи договора, во-вторых, Мейендорф не имел на это официальных полномочий царя.

По дороге в Бухарест А.А.Прозоровский 11 сентября 1807 г. отправил Лашкареву письмо, в котором писал: "Государь император не мог утвердить некоторых пунктов перемирия... Я не имею у себя всего перемирия, да и не читал оного... По прибытии же моем в Бухарест я вникну подробно во все обстоятельства и тогда в состоянии буду преподать Вам совет"¹⁸.

События в Неготинской Крайне, где совместно действовали русские и сербские войска против войск мятежного Мулла-паши видинского, развивались следующим образом.

Еще при жизни Михельсон поручил И.И.Исаеву начать

переговоры о прекращении военных действий с видинскими турками. Посредником с французской стороны был назначен Мерьяж, который прибыл в Видин в качестве французского консула и военного советника где-то в конце 1806 или в начале 1807 г. Турецким гарнизоном в осажденном русскими и сербами Неготине командовал бывший предводитель кирджалиев в Белграде, а теперь двухбунчужный паша, Кусанджали Халил.

По получении предписания Александра I о прекращении военных действий и об отводе русских войск из Дунайских княжеств, которое было послано из Тильзита 15 июня 1807 г., Михельсон в конце июня 1807 г. приказал Исаеву отвести его корпус от Неготина к Крайову. Этот приказ Исаевым был получен 3 июля 1807 г. Но поскольку Кусанджали Халил не соглашался мириться с сербами, то Исаев не покинул своих позиций. Вскоре было получено известие, что 12 июля 1807 г. в Травнике был получен фирман Порты с приказом готовить боснийские войска к походу на сербов и что 13 июля туда же было доставлено французское оружие, посланное из Италии вице-королем для вооружения босняков¹⁹.

Тогда же начальник сербских войск, действовавших вместе с русскими под Неготином, М.Стайкович получил из Белграда письмо Правительствующего Совета, в котором сообщалось, что новый султан Мустафа IV согласился уступить Австрии Сербию и Боснию в качестве компенсации долга в 80 тыс. пиастров. И.И.Исаев не без основания предполагал по этому поводу, что такие нелепые слухи могут распространяться в Сербии только французскими эмиссарами для того, чтобы поссорить сербов с русскими. Насколько можно судить по реакции членов Правительствующего Совета Сербского и воеводы М.Стойковича, старания французских агентов в Сербии и Боснии не остались без последствий²⁰.

13 июля 1807 г. Исаев отправил письмо Мулла-паше в Видин с предложением прекратить военные действия и на-

чать переговоры о перемирии. В ответ на это 15-ти тысячный корпус видинского паши, не без согласия Мерьяжа, 19 июля атаковал позиции русских и сербов под Неготином. В ходе разгоревшегося сражения М.Стойкович известил Исаева, что сербы, не имея сил удерживать свои позиции, начали без приказа в беспорядке отступать в горы. Исаев также приказал своим войскам отойти от Неготина и закрепиться на дунайском острове Кербов¹². 28 июля 1807 г. на остров к Исаеву прибыл французский "медиатор" Мерьяж с сообщением, что Мулла-паша согласен на перемирие с русскими, но не с сербами. Исаев ответил, что перемирие может быть только общим. 31 июля 1807 г. на о.Кербов прибыл представитель турецкого командования Рашид-эфенди, который был уполномочен великим визирем вести переговоры с Исаевым об условиях перемирия. Посредником с французской стороны назначался Мерьяж. Соглашалась начать переговоры, Исаев, в то же время, поставил условие, чтобы они велись без французского посредника. Это условие Исаев объяснил своим недоверием к Мерьяжу и другим французам, которые активно распространяли слухи о том, что русские войска будут выведены не только из Сербии, но и из Дунайских княжеств.

Эти слухи, пояснял Исаев, до крайности раздражают сербов. Даже Миленко Стойкович, — пишет Исаев, — также в нас сомневается и вчерашний день у меня напал на турок, приехавших ко мне с письмом; едва я мог остановить его; и на турецком языке не пощадил /он/ и меня, говоря, что

все сии переговоры клонятся к тому, чтобы продать их".²² М.Стойкович, – продолжает Исаев, – "с крайним сожалением признался, что как скоро мы / русские – В.Г./ тронем-ся с места, сербские войска разбегутся. По сей-то причине я остался... ибо турки ... охотно предпочитают перемирие с российскими войсками, а с сербами не хотят его". В своем письме к Измаил-бею Исаев предупредил сераскера видинской группировки: "Как русские стоят вместе с сербами, то в случае нападения / на них турок/ я должен буду защищаться"²³. Корпус Исаева оставался в Сербии до конца августа 1807 г. и был отведен в Крайово по приказу К.И.Мейендорфа только после обмена ратификационными актами.²⁴ В Сербии же продолжали нагнетаться слухи о последствиях, которые будут вызваны выводом русских войск. Прибывший неделю назад в Белград К.К.Родофиникин писал по этому поводу 7 августа 1807 г., что сербские старейшины и все население страны на самом деле возбуждены до крайности слухами об отводе корпуса Исаева из Сербии. К ним добавились разговоры и о том, что правительство России при заключении мира с Портой будто бы уже приняло решение пожертвовать сербами, а боснийские власти, в связи с этим решением, уже начали приглашать, – пишет Родофиникин, – "всякого магометанина принять оружие и итить на истребление сербов".²⁵ По мнению Ст.Новаковича, М.Вукичевича и некоторых других сербских историков распространением подобных слухов зани-

мались тайные агенты Австрии и их сторонники в Сербии. Но если принять во внимание, что подобные слухи распространялись в Сербии еще до подписания Слободзейского перемирия и что они исходили из Боснии и Видина, то есть основание думать, что первоисточником дезинформации были, прежде всего, французские "медиаторы": Ф.Г.Себастиани в Константинополе, Гильемино в Слободзее, Мерьяж – в Видине, французский консул Давид в Травнике и др. Эти слухи распространялись и турками. Например, находившийся на о. Кербов Петр Теодорович Добринац 19 августа 1807 г. сообщил М.Стойковичу, что 18 августа к Исаеву прибыл посылный турок из Видина, который объявил сербам, находящимся на острове, что русские действительно отводят свои войска из Дунайских княжеств, которые по-прежнему остаются в составе Османской империи. А это значит, – пояснил Петр Добринац, – что "мы нынче совсем пропадем, нас оставляют на разграбление туркам... Пиши, брат, во все стороны, как мы ныне остаемся под турками и... сообщи всем нашим начальникам, чтобы они старались искать лекарство полезное нам, в нынешних обстоятельствах находящихся, чтобы /мы/ лениво не пропали"²⁶. Беспокойство сербского народа еще больше усилилось, когда К.К.Родофиникин поделился с Карагеоргием своим мнением о том, что "совершенной независимости для сербов на первый раз ожидать трудно и что преимущественнее, для них самих лучше, остаться до времени под верховною властью Порты, имея своего князя и свое правительство". Характеризуя реакцию сербских старейшин на высказанную им мысль, Родофиникин пишет: "Сначала все отзывались, что они скорее умрут с оружием в руках, нежели покорятся Порте, но мало по малу утикли"²⁷.

По получении известия об уходе корпуса Исаева с о. Кербов в Крайово Правительствующий Совет Сербский 27 августа 1807 г. отправил к прозоровскому секретаря Совета И.Юговича с письмом, в котором сообщалось о "крайнем

отчаянии", охватившем народ в связи с выводом русских войск из Сербии. Сербские старейшины писали: "Чтобы мы не пали от слепой ярости простого народа, мы вынуждены... просить Вас, чтобы Вы ради утехи этого народа приказали генералу Исаеву приблизиться к острову /Кербов, - В.Г./ и к нашей стороне ради охрабрения, а в случае необходимости и для помощи нашим войскам до установления перемирия с турками. После того как перемирие и нас охватит, то турки оставят нас в покое и будут ждать, что за тем последует и какой мир будет установлен"²⁸.

* * *

Как только стало известно об отказе Александра I утвердить акт Слободзейского перемирия, Галиб-эфенди поспешил покинуть Слободзею, а полковник Гильемино объявил о своем намерении отправиться в Париж. Нежелание турецкого уполномоченного и французского посредника возобновить переговоры на новых условиях, поставили нового главнокомандующего Дунайской армией А.А.Прозоровского перед необходимостью решать все вопросы путем переписки с великим визирем и французским послом Ф.Г.Себастиани. Одновременно Прозоровский предписал русскому представителю в Сербии К.К.Родофиникину, чтобы он направил письма бейлербею Румелии Исмаил-бею и боснийскому визирю с просьбой не нападать на сербов ни со стороны Ниша, ни из Боснии. Исмаил-бей ответил согласием, а боснийский визирь предпочел обсудить это предложение русского командования с французским консулом в Травнике Давидом. Во время беседы Давид, как бы между прочим, сказал, что боснякам никто не позволяет напасть на сербов, если они сами подадут к этому повод²⁹. Подстрекательский намек французского консула был понят и войска траницкого визиря 29 сентября 1807 г., переправившись через р. Дрину, напали на близлежащие сербские села. Отряды сербских ополченцев, во главе с протопопом Матвеем Ненадовичем, преградили боснякам путь у села Липолист и отогнали их за реку. Вскоре пос-

ле этой провокационной вылазки 15-ти тысячное войско боснийского пашы Хассана вступило в пределы повстанческой Сербии у г. Сокол и занялось грабежом окрестных селений. 12 октября 1807 г. войска сербских повстанцев, которыми командовали архимандрит Мелентий Стеванович и капитан русской армии Бей Новокрещенный, отбили нападение босняков и отогнали их за р. Дрину. После этих неудавшихся провокационных инцидентов со стороны Боснии турецкие войска уже не нападали на сербов до весны 1808 г.³⁰

Ответы великого визиря и французского посла Ф.Г.Себастиани на письма А.А.Прозоровского об изменении выше-названных статей Слободзейского перемирия были доставлены в ставку главнокомандующего Дунайской армией 4/16 ноября 1807 г. Судя по свидетельствам Прозоровского почти все его требования были удовлетворены. По поводу требования Прозоровского распространить перемирие на всю территорию повстанческой Сербии Ф.Г.Себастиани извещал, что все предпринятые после подписания Слободзейского перемирия нападения турецких войск на сербов были совершены без ведома Порты. Теперь же, Порта обещала, - пишет Прозоровский, "что сербы до окончательного заключения мира... оставлены будут в спокойствии"³¹.

Для урегулирования сербо-турецких отношений во время перемирия Порта поручила константинопольскому патриарху направить в Сербию своего представителя. Эта миссия была поручена митрополиту Авксентию и его секретарю Недялко Поповичу. Патриарх вручил им для передачи Карагеоргию и белградскому митрополиту Леонтию два своих письма и еще одно письмо, которое от имени Порты было написано главным драгоманом Караджой. Все три письма призывали сербский народ к покорности и смирению. "Словестно же, - пишет Родофиникин, - присланный митрополит объявил, что он имеет поручение обнадежить народ в милости и благоволении султана, который соизволяет дать земле сей такое устройство, какое пожелают сербы"³². Посланцы патриарха выехали из Константинополя 26 октября и прибыли в Белград 13 но-

ября 1807 г. Поскольку Карагеоргия не было тогда в городе, письма были переданы в Правительствующий Совет Сербский, члены которого после консультации с Родофиникиным, объявили митрополиту Авксентию, что ответ на предложения Порты будет дан позже, после того, как с ними ознакомится верховный вождь, и его решение будет обсуждено на общем совете сербских старейшин³³.

Предложения Порты о прекращении восстания на условиях предоставления Сербии автономии стали предметом бурных обсуждений среди сербских старейшин. Представители одной из группировок, возглавляемой Младеном Миловановичем, приехали к Карагеоргию в Тополу и стали настойчиво убеждать его отказаться от примирения с Портой и от советов Родофиникина, который, якобы, специально вызвал для этого из Константинополя уполномоченных, чтобы договориться с ними, — пишет Родофиникин, — "каким образом продать Сербию (слова их, — К.Р.) туркам и, что в сем деле посредником (является, — В.Г.) белградский митрополит". На этом совещании в Тополе было решено, — пишет Родофиникин, — "чтобы присланного из Константинополя митрополита Авксентия прогнать, здешнего митрополита (Леонтия, — В.Г.) убить или запереть в монастырь..., что и мне после сего не должно бы ожидать великих вежливостей... Тягостно... было для меня думать, чтобы все труды и старания в пользу сербов кончились смехом для врагов наших"³⁴. Однако вскоре Карагеоргий отказался от наспех принятого решения и написал письмо Прозоровскому, в котором спрашивал главнокомандующего, какой ответ сербы должны дать Порте на ее предложения. Полагая, что "действующей пружиной" в посылке митрополита Авксентия в Сербию был французский посол Себастиани, Прозоровский рекомендовал Карагеоргию дать Порте уклончивый ответ, прося ее согласие на то, чтобы обещанные султаном привилегии были гарантированы русским и французским императорами. Только при поручительстве этих монархов, — пишет Прозоровский, — сербы будут в состоя-

нии "пробывать верными подданными" султана. Фельдмаршал советовал также верховному вождю спросить согласия у султана на посылку сербских депутатов в Константинополь для встречи с французским послом Себастиани и в ставку главнокомандующего русской армией на Дунае³⁵.

Замысел данных Карагеоргию советов, пояснял Прозоровский позднее в письме к Гудовичу, состоял в том, что для сербов от него не могло быть никакого вреда, но они до получения ответа Порты бесспорно выигрывали время, которое понадобится им же для продления срока перемирия и для ожидания результатов русско-турецких переговоров о заключении окончательного мирного договора. Советуя верховному вождю добиваться гарантий Франции, престарелый князь наивно надеялся на то, что симпатии Наполеона I будут на стороне сербских повстанцев³⁶. Но вопреки предположениям Прозоровского французская пропаганда и дипломатия в тот период преследовали совершенно иные цели. В ноябрьских номерах французских газет стали появляться сообщения о существовании неких тайных планов раздела владений Османской империи между Россией, Францией и Австрией. Эти публикации доставили Прозоровскому немало беспокойства. Узнав о их появлении, он предписал Родофиникину предпринять контрмеры и разъяснить сербскому населению, что авторы этих корреспонденций в провокационных целях пытаются выдать "народные слухи" за сведения, почерпнутые из официальных источников³⁷. О причастности французских дипломатов и их агентов на Балканах к распространению этой дезинформации в Сербии сообщал из Вены и русский посол А.Б.Куракин. В письме к Н.П.Румянцеву он указывал, что эти ложные слухи среди сербов активно распространяют агенты А.Суцу из Руцука и Мерьяж, который "весьма широко" ведет переписку с сербами из Видина. "Есть весьма основательные предположения, — пишет Куракин, — что он (Мерьяж, — В.Г.) старается привлечь на свою сторону сербов. Как бы то ни было, но Мерьяж передал мне информацию о том, что он уже дал понять

Черному Георгию относительно демарша турецкого дивана, целью которого было призвать к порядку сербов"³⁸. Несмотря на активное противодействие австрийских и французских политиков, Карагеоргий после некоторых колебаний решил придерживаться русской ориентации.

14 декабря 1807 г. майор Лавров, направлявшийся в Сербию для обследования сербской артиллерии и восстановления там порохового завода, привез в Белград письмо с рекомендациями Прозоровского по поводу ответа на письма, доставленные сербам митрополитом Авксентием. Поскольку самого Карагеоргия не было в Белграде, то Родофиникин ознакомил с этими рекомендациями личного секретаря верховного вождя. Прочитав письмо, секретарь сказал, что Карагеоргий никогда не подпишет письмо патриарху, если в нем будут написаны слова: "пребудем верными подданными его султанского величества". "Здравомыслящие сербы, — добавил секретарь, — ... понимают, что Сербия не останется самодержавной, что даже она имеет нужду быть подчиненной верховной власти, но сие должно привести в исполнение мало помалу..., теперь же, заведя о том дело, испортим все, ибо умы довольно расстроены от нелепых внушений, имевших место на прошедших днях". Замечания секретаря показались Родофиникину вполне обоснованными и он принял решение исключить из текста рекомендаций Прозоровского, приведенные выше слова. Переговоры между Родофиникиным и Карагеоргием по поводу текста письма патриарху велись четыре дня. Наконец, после долгих колебаний, Карагеоргий 19 декабря 1807 г. одобрил и подписал текст письма патриарху, скрепив подпись своей печатью. 20 декабря 1807 г. письма Карагеоргия, Правительствующего Совета и белградского митрополита были вручены митрополиту Авксентию, который на следующий день повез их в Константинополь³⁹.

В письме от 19 декабря 1807 г. Карагеоргий обосновывал справедливость причин, которые побудили сербов восстать против непокорных Порте янычар. После изгнания мит-

тежных янычар, писал в письме патриарху верховный вождь, сербы ограничились только охраной своих сел, но не напали на земли соседних пашей. "Более 100 тыс. вооруженных сербов, — пишет Карагеоргий, — охотно последовали бы за мной всюду, но я обуздал их пылкость, желая удостовериться его султанское величество и весь свет, что мы единственно для спасения себя восстали, а не для возбуждения других к восстанию"⁴⁰. Последующий текст письма был составлен в соответствии с рекомендациями Прозоровского. В письме говорилось, что сербский народ с благодарностью принимает все милости султана, но просит, чтобы гарантами их были русский и французский императоры и чтобы Порта разрешила сербам для этих целей направить депутации в Константинополь к французскому послу и в Яссы к главнокомандующему русской армией на Дунае⁴¹.

После отъезда митрополита Авксентия Прозоровский предписал Родофиникину, чтобы он убедил сербов соблюдать меры предосторожности как в отношении войск Порты, так и непокорных ей пашей, которые вопреки ее воле могут напасть на Сербию⁴². В конце декабря 1807 г. Родофиникин писал Исаеву: "Здесь, слава богу, мы спокойны; турки строго воздерживаются от нападения на Сербию, хотя сербы и не так исправно соблюдают перемирие, ибо часто рыцари их переходят Дрину для грабежей"⁴³.

Прозоровский, со своей стороны, просил царя о позволении послать сербам 500 пудов пороху, 700 пудов свинца, некоторое количество ружей, 5 или 6 тыс. червонных для закупки боеприпасов и провианта в Австрии, на что и получил разрешение в первой половине января 1808 г.⁴⁴ Но в то же время, когда верховный вождь сообщил ему о своем намерении завербовать в Валахии до 500 наемников из сербов и болгар, Прозоровский посоветовал Карагеоргию воздержаться от этого по причине "политических дел трех императорских дворов: Российского, Французского и Порты Отоманской". В связи с этим главнокомандующий потребовал от Родофиникина, чтобы он еще раз объяснил Карагеоргию: "Хотя перемирие поста-

новленной тайным советником Лашкаревым и не признано... императором, но не меньше того оно на основании Тильзитского трактата со всею строгостью по содержанию высочайшего повеления мне данного сохраняется. Поэтому не только противоположно, но и вредно бы было, чтобы покровительствовала армия, командованию моему вверенная, набирать войска для сербов противу турок...". Чтобы выйти из затруднительного положения, Прозоровский посоветовал Карагеоргию вести вербовку через посредника, болгарина Пиналова, который вскоре и приступил к вербовке распущенных князем К.Испиланти арнаутов, переправляя их в Сербию партиями по 20-30 человек⁴⁵.

25 января 1808 г. фельдмаршал Прозоровский получил письмо Мустафа-паши Байрактара, в котором сераскер приданайской группировки турецких войск предлагал главнокомандующему русской армии начать переговоры о заключении мирного договора между Россией и Османской империей без участия французского посредника. Отклоняя это предложение, Прозоровский писал: "Я не предвижу никакой возможности приступить... к негоциации о мирном трактате между обеими империями с исключением посредства Франции... Если бы нам и удалось заключить мирный договор, то через то самое оскорбился бы общий наш посредник император Наполеон, от чего вместо утушения пламени войны могло бы оное гораздо сильнее возгореться"⁴⁶.

С установлением перемирия Прозоровский занялся укомплектованием и довооружением Дунайской армии. В Австрии была закуплена партия оружия, часть которого Александр I распорядился передать сербам. Но при этом возникло осложнение, о котором Прозоровский писал: "Венский двор, соглашаясь на вывоз, ... требовал, чтобы ружья сии не были обращены к сербам, для чего и должно оные сперва перевезти во вверенную мне армию, а к сербам часть из них отправить наипаче как потом уже от меня, а не прямо из австрийских владений. Если же везти сии ружья Дунаем до

Землина, то явное подается подозрение австрийскому двору в неисполнении упомянутого требования и в употреблении в зло благосклонно данного на вывоз тех ружей дозволения, отдачею оных сербам"⁴⁷.

28 января 1808 г. Прозоровский получил из Петербурга 6 тыс. червонных, о доставке которых сербам он распорядился в середине февраля 1808 г.⁴⁸ 19 февраля 1808 г. в Белград был отправлен инженер-майор Грамберг, с поручением: 1) сделать описание дороги от Крайово до Белграда, разделяя ее на марши; 2) осмотреть позиции, которые занимают войска Миленки Стойковича; 3) снять план и сделать описание белградской крепости; 4) осмотреть укрепления сербов на р. Дрине и снять с них план; 5) научить сербов исправлять крепости и полевые укрепления; 6) сделать карты и планы передать вождю сербского народа и в штаб Дунайской армии⁴⁹.

С майором Грамбергом были отправлены и предназначенные для сербов 6 тыс. червонных. Посылая деньги, Прозоровский просил передать Родофиникину, что он вместе с Карагеоргием расходовал их экономно и расчетливо, избирая "удобнейшие и дешевейшие способы к приобретению хлебных запасов, яко существеннейшей для сербов необходимости и произвел в действо без продолжения времени"⁵⁰. Тогда же главнокомандующий дал указание г. м-ру М.А. Милорадовичу, дивизия которого дислоцировалась в Валахии, чтобы он оказал содействие Пиналову, который наряду с вербовкой наемников для сербов, должен был закупить для них же соль. Фельдмаршал писал по этому поводу: "Желая... удовлетворить нуждам сербского народа, я поручаю в пр-ву позволить болгарину Пиналову купить для Сербии 10 млн. ок соли, со строгим при том подтверждением, чтобы из той купленной соли ни само малейшая часть не была продана туркам". В этот же день ген. м-ру Сиверсу был отослан приказ об отправке к сербам 500 пудов пороха и 700 пудов свинца⁵¹.

Приступая к разработке плана весенней кампании 1808 г., главнокомандующий поручил Родофиникину договориться с Карагеоргием о том, чтобы сербские войска были готовы к отражению внезапных нападений с турецкой стороны, но при этом сербы не должны нападать на турок первыми⁵². "По возобновлении военных операций, — писал Прозоровский Исаеву, — первая обязанность ваша будет состоять в занятии острова Адакале для беспрепятственного сношения нашего с сербами; а дабы тогда не предстояло затруднений в переправе войск наших за Дунай, то и писал я ныне к ... Родофиникину, дабы сербы заблаговременно приготовили достаточное для переправы число судов"⁵³. Предоставляемая русским командованием помощь сербским повстанцам все же была для них недостаточной. Правительствующий Совет Сербский писал Прозоровскому: "Мы в состоянии... вооружить еще 20 тыс. храбрых ратоборцев, которые от всех сторон из Турецкой области приезжают и соединяются с нами, однако ж орудия несть". В этом же письме члены Совета сетовали на то, что они до сего времени пребывают "в крайней неизвестности" о жребии сербского народа и это порождает смущение в людях, "умаление ревности наносит" и "дух храбрости... низлагает". Для разрешения этих волнующих сербский народ вопросов Правительствующий Совет предлагал послать в Петербург к царю сербскую депутацию и просил Прозоровского сообщить его мнение о целесообразности такой поездки⁵⁴.

Майор Грамберг прибыл в Белград 4 марта 1808 г. Он привез сербам деньги и письма Прозоровского. Ознакомившись с рекомендациями фельдмаршала, Правительствующий Совет Сербский на следующий же день отправил к М. Стойковичу приказ о необходимости привести в готовность его войско и выполнить любые требования г. м-ра Исаева, "какого бы роду они ни были". Ему же было предписано выделить лошадей для перевозки пороха и свинца, соблюдая при этом "все меры предосторожности, чтобы турки не могли видеть сию перевозку"⁵⁵.

В зимние месяцы 1807–1808 гг. население повстанческой Сербии очень нуждалось в хлебе и других продуктах питания. Большой приток беженцев из Боснии, Болгарии и других областей Румелии осложнил и без того напряженное положение в Сербии. В связи с нарастающим голодом Родофиникин просил русского посла в Австрии А.Б.Куракина "исходотайствовать от австрийского двора позволения покупать сербам пшеницу и ячмень во владениях австрийских". Австрийские купцы, писал Родофиникин, "доставляют хлеб и туркам и сербам", свободно продавая его в Белграде, Шабаце и других городах Сербии⁵⁶.

В конце 1807 – начале 1808 гг. Наполеон действительно предложил Александру I несколько вариантов раздела владений Османской империи⁵⁷. Затеваемые французской дипломатией переговоры о разделе европейских владений Порты по существу представляли собой не более как отвлекающий маневр, рассчитанный на то, чтобы перессорить между собой Россию и Австрию, а заодно и русских с сербами. Эта политика тайне велась еще с начала переговоров в Слободзее. Теперь же Наполеон решил придать ей большую правдоподобность, посредством спровоцированных им переговоров о планах раздела владений Османской империи. Как выяснилось позже, протоколы этих переговоров по распоряжению самого же Наполеона были переданы Порте⁵⁸.

В марте 1808 г. Наполеон предложил русскому царю продлить сроки истекавшего в апреле 1808 г. Слободзейского перемирия. Приняв во внимание рапорты Прозоровского, в которых он убеждал царя в необходимости усиления Дунайской армии перед решительным наступлением, Александр I не настаивал на возобновлении военных действий после истечения срока перемирия при условии, если турки не подадут к этому повода. "Но ежели бы вопреки того они (турки, – В.Г.) первые учинили на нас нападение, – пишет Румянцев Прозоровскому, – в таком случае е.и.в. представляет уже искусному предводительству вашему исполнить то, что честь

и слава оружия нашего требуют⁵⁹.

Тем временем французские и австрийские агенты, распространяя по Сербии панические слухи, продолжали нагнетать напряженность в стране. В одном из донесений Родофиникин писал, что 20 марта Карагеоргий получил письмо из Австрии от "верных людей", в котором сообщалось, что Франция, Австрия и Порта заключили между собой договор против России и что через две недели австрийские войска должны оккупировать Сербию⁶⁰. Поддавшись на эту провокацию, Карагеоргий, вопреки советам Родофиникина, обратился к Прозоровскому с просьбой ввести в Белград гарнизон русских войск, присутствие которого, по уверению верховного воеводы, могло бы вселить уверенность в сербский народ и устранить раздоры среди старейшин⁶¹. Обстановка в Сербии к этому времени накалилась до такой степени, что одна из группировок, возглавляемая секретарем Правительствующего Совета Младеном Миловановичем, потребовала отстранить от руководства Карагеоргия и направить в Петербург и Париж депутатов, чтобы выяснить там, "что делают цари и какие они имеют намерения" относительно Сербии. "Народ же и наибольшая часть поглаварей, — пишет Родофиникин, — в полной мере спокойны по сему предмету, возложив всю свою надежду на покровительство (российского, — В.Г.) императора..."⁶². И все же несмотря на успокоительные реляции Родофиникина, положение в Белграде до того осложнилось, что там, по его же словам, начало "рождаться волнение, произведенное Младеном с товарищами". Обвиняя Карагеоргия в неспособности управлять народом, Младен от имени Правительствующего Совета Сербского спрашивал у Родофиникина совета каким способом лучше можно было бы устранить верховного воеводу от власти. Родофиникин пишет, что он "употребил все свои силы к отклонению их от оной (затеи, — В.Г.), представив им..., что при настоящем положении дел... всякое волнение в земле будет пагубно...". Другими словами, русский представитель в Сербии был категорически против

устранения Карагеоргия от власти и обещал пришедшим к нему депутатам Правительствующего Совета взять на себя исправление допущенных Карагеоргием злоупотреблений и ошибок. После длительных переговоров с членами Совета, Родофиникину все же удалось отклонить их от этого намерения и в какой-то степени успокоить⁶³.

По получении письма Карагеоргия с просьбой о вводе русского гарнизона в Белград, Прозоровский, не желая брать на себя ответственности за решение столь важного вопроса, 8-го апреля 1808 г. написал письма канцлеру и царю. В письме к царю он писал, что в принципе он согласен с предложением Карагеоргия, поскольку при возобновлении войны присутствие русских войск в Белграде вполне соответствовало бы интересам общего с сербами дела, а в мирное время подразделения этого гарнизона могли бы нести патрульную службу в окрестностях города. "Если гарнизон в Белграде определится, — развивал эту идею Прозоровский, — то и предложения от Родофиникина сербам даваемые, будут ими с большею точностью исполняемы, да и во всех частях правительства послушания будет более". По мнению фельдмаршала русский гарнизон в Белграде мог бы состоять не из 3 или 4 рот, как об этом просил Карагеоргий, а, по меньшей мере, из 4-х батальонов под командой опытного генерала⁶⁴.

Карагеоргию же Прозоровский сообщил, что он без разрешения царя не может пока удовлетворить его просьбу, а с другой стороны, опасается, что ввод русских войск в Белград послужит причиной прекращения перемирия⁶⁵. В другом донесении канцлеру Прозоровский сообщал, что А.Б.Куракин договорился в Вене с австрийскими властями о продаже сербам хлеба и сукна, а также, что Родофиникину было дано разрешение истратить I тыс. гульденов "для заведения медикаментов" и подыскать искусного врача для лечения сербского населения. Ему же было позволено выдавать денежные пособия болгарам, боснякам и другим "иностранцам", находящимся в службе у сербских воевод (поглава-

рей). "Я полагаю, — обосновывал свое разрешение Прозоровский, — что подобные пособия не могут дойти до знатной суммы и в случае возобновления военных действий, наконец, обратится нам самим в пользу, тем более, что особенно болгаре весьма способны к занятию гор. Разрешая по сему предмету г-ну Родофиникину я позволил ему ставить их на счет казенный..."⁶⁶. 1-го мая 1808 г. Родофиникин по просьбе Правительствующего Совета заплатил 2900 грошей за купленные в Австрии 10 т тыс. оха пшеницы⁶⁷.

Несмотря на предпринятые меры, положение в Сербии продолжало обостряться, а 25 апреля 1808 г. Родофиникин был вынужден признаться: "Положение мое со дня на день становится здесь тягостней. При внутренних несогласиях и волнениях, всеваемое австрийцами недоверие к нам и лестные обнадешивания, легко могут ввести сербов в обман и заставить податься на шаг, коликo для них вредный, толикo и интересам нашим... противный". "Последнее средство к успокоению умов" Родофиникин видел в скорейшем "начатии военных действий" против турок⁶⁸.

По истечению договорного срока перемирия в апреле 1808 г. боснийские паша возобновили набеги на сербские села, расположенные по р. Дрине, а видинский паша занял дунайский о. Кербов⁶⁹. "Все селения сербские, занимаемые турками, — рапортовал Исаев Милорадовичу в связи с возобновлением военных действий видинских войск против сербов, — разбежались внутрь Сербии, от чего в Видине терпят великий недостаток в провизии и для того принуждены, которых застанут, ловить"⁷⁰.

Несмотря на начавшиеся набеги на сербов, сераскер придунайских войск Мустафа-паша Байрактар сделал повторное предложение Прозоровскому начать переговоры о заключении мира без участия французских посредников. Это деликатное дело было поручено главному драгоману Порты Богосу Себастиани, который и прибыл тайно в ставку русского главнокомандующего. В разговоре с Прозоровским он

сообщил, что Порты и простой народ обеспокоены бесплодностью и затяжным характером русско-турецких переговоров о заключении мирного договора, которые ведутся в Париже при посредничестве Франции. Поэтому, чтобы ускорить это нужное для обеих империй дело, Мустафа-паша вновь предлагает начать переговоры непосредственно между главнокомандующими противоборствующих армий без участия французских посредников. Другим важным вопросом, который беспокоит Порту и народ, продолжал Б. Себастиани, является сербское дело. "Если приключится какое-либо неожиданное происшествие, противное ожиданиям турок, — интерпретирует слова Б. Себастиани Прозоровский, — то они непременно пережут всех христиан, и ... могут случиться такие обстоятельства, при которых ни сама Порты, ни Мустафа-паша не в состоянии будут их от того удержать". На эту угрозу Прозоровский ответил, что если турки нападут на христиан, то русские войска перейдут Дунай для их защиты⁷¹. И на этот раз предложение Порты о сепаратных переговорах были отклонены.

Незадолго перед появлением Богоса Себастиани в ставке главнокомандующего Прозоровский получил письмо от французского посла из Константинополя. Франсуа Гораций Себастиани извещал русского главнокомандующего, что французское правительство не возражает против продления срока перемирия и подтверждает свое согласие о нераспространении военных действий против сербов. В ночь с 22 на 23 августа 1808 г. Ф. Г. Себастиани лично прибыл в Бухарест к М. А. Милорадовичу. В разговоре с ним французский посол сказал, что султан Мустафа отдал приказ всем начальникам турецких войск не начинать военных действий ни против русских, ни против сербов, несмотря на истечение установленного договором срока перемирия. При этом Г. Ф. Себастиани обратил особое внимание на то, что поскольку Слободзейское перемирие до сих пор не ратифицировано русским царем, то существующее перемирие является следствием

Тильзитского мирного договора, заключенного между Россией и Францией. Тоже самое французский дипломат повторил и при встрече с Прозоровским в Яссах. Уезжая 29 апреля 1808 г. из Ясс через Вену в Париж, Себастиани, объявил, что в Константинополе вместо себя он оставил второго секретаря французского посольства Латур-Мобурга, к которому Прозоровский и должен адресовать свою корреспонденцию. После переговоров с французским "медиатором" Прозоровский написал Родофиникину в Белград: "Исполняя данные ему (Себастиани, - В.Г.) обещания, повторяю ... прежде данные вам правила, чтобы сербы ни под каким предлогом не начинали военных действий противу турок, но чтобы соблюдали, однако же, всю должную военную осторожность, дабы оплошностию своею не возродить в начальниках турецких войск, иногда не повинующихся повелениям Порты, охоты к внезапному нападению. Сие самое можете сообщить как вождю сербскому, так и Совету народа"⁷².

В Петербурге в это время решался вопрос нужно ли России заключать мир с Османской империей или продолжать прерванную войну. Государственный канцлер Н.П.Румянцев рассуждал так. Без боя Порты, конечно, не согласится на установление границы по р. Дунай. Следовательно, возобновление войны неизбежно. Чтобы принудить ее к этой уступке нам нужна лишь "одна выигранная баталия". Однако при теперешних отношениях с Францией, развивал дальше свою мысль канцлер, Россия не может отказаться от переговоров с Портой и от навязанного Наполеоном посредничества. При создавшейся ситуации, по расчетам Румянцева, между Францией и Османской империей неизбежно должны возникнуть противоречия, которые приведут к разрыву отношений между этими государствами, а следовательно, и к отзыву турецкого полномочного представителя из Парижа. Только после этого, - пишет Румянцев, - "мы уже достигнем желаемой цели и тогда ни что уже не будет препятствовать государю императору уполномочить ваше сиятельство (Прозоровского, - В.Г.) к начатию мирных переговоров

на Дунае, дабы окончить оные подписанием мирного трактата... По моим соображениям обстоятельства сии неминуемы, и я почитаю их наиболее благоприятнейшими для окончания дел наших". Исходя из ошибочной концепции неизбежного разрыва отношений между Парижем и Константинополем, Румянцев советовал "отдалять всякий повод к началу военных действий". В опровержение дезинформации, распространяемой Ф.Г.Себастиани и другими французскими дипломатами на Балканах, о том, что русские и турецкие полномочные в Париже, якобы, уже договорились о продлении перемирия до заключения мирного трактата, Румянцев писал Прозоровскому: "Благоволите уведомить Мустафа-пашу, что такового постановления отнюдь не было и что сие должно отнести к какому либо недоразумению со стороны Себастиани"⁷³.

Из тех же соображений решался в Петербурге и вопрос о введении русского гарнизона в Белград. Царь и канцлер считали, что такая мера не только вызовет возражения со стороны Франции и Австрии, но и подорвет их доверие к России. Поэтому Александр I повелел: "отложить это до другого удобного времени"⁷⁴.

Вопреки прогнозам петербургского двора Наполеон отнюдь не собирался ссориться с Портой. Более того, в мае 1808 г. он объявил русскому послу в Париже П.А.Толстому, что при сложившейся на Балканах ситуации утрачена возможность раздела балканских владений Порты. Уступка Портой России Дунайских княжеств, пояснил Наполеон, будет способствовать укреплению связей России с сербами, черногорцами, греками и другими ее единоверцами на Балканах. Франция не может равнодушно относиться к усилению русского влияния на Балканах, поскольку это угрожает ее интересам в данном регионе. Изменение позиции Франции, подчеркнул Наполеон, вовсе не означает его отказа от тех принципов, которые были выработаны им и Александром I в Тильзите. Наполеон вновь выразил готовность следовать этим принципам, но при условии, если русские войска будут

выведены из Дунайских княжеств⁷⁵.

Начавшиеся в конце мая 1808 г. янычарские волнения в Константинополе отвлекли сераскера дунайских войск Мустафу Байрактара от затеянных им по приказу Порты тайных переговоров с Прозоровским. Он отправился в Адрианополь, где должен был состояться военный совет. 8 июля Прозоровский отправил к Мустафа-паше своего адъютанта князя Меншикова с письмом, в котором требовал от сераскера объяснения по поводу участвовавших в нападениях турецких войск на сербов. До получения ответа от Мустафа-паши, — писал фельдмаршал Родофиникину, — "я не признаю еще перемирия разрушенным и для того поручаю в пр-ву именем моим объявить Черному Георгию, чтобы он до дальнейшего от меня разрешения ни к каким репрессалиям не приступал, но для осторожности на будущее время тотчас усилил бы войска на границах и если бы случилось паки новое нападение на сербов, то бы отражал силу силою, не входя однако же ни под каким предлогом в пределы турецкие или же в земли ныне турками занимаемые"⁷⁶. М.А.Милорадовичу же главнокомандующий сообщил, что по данным разведки турецкие войска, действительно, готовятся к возобновлению военных действий, но до времени скрывают это. "В настоящем положении дел, — пишет Прозоровский, — первое их нападение весьма вероятно последует на Сербию; тогда намерен я командировать для подкрепления их генерал-майора Исаева с отрядом войск, состоящим от 5 до 6 тыс. человек"⁷⁷.

16 июля 1808 г. Прозоровскому было вручено письмо Мустафа-паши, который на запрос фельдмаршала по поводу нападения турок на сербов, по словам Прозоровского, "обнаруживает не слишком миролюбивые расположения". Игнорируя прежние обещания Порты не беспокоить сербских повстанцев на всей занимаемой ими территории, Мустафа-паша сообщил Прозоровскому, что поскольку условия Слободзейского перемирия распространяются на сербов только в районах Видина и Кладово, то Порта оставляет за собой право

наказывать всех прочих сербов за их бунт. Сераскер сообщил также, что его попытки переубедить Порту не увенчались успехом и Порта предлагает преступить к этому в ближайшее время⁷⁸.

Между тем в середине июля 1808 г. в Константинополе был совершен очередной государственный переворот, в результате которого на трон был возведен новый султан Махмуд, а пост великого визирия занял сам Мустафа-паша Байрактар. Первые сведения об изменении политического курса нового правительства Османской империи поступили из Вены, от русского посла А.Б.Куракина. Он сообщил Прозоровскому, что Мустафа-паша получил приказ султана, — пишет Куракин, — "придвинуть армию свою к пределам Сербии, ... и сие полагают следствием конференции, которую имел Латур Мобург с рейс-эфенди"⁷⁹.

В ответ на рапорты Прозоровского о нападении турок на сербов и о целесообразности поддержать их отрядом русских войск Александр I 26 июля 1808 г. писал: "Я опробую предложение Ваше в рассуждении отряда г.м-ра Исаева, равномерно и все прочие Ваши распоряжения..."⁸⁰.

Государственный переворот и смена султана на некоторое время приостановили и русско-турецкие переговоры в Париже, поскольку новый султан отказался подтвердить полномочия находящемуся в Париже представителю свергнутого султана⁸¹. В это же время Порта начала переговоры с Англией о заключении союзного договора, направленного против России и Франции. Просчитывая возможные варианты последующих после заключения англо-турецкого союза изменений, Н.П.Румянцев предполагал, что если Порта действительно заключит союз с Англией, то султан обязательно отзовет турецкого уполномоченного из Парижа. Следовательно посредничество Наполеона в русско-турецких переговорах станет излишним и, таким образом, открывается путь к двусторонним русско-турецким переговорам. Но поскольку Порта не согласится на требования России, "не испытав

еще раз жребия оружием"; то, делал вывод канцлер, для России будет выгоднее разорвать существующее перемирие уже в августе 1808 г., когда турки будут нападать на сербов. Всесторонне оценив сложившуюся к началу августа 1808 г. ситуацию, Александр I предоставил Прозоровскому право начать военные действия по своему усмотрению. "Его величество, — пишет Разумовский Прозоровскому 8 августа 1808 г. — предписывает Вам же как учреждение плана военных действий, так и исполнение оно, а равно не ограничивает Вас и в том, до какого пункта нести оружие наше по ту сторону Дуная..., чтобы приобрести славный и полезный для отечества нашего мир определением границ наших по реке Дунаю"⁸².

Русский посол в Париже П.А.Толстой в беседе с Наполеоном 29 августа 1808 г. спросил императора, как он думает урегулировать сербский вопрос при заключении мира между Россией и Портой. Наполеон на это ответил, что Мустафа-паша уже объявил Прозоровскому свое решение соблюдать перемирие только с русскими, но не с сербами. "На сие я ему (Наполеону, — В.Г.) ответил, — пишет Толстой, — весьма надеюсь, что фельдмаршал не согласится с этим, ибо мы никогда не могли бы бросить сербов"⁸³. П.А.Толстой не ошибся в своем предположении. Незадолго перед этим, отвечая на вышеприведенное заявление Мустафы Байрактара по поводу решения Порты напасть на сербов, Прозоровский писал: "Для вас же будет выгоднее ничего не предпринимать против сербов, так как по заключении мира сербские дела будут устроены полубовно и приведены в порядок... Из полученных мною донесений я знаю положительно, что в Видине был опубликован фирман о нападении на сербов. Я предупреждаю вашу светлость, что не могу смотреть на это равнодушно и считаю прекращение военных действий более не существующим"⁸⁴.

Таким образом, в августе 1808 г. договоренность о перемирии на новых условиях, достигнутая посредством

переписки главнокомандующего русской армии на Дунае А.Н.Прозоровского с великим визирем и французским послом Ф.Г.Себастиани была расторгнута по инициативе нового великого визиря Мустафа-паши Байрактара. Но на деле ни Мустафа-паша, ни Прозоровский еще не решались начинать военных действий. У великого визиря не хватало войск для генерального наступления на сербов, а фельдмаршал, по совету из Петербурга, продолжал придерживаться выжидательной тактики. Невозобновление военных действий на Дунае Прозоровский был склонен приписать тем угрозам, которые содержались в его письме к визирю. В одном из донесений царю Прозоровский писал, что после получения его письма турки "крепко остерегаются, и даже сербов ни мало не трогают, опасаясь того, что мы за них вступимся и отомщать будем..."⁸⁵. Во всяком случае, 23 сентября 1808 г. фельдмаршал получил ответ Мустафа-паши, в котором, действительно, великий визирь давал честное слово не начинать военных действий до тех пор, пока русские сами будут соблюдать перемирие. "Наконец, — пишет Прозоровский, — (Мустафа-паша, — В.Г.) удовлетворил даже торжественно моему требованию относительно сербов, оставляя их под покровительством е.и.в. неприкосновенными до постановления мира, что всегда было самым большим для нас преткновением". Здесь же князь пытался убедить царя, что Порта ни под каким видом не пойдет на уступку России Дунайских княжеств из чего вытекает неизбежное продолжение войны. И тем не менее, — пишет Прозоровский, — "я пока не нахожу средств..., чтобы довести войска их (турок, — В.Г.) до нарушения со стороны их перемирия". Делясь своими мыслями по поводу условий, на которых должен заключаться мир между Россией и Османской империей, Прозоровский пишет: "Нельзя приступать к заключению мира без приобретения границы по Дунай и исключительных прав для сербов". Исходя из концепции неизбежного возобновления русско-турецкой войны, фельдмаршал предлагал на-

чать военные действия глубокой осенью 1808 г., когда турки распускают армию по домам. 29 сентября 1808 г. Прозоровский сообщил в Петербург и об отправке сербам транспорта с ружьями и несколькими пушками⁸⁶.

Сентябрьские письма Прозоровского не застали в Петербурге ни царя, ни канцлера, поскольку они в это время отправились в Эрфурт на конференцию. Последнее донесение Прозоровского, о котором Румянцев доложил Александру I, было датировано 27 августа 1808 г. В начале октября 1808 г. Н.П.Румянцев, уже из Эрфурта, известил Прозоровского о том, что на проходившей там конференции (27 сентября - 14 октября 1808 г.), Франция окончательно отказалась от посредничества в переговорах о мире между Российской и Османской империями и в связи с этим, царь распорядился, чтобы русская армия на Дунае воздержалась от возобновления войны хотя бы до декабря 1808 г. при условии, если это не повредит планам самого главнокомандующего. Румянцев поручил Прозоровскому сообщить Мустафа-паше о согласии русского царя начать переговоры о заключении мира между Османской и Российской империями без посредничества какой-либо третьей стороны⁸⁷.

Итак, решения Эрфуртской конференции, наконец-то, устраняли посредничество Франции в русско-турецких переговорах и, казалось бы, открывали для петербургского двора выход из созданного Наполеоном в Тильзите балканского тупика. Но поскольку рассмотрение третьего периода политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804-1813 гг., который определяется нами от Эрфуртских соглашений до заключений Бухарестского мира в 1812 г., выходит за рамки данной статьи, то нам остается только подвести краткий итог рассмотренным фактам.

Во время Слободзейского перемирия, которое по условиям договора устанавливалось с апреля 1807 по апрель 1808 г., но затем по взаимной договоренности было продлено до декабря 1808 г., сербский вопрос неожиданно

приобрел особую важность несмотря на то, что его решение было поставлено в зависимость от быстро изменявшегося в тот период курса европейской политики. Связанное условиями Тильзитских соглашений французского и русского монархов, командование русской армии на Дунае вопреки благоприятно сложившейся на русско-турецком фронте обстановке было вынуждено прекратить военные действия, против находившейся в критической ситуации Османской империи и начать переговоры о заключении с ней мирного договора при посредничестве Франции. Начавшиеся в Слободзее переговоры об условиях перемирия показали, что несмотря на катастрофически нарастающий кризис, Порта ни на каких условиях не хотела согласиться на распространение перемирия на всю территорию повстанческой Сербии. Ее фантастическое упорство во многом зависело и от активной поддержки ее позиции в этом вопросе со стороны французских посредников. Просчеты Александра в Тильзите позволили Наполеону и в дальнейшем "вколачивать клинья" в наметившиеся там трещины балканской политики петербургского двора. С одной стороны, Наполеон на словах завлекал молодого и еще неопытного в политике царя радужными перспективами раздела европейских владений Османской империи, а в официальном договоре категорически требовал отвода русской армии с Дуная на Днестр.

Когда стало очевидным, что выполнение условий тильзитских соглашений влечет за собой оккупацию Дунайских княжеств войсками непокорных Порте пашей и разгром сербских повстанцев, царь, уступая требованиям главнокомандующего Дунайской армией и канцлера, отменил распоряжение об отводе армии из Дунайских княжеств.

Несмотря на то, что во время установившегося перемирия в столице Османской империи было произведено три государственных переворота, сменилось три султана, а раздираемое внутренними противоречиями правительство крайне нуждалось в мире, тем не менее, Порта даже на

краю катастрофы категорически отказывалась признать границу по р. Дунай и выделение из состава ее балканских владений независимой Сербии. Затяжные и бесплодные русско-турецкие переговоры в Париже о заключении мира при посредничестве Франции, с одной стороны, дали возможность туркам преодолеть критический момент в развитии правительственного кризиса и с помощью французских агентов до некоторой степени стабилизировать обстановку в столице, а с другой стороны, почти на год отодвинули срок генерального наступления русской армии на Дунае. В результате русское командование упустило удобный момент, а турки, опять же при помощи французских военных специалистов, укрепили свои оборонительные позиции. В это же время французским и австрийским агентам посредством распространения ложных слухов до некоторой степени удалось внести дезорганизацию в ряды предводителей сербских повстанцев и посеять среди них семена недоверия к политике русского правительства. Однако, участие русских и сербов в совместных операциях против турок при Малайнице и Неготине, распространение перемирия на территорию всей повстанческой Сербии, которого с большим трудом удалось добиться русским дипломатам и командованию Дунайской армии, снабжение сербских повстанцев оружием, боеприпасами, деньгами, посылка в Сербию русских военных специалистов, советников и т.д., - все это вместе взятое явилось убедительным доказательством дружественной и покровительственной политики России в отношении сербских повстанцев и реальной основой для дальнейшего взаимодействия в войне, в продолжении которой к концу 1808 г. уже не сомневались ни командование русской армии, ни предводители сербских повстанцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грачев В.П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804-1813 гг. "Советское славяноведение", №2, 1987, с.32-48. Он же. Политика России в отношении первого сербского восстания 1804-1813 гг. В кн.: "Россия и Юго-Восточная Европа". Кишинев, 1984, с.67-73.

2. Грачев В.П. Начальный этап /1804-1807 гг./русской

политики в отношении первого сербского восстания 1804-1813 гг. В кн.: Югословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804-1813 гг. Београд, 1963, с.177-202.

3. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812 гг. т. I. СПб. 1885, с.82-96.

4. Первое сербское восстание и Россия, кн. I, М., 1980. /Далее: Первое сербское.../ с.308-310.

5. Там же, кн. I, с.355-356. Михельсон-Александрю I. 28 апреля 1807 г.

6. Петров А.Н. Война России с Турцией 1806-1812. с. 218-236.

7. Архив внешней политики России /Далее: ВПР/ ф. Канцелярия, д. 1920, л.29-31. Родофиникин-Прозоровскому 20 марта 1808 г.

8. Внешняя политика России XIX-начала XX вв. Серия I, тт. I-VIII М., 1960-1972. /Далее: ВПР/ т. III, с.631-646; док. №257-258. Статья VIII договора о наступательном и оборонительном союзе.

9. АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 2094, л.42-25, 106 об.-107. Подробнее см.: Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры. М., 1987 г., /Далее: Кессельбреннер Г.Л. Хроника.../ с. 243.

10. АВПР, Канцелярия, 1807, д. 2092, л.51.

11. Там же, лл. 104-105.

12. Центральный Государственный Военно-исторический Архив СССР /Далее: ЦГВИА СССР/ ф. 14209, оп. 5/165, св.27, д. 84, ч. I, л. 31 Лашкарев-Михельсону, 7 августа 1807 г.

13. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 2094, л.93, 95, 100; Кессельбреннер Г.Л. Хроника... с. 245-246.

14. Первое сербское..., кн. I, с.418-419, док. №301.

15. АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 2092, л.53-54, 57 об. Лашкарев-Будбергу 12и 13 августа 1807 г. Кессельбреннер Г.Л. Хроника... с. 247.

16. АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 2094, лл. 119-124 об., 166; Кессельбреннер Г.Л. Хроника..., с. 248.

17. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. I, с.280

18. АВПР, ф. Канцелярия, 1807, д. 2094, л.237-238. Прозоровский - Лашкареву 11 сентября 1807 г.

19. Вукичевич М., Караборье. кн. II, Београд, 1912, с. 581.

20. Петров А.М. Война России с Турцией... т. I, с.255.

21. Первое сербское..., кн. I, с.402 Исаев - Мейендорфу I августа 1807 г.; с.410-411, М. Стойкович - Исаеву 9 августа 1807 г.

22. Первое сербское..., кн. I, с.401-402, Исаев-Михельсону 9 августа 1807 г.

23. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. I, с.256.

24. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. II, с.17.

25. Первое сербское..., кн. I, с. 408.

26. ЦГВИА СССР ф. ВВА, д.396, л.61, П. Добринац - М. Стойковичу, 19 августа 1807 г.; АВПР, ф. Канцелярия, 1807 д. 1895, л. 37-38. Сравни неверное прочтение этого документа М. Вукичевичем в его книге: Вукичевич М. Караборье, кн. II с.593-594.

27. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. I, с.259

28. Периодический журнал "Отаџбина", год. X, кн. 32 Београд, 1892. Правительствующий Совет сербский - Прозоровскому, 27 августа 1807 г.
29. Гаврилович М. Исписи из французских архива. Београд, 1904, с. 226-231.
30. Вукичевич М. Караџорџе, кн. II, с. 598-603.
31. Первое сербское... кн. I, с. 436-438, Прозоровский-Родофиникину, 17 ноября 1807 г.; АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией 1807-1808 гг., оп. 580-а, д. 3, л. 96-107, Прозоровский-Гудовичу, 26 декабря 1807 г.
32. Первое сербское... кн. I, с. 435-436, Родофиникин-Прозоровскому 14 ноября 1807 г.
33. Там же.
34. ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. I, л. 153-157, Родофиникин-Прозоровскому, 9 января 1808 г.
35. Первое сербское... кн. I, с. 422, Прозоровский-Родофиникину 29 ноября 1807 г.
36. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, 1807-1808, оп. 580-а, д. 3, лл. 96-107, Прозоровский-Гудовичу 26 декабря 1807 г.
37. Первое сербское... кн. I, с. 436-438, Прозоровский-Родофиникину 17 ноября 1807 г.
38. АВВР, ф. Канцелярия, Вена, д. II558, л. 26, Куракин-Румянцеву, 14/26 декабря 1807 г.
39. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 394, ч. I, лл. 140-141, 153-157, Родофиникин-Прозоровскому, 20 декабря 1807 г., 9 января 1808 г.
40. Петров А. Н. Война России с Турцией... т. II, с. 21-22.
41. АВВР, ф. Канцелярия, 1807, д. 1906, л. 18-19, Родофиникин-Куракину 28 декабря 1807 г.
42. Там же, д. 1916, л. 380-382, Прозоровский-Родофиникину 23 декабря 1807 г.
43. ЦГВИА СССР, ф. I4209, оп. 3/163-6, св. 30, д. 21, л. 56. Родофиникин-Исаеву, 28 декабря 1807 г.
44. Первое сербское... кн. 2, с. 10-11, док. № 213, Румянцев-Александру I. Он же-Прозоровскому, 16 января 1808 г.
45. ЦГВИА СССР, ф. I4209, оп. 10/170, св. 20, д. 597, л. 4-5, Прозоровский-Родофиникину, 30 января 1808 г.
46. АВВР, ф. ГА I-9, 1807, д. 2, лл. 49-56, Прозоровский-Куракину, 10/22 февраля 1808 г.
47. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, 1808, оп. 580-а, д. 9, лл. 482-483, Прозоровский-Куракину 10/22 февраля 1808 г.
48. ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 394, ч. I, л. 261, Прозоровский - Румянцеву 13 февраля 1808 г.
49. Автократор, Альтшуллер. Из истории помощи... "Исторический архив" №1, 1966 г., с. 122-123, док. №7, Прозоровский-Граммбергу 19 февраля 1808 г.
50. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, 1808, оп. 580-а, д. 9, л. 533-535, Прозоровский-Румянцеву, 23 февраля 1808 г.
51. Там же, л. 524-526, Прозоровский-Милорадовичу, 21 февраля 1808 г.
52. Первое сербское... кн. II, с. 12-14, док. №5, Прозоровский-Родофиникину 19 февраля 1808 г.

53. ЦГВИА СССР, ф.14209, оп.3/163-6, св.30, д.15, л.57-59, Прозоровский-Исаеву 19 февраля 1808 г.
54. Первое сербское..., кн.11, с.14-15, док.№ 6, Правительствующий Совет -Прозоровскому, 20 февраля 1808 г.
55. ЦГВИА, ф.ВУА, д.394, ч.2, л.20-22, Родофиникин-Прозоровскому 5 марта 1808 г.
56. Там же, л.1-2, Родофиникин-Прозоровскому 2 марта 1808 г.
57. Текст беседы Коленкура с Александром I о планах раздела владений Османской империи. См.: Вандаль А. Наполеон и Александр I. т.1, Спб, 1910, с.297-303.
58. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. II, с.46-60.
59. АВПР, ф.Канцелярия. 1808 г., д.1918, л.87-88, Румянцев-Прозоровскому 20 марта 1808 г.
60. АВПР, ф.ГА 1-9, 1807, д.2, л.29. Родофиникин-Прозоровскому 26 марта 1808 г.
61. ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.394, ч.2, л.27-28, Родофиникин-Прозоровскому 26 марта 1808 г.
62. Там же, л.53-54, Родофиникин-Прозоровскому 28 марта 1808 г.
63. Там же, с.75-79, Родофиникин-Прозоровскому, 7 апреля 1808 г.
64. АВПР, ф.Канцелярия, 1808, д.1920, л.59-60, Прозоровский-Александрю I, 8 апреля. Отправлено из Ясс 15 мая 1808 г.
65. АВПР, ф.Канцелярия, 1808, д.1920, л.44 об. Прозоровский-Румянцеву 8 апреля 1808 г.
66. Там же, л.2-5, Прозоровский-Румянцеву 8 апреля 1808 г.
67. ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.394, ч.3, л.188 об. Расписка Ст. Живковича от 1 мая 1808 г. в получении от Родофиникина-2900 грошей.
68. ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.394, ч.2, лл.101, III-III7, два донесения Родофиникина Прозоровскому от 25 апреля 1808г.
69. Первое сербское..., кн.11, с.21-22. Родофиникин-Прозоровскому и Исаев-Родофиникину 29 апреля 1808 г.
70. АВПР, ф. Канцелярия, 1808, д.1920, л.492-493. Исаев-Милорадовичу 11 мая 1808 г.
71. АВПР, ф.Канцелярия, 1808, д.1923, л.19-25, Прозоровский-Румянцеву 25 апреля 1808 г.
72. ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.394, ч.2, л.99-100. Прозоровский-Родофиникину 5 мая 1808 г.
73. ЦГВИА СССР, ф.ВУА, д.2909, л.1 об.-4. Румянцев-Прозоровскому 12 мая 1808 г.
74. ЦГВИА СССР ф.ВУА, д.394, ч.3, л.1. Румянцев-Прозоровскому 15 мая 1808 г.
75. Подробнее об этом смотрите: Петров А.Н. Война России с Турцией..., т.11, с.48-60.
76. АВПР, ф.Канцелярия, 1808, д.1921, л.301-304. Прозоровский-Родофиникину 8 июля 1808 г.
77. ЦГВИА СССР ф.14209, оп.2/163-а, св.91, д.6, л.112-113. Прозоровский-Милорадовичу 11 июля 1808 г.

78. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, оп. 580-а, д. 5, л. 104. Прозоровский-Милорадовицу 18 июля 1808 г.
79. Там же, д. 6, л. 292-299. Куракин-Прозоровскому 21 июля 1808 г.
80. ЦГИА СССР, ф. ВУА, д. 2907, л. 3. Александр I - Прозоровскому 26 июля 1808 г.
81. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, 1808, оп. 580-а, д. 6, л. 313-315. Прозоровский-Куракину 4/16 августа 1808 г.
82. АВВР, ф. Канцелярия, 1808, д. 1918, л. 240-244. Румянцев-Прозоровскому 8 августа 1808 г.
83. Там же, д. 3015, л. 193-195. "Краткий отчет о беседе между имп. Наполеоном и графом П.А. Толстым", 29 августа 1808 г.
84. Петров А.Н. Война России с Турцией..., т. II, с. 90.
85. АВВР, ф. Архив главнокомандующего Дунайской армией, 1808, оп. 580-а, д. 9, л. 347-357. Прозоровский-Александрю I 27 сентября 1808 г. Богишич В. Разбор сочинения Н.А. Попова "Россия и Сербия". В книге "Отчет о 13 присуждении наград Уварова". Спб., 1872 г. /Далее: Богишич В. Разбор../ с. 141-142.
86. Богишич В. Разбор..., с. 152-153. Прозоровский - Румянцеву 29 сентября / II октября 1808 г.
87. АВВР, ф. Канцелярия 1808, д. 1918, л. 280-283. Румянцев-Прозоровскому 4/16 октября 1808 г.

ВНЕШНИЙ ФАКТОР В СЕРБСКИХ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1804-1813 - 1815 ГОДОВ

Надо полагать, что присутствующим знакомы тезисы моего доклада на тему: "О внешнем факторе в буржуазно-национальных революциях на Балканах в XIX в."

В своем устном выступлении, ограниченном регламентом, я остановлюсь только на вопросе о роли внешнего фактора в сербских буржуазно-национальных революциях 1804-1813 и 1815 гг.

Но прежде чем говорить о существовании проблемы, я хотел бы привлечь внимание присутствующих к содержанию, которое я вкладываю в такие понятия, как буржуазно-национальные революции и внешний фактор. Сделать это необходимо, потому что среди ученых-историков как советских, так и югославских, мягко говоря, нет единодушия по этому вопросу. Не вдаваясь в историографию, я постараюсь коротко изложить свою точку зрения касательно этих двух понятий.

Итак, что такое буржуазно-национальная революция? Само определение я не придумал, а заимствовал из творческого наследия Ленина. Освободительную борьбу угнетенных народов, лишенных своей независимости и суверенитета, применительно к первому периоду новой истории Владимир Ильич называл буржуазно-национальными движениями. Совершенно очевидно, что этим определением он хотел подчеркнуть внутреннее содержание явления: т.е. буржуазный по сути своей характер и национальную форму этих движений, преследующих в конечном счете ликвидацию феодальных отношений и создание национально-независимых суверенных государств. Это как раз то, что В.И. Ленин называл главной исторической задачей угнетенных народов Балканского полуострова.

Отправляясь от этой посылки, мы пришли к выводу, что кульминационные пункты подобного рода национально-

освободительных движений были не чем иным как буржуазно-национальными революциями, т.е. особым видом ранних буржуазных революций в национально-угнетенных и отсталых в социально-экономическом отношении регионах, революций, в которых национальный момент играл очень большую, но отнюдь не определяющую роль, поскольку речь шла о революциях формационного характера в эпоху перехода от феодализма к капитализму¹.

Анализ кульминационных пунктов или апогеев освободительной борьбы народов Балканского полуострова – сербского восстания 1804–1813 гг., греческого 1821–1829 гг., революционных движений 1848 г. в Румынии, Хорватии и Воеводине и апрельского восстания 1876 г. в Болгарии, наконец, боснийско-герцеговинского восстания 1875–1878 гг. – позволяет сделать очень интересные выводы и обобщения касательно особенностей исторического развития Балканского региона в XIX в. и отдельных исторических областей, его составляющих.

Что касается внешнего фактора в буржуазно-национальных революциях на Балканах, то тут нет, пожалуй, никаких расхождений среди ученых. Однозначно под этим термином подразумевается политика Великих держав по отношению к национально-освободительным движениям народов Балканского полуострова на разных этапах. Разногласия среди историков начинаются тогда, когда речь заходит о роли и значении внешнего фактора вообще, роли и значении той или иной великой державы, в частности.

После этих предварительных замечаний разрешите перейти к рассмотрению главной темы моего сообщения.

Вряд ли среди присутствующих в этом зале историков найдется кто-нибудь, кто бы стал отрицать очевидный факт, что внешний фактор играл очень большую, а иногда чуть ли не решающую роль в национально-освободительной борьбе балканских народов в XIX в. (к примеру, в обретении греками первыми на Балканах независимости). Истори-

ческие факты свидетельствуют, что ни одному народу Балканского полуострова не удалось решить свою главную историческую задачу собственными силами, без использования или вмешательства внешнего фактора. Причины всего этого очевидны: главными были разобщенность поработанных некогда народов и их социально-экономическая отсталость. Несмотря на определенные усилия, эти недуги они не сумели преодолеть на всем протяжении новой истории, обоих ее периодов.

Идеологи и руководители национально-освободительных движений отдавали себе в этом отчет и с объективными факторами считались. Но суть проблемы, нами рассматриваемой, заключается не только и даже не столько в наличии внешнего фактора, который никто не может отрицать, а в соотношении внешнего фактора с внутренним, о главной и определяющей роли последнего в буржуазно-национальных революциях. Подчеркивая роль и значение внешнего фактора мы вместе с тем не должны забывать, что ни один народ на Балканах не обрел своей свободы только с помощью внешнего фактора: без революционной борьбы; пример Греции не делает исключения. В последнее время стала просматриваться нездоровая тенденция, когда вопросам внешней политики, т.е. внешнему фактору, стало уделяться слишком большое внимание, вследствие чего у читателя многочисленных трудов по внешней политике может сложиться впечатление, что именно внешний фактор играл определяющую роль в историческом развитии.

Прежде всего следует иметь в виду, что внешний фактор может играть как положительную, так и отрицательную роль в национально-освободительной борьбе того или иного угнетенного народа. И зависит это от многих условий, которые выявляются исследователями в каждом конкретном случае.

Это ясно. Ясно и другое: буржуазно-национальные революции только тогда могут рассчитывать на успех, когда

внешний фактор играет положительную роль - поддерживая освободительную борьбу или покровительствуя ей. (Если было бы наоборот, то как тогда объяснить обретение сербами автономии?).

Если мы возьмем так называемое Первое сербское восстание, то, как известно, его вожди, не рассчитывая одержать верх над врагом собственными ограниченными силами, с самого начала стали обращаться за помощью извне. Усилиями ученых двух братских стран показано и доказано, что в начале XIX в. единственной великой державой, реально заинтересованной в поддержке освободительной борьбы сербского народа, была Россия. С точки зрения классового подхода к явлению это выглядит парадоксом, но парадоксом только кажущимся. Дело в том, что Россия помогала сербам не по причине единокровия и принадлежности к одной религии, как думали и писали некоторые, хотя и сбрасывать это обстоятельство со счетов нельзя, не рискуя впасть в ошибку, а из чисто голого политического интереса, потому что сербы выступали союзниками России в ее вековой борьбе с Османской империей на Черном море, борьбе, которая в тех конкретно-исторических условиях носила прогрессивный характер. Нет нужды доказывать, что сербское правительство точно такими же соображениями руководствовалось в своих отношениях с единокрвной и единой верной Россией.

Помощь и заступничество России в отношении сербов Белградского пашалыка способствовали тому, что их стихийное выступление превратилось в общенародную вооруженную борьбу, получившую на втором этапе характер ярко выраженной буржуазно-национальной революции, я бы даже сказал - классической буржуазно-национальной революции.

Как известно, первое сербское восстание после почти 10-ти лет героической борьбы потерпело неудачу.

Однако сила, размах и глубина первой буржуазно-национальной революции на Балканах были таковы, что восстановить турецким властям старые порядки не удалось.

В 1815 г. последовало второе восстание, которое явилось, по нашему мнению, ничем иным как второй буржуазно-национальной революцией в Белградском пашалыке, оказавшейся удачливее первой в том смысле, что из полууспеха второго восстания, благодаря помощи России (положительного внешнего фактора), в конце концов родилось в 1830–1833 гг. автономное сербское княжество в форме конституционной монархии, князья которого избирались из числа двух сербских домов – Обреновичей и Карагеоргиевичей. На это последнее обстоятельство я хотел бы обратить особое внимание присутствующих, ибо факт наличия собственных национальных династий в Сербии является ярким показателем силы и глубины сербской буржуазно-национальной революции. Как известно, всем другим возрожденным государствам на Балканах – Греции, Румынии и Болгарии – были навязаны чужеземные правители, что, конечно же, свидетельствовало о влиянии внешнего фактора в его отрицательном значении. Рождению сербского автономного княжества активно помогала Россия. Это нашло свое выражение в общеизвестных фактах: 8-ой статье Бухарестского мирного договора, Аккерманской конвенции и Адрианопольском мирном договоре.

Значит ли это, и можно ли из этого сделать вывод, что Россия в сербских делах всегда и везде играла положительную роль. Отнюдь нет. Можно привести немало фактов вмешательства русской дипломатии во внутренние сербские дела, которые никак не назовешь прогрессивными. Вспомним хотя бы русское вмешательство в избрание сербским князем Александра Карагеоргиевича в 1842 г.

Когда советские историки-слависты говорят об объективно-прогрессивной роли России в национально-освободительной борьбе балканских народов, то при этом имеется в виду конечный результат их борьбы в решении главной исторической задачи. В самом деле, нельзя отрицать, что без победоносных для России войн с Османской империей

1828-1829 гг. и 1877-1878 гг. не могли бы возникнуть в свое время Сербское, Румынское и Болгарское государства.

Русско-сербские или сербско-русские официальные отношения могут быть правильно поняты и оценены только при классовом подходе к их анализу. Официальная Россия и ее представители в своей политике в отношении Сербии и сербов, как было сказано выше, руководствовались интересами помещичьего государства в первую очередь. В силу совпадения последних с главной исторической задачей сербского народа царская Россия поддерживала национально-освободительную борьбу сербского народа.

Далее. В несвойственной для ее классовой природы роли в Сербии царская Россия выступала еще и потому, что в Сербском княжестве отсутствовало национальное дворянство. В силу этого царское правительство вынуждено было опираться на демократические слои народа, которым оно шло на уступки во имя сохранения своего влияния в стране. Этим, между прочим, и объясняется тот факт, что самодержавная Россия терпела парламентарный строй в Сербии, и не только терпела, но и принимала участие в его становлении. Вместе с тем, нельзя отрицать пусть как вторичного, но важного фактора, которым являлась общность религии и в меньшей мере в тот период — общность происхождения русских и сербов. Достаточно посмотреть переписку русской придворной дамы графини Антонины Блудовой с М.Ф.Раевским, чтобы убедиться в этом.

Полно и недвусмысленно классовая сущность царизма (я бы даже сказал в наиболее чистом виде) проявилась в период общеевропейской революции 1848-1849 гг. Страх перед революцией толкнул русское самодержавие на союз со своим вековым врагом — Османской империей; оно поспешило на выручку другого своего политического противника на Балканах — Австрийской империи.

Все вышесказанное показывает, на наш взгляд, несостоятельность точки зрения, получившей распространение в западной историографии, согласно которой царская Россия

ни при каких условиях не могла играть положительной роли в национально-освободительной борьбе народов Балканского полуострова в XIX в.

Хочу воспользоваться случаем, чтобы сказать, что наряду с отношениями царской России с официальными представителями восставшей и возрождающейся Сербии, развивались и другие отношения — между народами, трудовой их частью, между русскими и сербами. Это были отношения совсем иного рода. Насколько нам известно, лучше всего, полнее всего и глубже всего проник в природу этих отношений известный сербский демократ Живоин Жуевич. В статье "Наши отношения с русскими", напечатанной в газете "Србија" за 1858 г., он писал: "Правительства могут относиться друг к другу в зависимости от их расчетов и договоренности, так что такие отношения могут быть иногда совершенно противоположны чисто народным отношениям..."².

Решительно заявляя о том, что симпатии сербской интеллигенции всецело лежат на стороне демократических принципов и демократов в России, Живоин Жуевич подчеркивал, что чувства братской дружбы между русским и сербским народами укреплялись, помимо всего прочего, и русской помощью сербскому народу в трудное для него время. Отсюда следует, что, отдавая предпочтение бескорыстной дружбе между народами, историки не должны игнорировать и отношения между правительствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Карасев В.Г. Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (к вопросу о характере сербского восстания 1804-1813 гг.) — "Советское славяноведение", 1983, № 3, с. 45-52.

2. Карасев В.Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. Наука, М., 1974, с. 326.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЧЕРНОГОРСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В 1813 -- 1832 ГГ.

Русско-черногорским отношениям первых десятилетий XIX в. уделяли внимание как советские, так и югославские исследователи. Эта проблема нашла отражение в общих трудах по истории Черногории, в работах, посвященных внешней политике России. Имеются исследования, посвященные частным вопросам русско-черногорских связей того времени. Наибольшее внимание историков привлекли такие моменты, как борьба Черногории за присоединение Боки Которской, переселение черногорцев в Россию, роль России в создании черногорской государственности.

Среди русских историков этими сюжетами интересовался П.А.Ровинский¹. Отдельные ценные документы были опубликованы М.Драговичем, Г.Миятовичем, а затем В.Джорджевичем². Однако для работ исследователей второй половины XIX -- начала XX века было характерно рассмотрение русско-черногорских отношений вне связи с социальными аспектами проблемы, международной обстановкой и балканской политикой России в целом.

В работах современных югославских историков Б.Павичевича, Д.Лекича, Д.Вуксана, П.Поповича, Дж.Пейовича, Й.Бойевича³ и других было продолжено изучение русско-черногорских отношений на основе более широкого круга архивных источников. Русско-черногорские отношения рассматриваются в их трудах в тесной связи с внутривнутриполитическим и экономическим развитием Черногории, созданием черногорской государственности. Однако место русско-черногорских отношений в системе балканской политики России осталось нераскрытым, имеются и фактические неточности.

Существенный вклад внесли в изучение вопроса советские историки. В многотомной публикации "Внешняя полити-

ка России XIX и начала XX века"⁴ нашла комплексное освещение балканская политика России. Опубликованы некоторые весьма важные документы и по истории русско-черногорских отношений, что позволяет полнее исследовать эту проблему. В обобщающих трудах "Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв." и "Международные отношения на Балканах 1815–1830 гг."⁵ русско-черногорские отношения освещаются в общем контексте балканской политики России и других европейских держав. Показано, что свою политику в Черногории Россия строила в зависимости от международной обстановки в Европе. С особой полнотой это обстоятельство отражено в монографии И.С.Достян "Россия и балканский вопрос"⁶, где на основе материалов советских архивов рассмотрены также главные аспекты развития русско-черногорских отношений первого двадцатилетия XIX в. Автор ярко показал, что после Венского конгресса и до середины 20-х гг. XIX в. Россия, не прерывая связей с Черногорией, в то же время отказалась от традиционной политики покровительства этому государству, не желая обострять отношений с Австрией и исходя из принципов легитимизма.

Некоторые аспекты русско-черногорских отношений этого периода освещены в работах А.Л.Нарочницкого, Н.И.Хитровой и Ю.П.Аншакова⁷. Однако специальной работы, где бы данная проблема рассматривалась в комплексе, пока не имеется. В настоящей статье делается попытка на основе исследований советских и югославских авторов и с привлечением ряда новых архивных материалов осветить основные линии развития русско-черногорских отношений указанного периода, более полно показать действия русской дипломатии в черногорском вопросе.

Как известно, в начале XIX в. жизненные условия черногорского народа были очень тяжелыми. В стране возрастало население, но нехватало плодородных земель. Часть их, принадлежавших ранее Черногории, удерживалось тур-

ками (равнина Зеты). Сельское хозяйство Черногории страдало от частых засух, стихийных бедствий, что приводило к неурожаю и голоду. На протяжении ряда лет в начале XIX в. свирепствовали чума и холера. Турция и Австрия закрывали тогда свои границы, а это нарушало сбыт черногорского сырья и закупку необходимых для населения страны товаров. Путь к морю Черногории преградила Австрия, завладевшая Приморьем и Бокой Которской.

Порта продолжала рассматривать Черногорию как зависимую от нее территорию, ее притязания на Черногорию поддерживали и западные державы. Только Россия признавала независимость Черногории и оказывала ей материальную поддержку. В 1799 г. ей была предоставлена безвозмездная ежегодная субсидия в размере 1 тыс. червонцев, которая предназначалась для создания государственных учреждений страны. После завоевания Приморья французами выплата субсидий с 1807 г. была временно приостановлена.

Победа России над Наполеоном в 1812 г. и изгнание французской армии из страны усилили надежды Черногории на то, что теперь с помощью России она сможет осуществить свои внешнеполитические планы: добиться международного признания своей независимости и получить выход к морю, присоединив Боку Которскую. Черногорский митрополит Петр I Петрович Негош рассчитывал, что после завершения русско-турецкой войны в 1812 г. и разгрома наполеоновских войск политика России в Средиземноморье и Адриатике будет строиться на прежних основаниях⁸. Он решил предпринять действия по овладению Бокой Которской, занятой французами. Осенью 1813 г. при поддержке английского флота черногорцы и бокельцы выступили против французского оккупационного отряда и освободили Боку Которскую. Их объединенными силами командовал ротмистр П.Н.Никич, долгое время состоявший на службе в казачьем полку русской армии. Серб по национальности, П.Н.Никич поступил на службу в русскую армию в начале XIX в. В сражении при

Аустерлице он потерял руку⁹. Во время сербского восстания Никич командовал сербским казачьим полком, находившимся в составе русского отряда в Сербии. Его храбрость и высокие боевые качества, проявленные в ряде сражений, снискали заслуженную оценку сербского командования. В свидетельстве, выданном Никичу Карагеоргием 13 января 1811 г., подчеркивалось, что он "своим воинским искусством... оказал во всех сражениях весьма важную услугу сербскому народу и своим примером наше сербское воинство ободрил"¹⁰. Никич был назначен командиром большей части сербской конницы. После отхода русских войск за Дунай он покинул Сербию, а затем был послан главнокомандующим Молдавской армией П.В.Чичаговым в Черногорию. Донесение Никича Александру I из Котора от 7(19) мая 1814 г. дает возможность предположить, что его миссия в Черногории была обусловлена задачей способствовать устранению там французского влияния¹¹.

Александр I в середине 1813 г. стоял перед сложной задачей укрепления шестой антинаполеоновской коалиции. В мае Наполеону удалось нанести поражение войскам союзников в двух битвах – при Лютцене и Бауцене. В этих условиях Россия опасалась, что Франция, войска которой находились в Иллирийских провинциях, может укрепить свое влияние на Балканах. Проблема, с которой столкнулась российская дипломатия, была чрезвычайно сложной. С одной стороны, необходимо было привлечь к антинаполеоновской коалиции Австрию и нейтрализовать Турцию, с другой, сохранить свои позиции на Балканах.

Русское правительство вынуждено было согласиться на требование Австрии о передаче ей Иллирийских провинций. Это решение было закреплено в Рейхенбахской (27 июня 1813 г.) и Теплицкой (9 сентября 1813 г.) конвенциях, заключенных между Россией, Австрией и Пруссией. Но некоторые русские государственные деятели понимали, что отдача Австрии славянских земель, да еще в то время, когда Тур-

ция подавила сербское восстание, поколеблет престиж России среди балканских славян. 15 (27) июня 1813 г. И.Каподистрия писал М.Б.Барклаю де Толли о том, что печальная участь сербов испугает народы Герцеговины, Боснии и Черногории, которые перестанут надеяться на русскую помощь и покровительство и будут ждать своего избавления от османского ига при поддержке Франции. Он предлагал тайно отправить на сербско-австрийскую границу русского чиновника, который бы попытался изучить возможность укрепления сил сербов и объединения их с черногорцами и герцеговинцами для отпора наступающим в Сербию турецким войскам².

Эти опасения были небезосновательны. Наполеон пытался проводить антирусскую пропагандистскую кампанию в захваченных славянских землях. В частности, в августе 1813 г., когда черногорско-бокельские отряды готовились к осаде французских гарнизонов в Боке Которской, командование последних издало воззвание к населению, где заявляло, что "их хочет поработить варварская нация и что Россия всегда предавала интересы славян"¹³.

Еще в ходе освобождения Боки Которской 29 октября 1813 г. скупщина черногорцев и бокельцев в Доброте приняла решение об объединении Боки Которской с Черногорией и учреждении там временного правительства во главе с митрополитом Петром I Петровичем Негошем. Последний стремился добиться одобрения этого акта со стороны России. 2 ноября 1813 г. он направил К.В.Нессельроде письмо, где сообщал о действиях против французского гарнизона в Боке, а в следующем письме 4 ноября предлагал создать объединенное государство Черногории и Боки Которской под покровительством России, Англии и Австрии, главой которого он предполагал быть до решения держав¹⁴. 8 ноября аналогичное письмо было направлено им главнокомандующему русской армией М.Б.Барклаю де Толли¹⁵.

21 и 22 ноября Петр Негош направил два письма Алек-

сандру I. В первом письме он уверял царя в своей преданности России и сообщал об освобождении Боки Которской и о направлении в главную квартиру русской армии воеводы С. Пламенца¹⁶, во втором – просил признать объединение Черногории и Боки Которской и принять их в свое владение, а если это невозможно – то разрешить переселение в Россию тех черногорцев, которые этого пожелают¹⁷. Следует отметить, что в имеющейся литературе упоминается только о втором письме митрополита. Появление двух писем, одного за другим, можно объяснить, на наш взгляд, тем, что первое (написанное на итальянском языке) преследовало только информационные цели, а главная суть дела была изложена во втором.

В ожидании ответа на свои письма, Петр I предпринял некоторые меры по налаживанию жизни в Боке Которской, губернатором которой был назначен П.Н. Никич. Последний сообщал в своих письмах английскому консулу в Далермо Бентинку (от 14(26) января 1814 г.¹⁸) и Н.П. Румянцеву (от 7(19) апреля 1814 г.¹⁹), что над Котором был поднят российский флаг. Объявление свободы торговли и мореплавания вызвало значительное оживление торговли. Была налажена охрана населения, создана пограничная стража²⁰. Никич установил связи с правителями соседних турецких провинций – требиньским и дурацковским пашами и добился спокойствия на границах. Деятельность Никича вызвала недовольство австрийского правительства, а также и Порты. Российский посланник в Константинополе А.Я. Италинский писал канцлеру Н.П. Румянцеву, что австрийский двор видел влияние Никича в длительном сопротивлении черногорцев занятию австрийцами Боки Которской²¹. Сам Никич сообщал позже царю о том, что его преследуют как Австрия, так и Турция. В то же время он, по-видимому, пользовался полным доверием черногорского митрополита, который в своих письмах Александру I и Г.О. Штакельбергу, российскому послу в Вене, давал высокую оценку его деятельности.

В марте 1814 г. Петр I, обращаясь к Никичу, писал: "Деятельность ваша и хорошие меры, коими вы умели превозмочь и уничтожить великие опасности, угрожавшие возмутить тишину и спокойствие сих двух областей, в которых неминуемо возникли бы внутренние раздоры, побуждают меня изъявить вам мою живейшую и искреннейшую благодарность. Ваше прибытие сюда и пребывание между нами будут сочтены счастливейшей эпохой сих провинций"²².

Проведение дальнейшей работы по упорядочению состояния Боки Которской было невозможно ввиду неопределенности ее положения. Русское правительство не отвечало на просьбы митрополита и не давало никаких инструкций Никичу по поводу его деятельности. Как уже говорилось, судьба Боки Которской была предрешена, австрийские войска готовились ее занять, и только благодаря стараниям Никича были предотвращены их столкновения с черногорцами.

В январе и феврале 1814 г. митрополит Петр I вновь обращается к Александру I, Румянцеву и Нессельроде с просьбой решить вопрос о Боке Которской. Как справедливо указывает И.С.Достян, русское правительство оказалось в затруднительном положении²³. Хотя царь и подписал 28 февраля 1814 г. письмо митрополиту о передаче Боки Австрии, но оно не было отправлено, а 23 февраля через Штакельберга Петру I сообщили, что решение вопроса отложено до заключения мирного договора²⁴. Представитель митрополита С.Пламенац задерживался в главной квартире. Задержка ответа со стороны русского правительства была связана с решением вопроса о выезде из Австрии в Россию вождей сербского восстания, которым австрийские власти чинили всяческие препятствия. Как писал Нессельроде Штакельбергу, австрийский двор предъявил требование о передаче Боки Которской Австрии именно тогда, когда русское правительство стало настаивать на беспрепятственном выезде сербов. Оно официально заявило, что "от решения вопроса о сербах зависит решение вопроса о

Бокке ди Катарро"²⁵. Требуя скорейшей передачи Боки, Австрия опасалась, как бы не возникли аналогичные затруднения и с Дубровником: ведь и там население восстало против французского гарнизона. Кроме того, претензии на Дубровник выдвигала и Турция²⁶.

Присоединение Дубровника входило в дальние планы черногорского правителя²⁷. Об этом свидетельствует письмо архимандрита Д. Владевича (долгое время бывшего секретарем Петра I) Н.П. Румянцеву от 26 февраля 1814 г. Владевич выдвигал план передачи России Далмации, Боки Которской и Ионических островов с компенсацией Австрии за счет Венеции и Нидерландов. Он предлагал также передать России Галицию и Буковину²⁸.

Оккупация австрийскими войсками Дубровника вызвала волнения среди населения Черногории и Герцеговины²⁹. Овладев Дубровником, Австрия усилила нажим на русское правительство, требуя, чтобы оно устранило сопротивление черногорцев. 20 мая 1814 г. Александр I подписал письмо Петру I, где сообщал о своей беседе с С. Пламенцом и советовал не противиться передаче Боки Которской Австрии³⁰. В июне копия этого письма была переслана для сведения Меттерниху³¹. Однако Петр I получил его гораздо позже, так как Пламенац уехал в Черногорию из Парижа только в августе. Тем временем командующий австрийскими войсками генерал Милутинович прибегнул к хитрости: заверил Петра I и Никича, что не будет продвигаться к границам Боки до получения решения царя. Вследствие этих заверений Никич сократил гарнизон крепостей и вывел ратников из пограничной зоны, оставив там только небольшую охрану. Воспользовавшись этим, Милутинович высадил десант в Будве и Которе и атаковал эти крепости с суши и моря. После 2-х дневных боев Котор 10 июня 1814 г. капитулировал³².

Но и после занятия Австрией Боки Которской черногорцы, еще не получив ответа Александра I, продолжали надеяться на то, что русский двор добьется вывода австрийских войск

под тем предлогом, что эта провинция не входила в состав Иллирии и никогда не принадлежала к наследственным владениям австрийского дома³³. Однако эти надежды были тщетными. Русская дипломатия практически не могла бы добиться согласия Австрии и Англии на объединение Боки Которской с Черногорией³⁴. В сопроводительном письме Нессельроде Петру I от 20 мая 1814 г. (приложенном к ответу царя) ему давалась некоторая надежда на создание в Которе русского консульства после заключения мира. Предполагалось, что оно будет заниматься черногорскими делами, а до этого откладывалось решение всех денежных вопросов, в том числе и о возобновлении прекращенной в 1807 г. субсидии³⁵.

После получения в 1814 г. письма от Александра I митрополит не прекратил своих обращений как лично к царю, так и к российским государственным сановникам. В августе 1814 г. он отправил в Константинополь к Италинскому своему представителю прогосиерея С. Тановича с поручением хлопотать о возобновлении денежной помощи и покровительства Черногории со стороны России³⁶. В сентябре 1814 г. к Александру I был направлен Никич³⁷. Однако эти обращения не имели результата. Определенные надежды черногорский правитель возлагал на Венский конгресс. Вена посетил Никич, где имел свидание с Барклаем де Толли³⁸. Видя, что русское правительство в Вене не может добиться согласия держав по Восточному вопросу, Никич пытался заинтересовать судьбой Черногории Англию. Он отправился в Лондон, но и там его миссия была безрезультатна. Сохранилось письмо Никича к Александру I из Лондона от 16 сентября 1815 г., в котором он испрашивал разрешения вернуться в Россию и опять поступить на русскую службу³⁹. Вероятно, такое разрешение было получено, так как в дальнейшем никаких упоминаний об участии Никича в черногорских делах в архивах и литературе не имеется.

Фигура П.Н.Никича безусловно интересна. Остается не-

ясным, в какой мере и в какое время он выполнял поручения русского правительства в Черногории. О том, что они имели место, свидетельствуют его письма к царю и Италичскому. Но когда в 1815 г. Никич выступал от имени Петра I, это по-видимому не было санкционировано русским правительством.

Вопрос о причинах, побудивших Александра I согласиться на передачу Боки Которской Австрии, занимал югославских и советских исследователей. Ряд черногорских историков в прошлом под впечатлением жертв, которые принесли черногорцы в борьбе за Боку Которскую, осуждали царя за это решение (М. Драгович и др.). В. Джорджевич в своих работах совсем отрицал значение помощи, оказанной Россией Черногории, и утверждал, что от Александра I целиком зависело решение вопроса о Боке Которской⁴⁰. Современные югославские исследователи, например, Д. Лекич, считает, что царь строил свою политику, исходя из реальных возможностей России, которая не смогла бы оказать помощь Черногории в удержании Боки, так как утратила свои военно-морские базы на Средиземном море⁴¹.

В советской историографии указывается, что принципы легитимизма и консерватизма, лежавшие в основе внешней политики Александра I, а также стремление не обострять отношений с Австрией и Турцией сыграли роль в том, что русское правительство не оказало поддержки Черногории. Кроме того, приходилось считаться с западными державами, оказывающими противодействие России в ее попытках укрепить свои позиции на Балканах. Наконец, первоочередное внимание Россия уделяла другим внешнеполитическим проблемам, решение которых царь считал более важным. Однако нельзя сказать, что в рассматриваемый период русское правительство отказалось от всякой помощи Черногории, такая помощь имела место.

Так, русские дипломатические представители вели переговоры с английскими властями о возвращении имущества

и ценностей черногорского архимандрита С. Вукотича, который, возвращаясь в 1811 г. из России, был захвачен в Адриатике английским корсаром близ Котора. В течение 1813–1814 гг. по этому вопросу несколько раз обращался к командованию английского флота в Адриатике российский консул в Триесте Пеллегрини⁴². Затем это дело было поручено послу в Лондоне Х. А. Ливену, который потребовал от Великобритании возмещения убытков Вукотичу в размере 3 тыс. венецианских червонцев и 1314 талеров⁴³. 18(30) июня 1817 г. по этому вопросу специально была направлена в Лондон нота К. Б. Фессельроде. Под разными предложениями английский кабинет отказывался удовлетворить требование Вукотича и ходатайство российского двора. В 1830 г. уже после смерти архимандрита хлопоты по возвращению конфискованного имущества были возобновлены его племянником лейтенантом Вукотичем, служившим в русском флоте под началом адмирала И. Ф. Крузенштерна. Сохранилось ходатайство И. Ф. Крузенштерна об удовлетворении требований Вукотича⁴⁴. Однако вторичное обращение Ливена к английскому правительству также не дало результатов.

Определенная помощь Черногории со стороны России в этот период выразилась и в переселенческом вопросе. Митрополит Петр I неоднократно обращался к русскому правительству с просьбой разрешить переселение черногорцев в Россию. Объяснялось это тяжелым экономическим положением Черногории, которая не могла доставить пропитание для всего населения. Когда надежды черногорцев на расширение территории и получение выхода к морю не оправдались, Петр I активизирует переселенческую политику. Как известно, в 1815 г. И. Н. Никич по поручению митрополита Петра I представил Д. П. Татищеву, бывшему тогда послом в Испании, план переселения черногорцев в Россию. План этот не встретил одобрения русского правительства, опасавшегося протестов Турции и Австрии и не хотевшего ослаблять Черногорию в результате выезда большого количества населения.

Несмотря на это Петр I в июле 1815 г. отправил в Россию на свой страх и риск 90 переселенцев, жителей села Хумац близ Цетинья. Обстоятельства их поселения освещены в русской, советской и югославской литературе⁴⁵. Переселенцы были приняты в России, получили денежную помощь от правительства в размере 5 тыс. руб.⁴⁶ и были поселены близ Одессы, а затем в Тираспольском уезде, где основали существовавшее до 1848 г. поселение "Цетинье". Однако опыт черногорской колонии показал, что земледельческий труд мало привлекал поселенцев, которые рассчитывали в основном на военную службу. Правительство же было заинтересовано в экономическом освоении вновь приобретенных земель. Первоначально переселенцы были зачислены в Бугское казачье войско, но после его ликвидации занимались земледелием.

Сопровождавший эту партию переселенцев брат черногорского губернатора Дж.Радониц сообщил Нессельроде, что из Черногории в Россию может переселиться еще 500 чел.⁴⁷ Ободренный успехом первого переселения Петр I в своем обращении к царю от 15 февраля 1816 г. просил разрешить продолжить переселение черногорцев в Россию⁴⁸. Эта же просьба содержалась в меморандуме Дж.Радоница, представленном им русскому правительству в декабре 1815 г., где также были названы другие просьбы и проекты⁴⁹.

Русское правительство хотя и было заинтересовано в заселении южных областей, не решалось принять черногорских переселенцев в таком количестве и не только из-за боязни осложнений с Австрией и Турцией. Переселение большого числа людей, не имевших практически никаких средств, повело бы к большим издержкам, так как переселенцам нужно было предоставить денежные пособия. Министр внутренних дел О.П.Козодавлев полагал, что такие пособия будут составлять примерно 1 тыс. руб. на семью, поэтому он предлагал упорядочить переселение черногорцев и ограничить его 100 или даже 50 чел. в год. Комитет министров

согласился с этим мнением, о чем было сообщено в российской миссии в Константинополе⁵⁰.

Не дожидаясь решения русского правительства о переселении, Петр I весной 1817 г. отправил в Россию на трех купеческих кораблях огромную партию переселенцев - 835 чел. История этого предприятия также хорошо освещена в литературе⁵¹.

В письмах к Александру I от 8(20) мая 1817 г., А.Н.Голицыну от того же числа, А.Ф.Ланжерону и Г.А.Строганову от 9(21) мая Петр I указывал на причины переселения - голод и неплодородные земли, обусловившие тяжелое положение населения, и просил содействия переселенцам⁵². Известие о направлении новой огромной партии переселенцев явилось неожиданностью для русского правительства. Тем не менее оно предприняло меры по подготовке к их приему. В записке МИД от 13 августа 1817 г. сообщалось, что Александр I отдал распоряжение об их приеме и снабжении. Соответствующее указание было послано херсонскому губернатору⁵³. Однако корабли с черногорцами, простояв около месяца в Константинополе, не были пропущены Портой, и переселенцы вынуждены были вернуться на родину. В своем донесении Нессельроде Строганов сообщал, что Порта, рассматривая черногорцев как своих мятежных подданных, не разрешила их проезд в Россию, и все усилия добиться их отправки в Одессу были тщетными⁵⁴. Издержки по провозу и снабжению переселенцев из Котора и обратно были оплачены русским правительством, они составили свыше 94 тыс. пиастров⁵⁵.

После этой неудачной попытки русское правительство вынуждено было отказаться от регулярного переселения черногорцев, о чем было объявлено черногорским депутатам Ст.Петровичу и И.Шпадиеру, сопровождавшим переселенцев и прибывшим в декабре 1817 г. в Петербург. Помимо вопроса о переселении депутаты имели полномочия политического характера (просить о возобновлении покровитель-

ства Черногории со стороны России, о присылке туда русского чиновника, о выдаче денежной субсидии и др.)⁵⁶. Впоследствии в официальном ответе митрополиту Петру I говорилось о возможности периодической эмиграции черногорцев (раз в 10 лет) по согласованию с Австрией⁵⁷, но по сути дела решение вопроса о переселенцах отодвигалось на неопределенное время.

Вынужденное отказать Черногории в ее просьбах, правительство пыталось как-то компенсировать свой отказ предоставлением значительных денежных субсидий черногорским депутатам и отдельным черногорцам, прибывающим в Россию с разрешения Петра I. Так, в 1817 г. была возобновлена ежегодная пенсия самому митрополиту – по ходатайству А.Н.Голицына. Большие суммы получили Ст.Петрович (650 черв.) и депутат черногорского губернатора В.Радоница Л.Пейович, прибывший с Петровичем в Петербург⁵⁸. В августе 1818 г. была пожалована ежегодная пенсия в 600 руб. черногорскому капитану Мартину Радничу, сопровождавшему один из кораблей с переселенцами⁵⁹.

Получили большие пенсии черногорцы, принимавшие участие в 1806 г. в действиях русского экспедиционного отряда в Боке Которской. Так, братьям Трифону и Николаю Павловичам, вооружившим за свой счет в 1805 г. два корабля, которые в составе русской эскадры действовали в Адриатическом море, была пожалована ежегодная пенсия I тыс.руб. каждому (а после их смерти эту пенсию получали их семьи)⁶⁰. Черногорец М.Княжевич, раненый при взятии укреплений о. Корчула, в 1819 г. приехал в Россию. Ему были оплачены путевые издержки, предоставлена на дворянских правах земля в Тираспольском уезде, а его племянник Илья Княжевич определен на казенный счет в Херсонское военное училище⁶¹. Несколько раз получал денежные суммы И.Шпадиер, представивший от вице-адмирала Д.Н.Сенявина аттестат о "великом усердии к службе" и храбрости "лично и с дружиною"⁶². В общей сложности они составили ^вс

I тыс. червонцев. В 1817 г. по повелению Александра I было пожаловано I тыс. десятин земли в Саратовской губ. капитану Милютину Савичу, служившему с 1807 г. в Черногории и Далмации и в 1813–1814 гг. участвовавшему в освобождении Боки Которской. Помимо этого Савич получил 2 тыс. руб. на проезд и хозяйственное обзаведение⁶³.

В течение почти десятилетия черногорский правитель неоднократно обращался к России с просьбой о помощи Черногории. В декабре 1815 г. он направил письмо Александру I (переданное через С. Орловича), где просил о покровительстве России. Одновременно с этим Дж. Радониц в своем меморандуме (где содержался проект создания на Балканах самостоятельного югославянского государства, центром которого являлась бы Черногория) предлагал принять меры по созданию в Черногории правительства, направить туда российского чиновника, а в случае войны с Турцией послать из России полк или два батальона, роту казаков, фрегат и лодки для действий на Скадарском озере⁶⁴. В феврале 1816 г. Петр I вновь обратился к царю с просьбой о покровительстве, предоставлении денежной субсидии на народные нужды и устройство армии. В 1817 г. в письме к Строганову он просил содействия в прекращении нападений на Черногорию боснийского паши⁶⁵, а в письме к Голицину помочь добиться от Австрии возмещения издержек, затраченных Черногорией при освобождении Боки Которской от французских войск⁶⁶.

16(28) августа митрополит вновь обращается к Строганову с просьбой о покровительстве и присылке чиновника из России⁶⁷. Неоднократные обращения его, губернатора В. Радоница, приезды черногорских депутатов в Россию заставили русское правительство рассмотреть вопрос о Черногории.⁶⁸ Петру I был направлен ответ, где вопрос о покровительстве был обойден, но в специальной инструкции Строганову сообщалось, что подобная протекция нежелательна, так как она не зафиксирована ни в каких международных договорах. Строганову давались указания договориться с австрий-

ским представителем при Порте о защите интересов Черногории⁶⁹. Таким образом, русское правительство по сути дела воздерживалось от прямой помощи Черногории, не желая осложнять отношения с Австрией и Турцией. В то же время оно хотело сохранить свое влияние в Черногории, народ которой рассматривал Россию как свою защитницу и покровительницу, и поэтому воздерживалось от решительного отказа Петру I и предоставляло денежные субсидии⁷⁰.

Последнее в какой-то мере дезориентировало черногорского правителя, который продолжал обращаться к России. В июне 1819 г. он через посланного к нему Строгановым чиновника миссии Л. Павковича вновь указывает на опасность, грозившую Черногории со стороны Австрии и Северной Албании, и просит предоставить 15 тыс. ружей и боеприпасы⁷¹. Тогда же через Строганова и М. А. Милогачевича он опять ходатайствует о покровительстве России и трисылке русского чиновника в Черногорию, а также о назначении в Котор российского консула. Однако и эти обращения не имели успеха. В декабре 1819 г. последовала инструкция Нессельроде Строганову, где содержалось указание о немедленной выплате Петру I пенсии, но отказывалось в предоставлении военного снаряжения⁷². В марте 1820 г. Нессельроде поручил Строганову разъяснить митрополиту, что Россия не может официально выступить с каким-либо демаршем в пользу Черногории, так как "положение черногорцев было определено существующими соглашениями"⁷³. Имелось в виду, что Черногория входит в сферу влияния Австрии, поскольку соседствует со славянскими народами Иллирийских провинций, ставших подданными Австрии.

После этого ответа Петр I решил обратиться за поддержкой к европейским державам. В 1822 г. он направил европейским монархам, собравшимся на Веронский конгресс, обращение с просьбой о покровительстве Черногории. Однако это обращение тоже не имело результата. В период серьезных международных осложнений, развертывания нацио-

нально-освободительных движений в ряде европейских стран, положение маленькой Черногории мало интересовало европейских монархов. Петру I ничего не оставалось, как вновь попытаться заинтересовать русское правительство черногорскими делами. Он пытается использовать свои связи среди живших в России черногорцев. 26 января 1823 г. Петр I направляет письмо черногорцу И. Вукотичу, который еще в юности (в 1793 г.) выехал в Россию, где обучался в Черноморском кадетском училище, а затем служил в русской армии. В 1799 г. он вышел в отставку и жил в своем имении в Богодуховском уезде⁷⁴. Вукотич являлся внуком известного генерала русской армии И. Подгоричани, черногорца по происхождению. Обратившись к Вукотичу с просьбой получить предназначенную для него пенсию, Петр I фактически хотел привлечь влиятельных черногорцев, живущих в России, и использовать их связи для решения вопроса о помощи Черногории. Через Вукотича он в 1823 г. передал письма А. Н. Голицыну, а в 1825 г. — митрополиту новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму и А. А. Аракчееву. В них содержались просьбы о возобновлении государственной субсидии Черногории, прекращенной с 1807 г., и об определении племянника митрополита Георгия Петровича в одно из духовных учебных заведений России. Как сообщал Вукотич Серафиму, Георгий Петрович симпатизировал Австрии, поэтому Петр I решил послать его в Россию, чтобы он "больше привязался" к ней. Одновременно с этим он просил не отпускать племянника из России без его санкции⁷⁵. Через Вукотича и Серафима всесильный тогда министр Аракчеев получил "Записку о настоящем положении черногорского митрополита П. П. Негоша и управляемого им народа. Обзорение черногорских и прочих славянских народов". Б. Павичевич считает автором этой записки самого Вукотича, но он ошибочно называет 1823 год временем ее подачи⁷⁶. Аракчеев в письме к Нессельроде от 14 июля 1825 г. сообщал о получении через Вукотича письма Петра I Негоша с указанной запиской, эти бумаги он пре-

проводил к вице-канцлеру⁷⁷. Следовательно, до этого времени записка не была известна русским государственным деятелям.

Содержание записки подробно изложено Б.Павичевичем. В ней указывалось на бедственное экономическое положение Черногории, на угрозу ее границам со стороны Австрии и Турции, была изложена программа мер по созданию государственных учреждений, укреплению обороноспособности. При этом выражалось пожелание, чтобы государственное управление "вводимо было в Черной Горе с возможным уважением к местным и коренным заветным обычаям, чтобы вводители были не посторонние, а соотечественники, ... чтобы введение происходило не поспешно, но с великим рассмотрением и осторожностью"⁷⁸. Таким образом, черногорцы уже отошли от идеи привлечь к преобразованиям русских чиновников, о чем они ранее многократно просили. В записке предусматривалось также создание школ, устройство промышленных заведений, ремесел и т.п. Во внешнеполитическом плане ставилась задача овладения портом Антивари, через который можно было бы вести торговлю. Для всех этих мер необходимы были средства, поэтому предполагалось получить в России заем в сумме 10 тыс. червонцев с последующим погашением его в течение 10 лет. В записке содержалась также просьба о возобновлении государственной субсидии и о содействии в получении от Австрии денежной компенсации за издержки, понесенные при освобождении Боки Которской.

8 августа 1825 г. о просьбах митрополита было доложено Александру I, который распорядился возобновить выдачу Черногории государственной субсидии в размере 1 тыс. червонцев ежегодно, т.е. в прежней сумме⁷⁹. 28 августа последовало решение царя об определении Георгия Петровича в Петербургскую духовную академию с ежегодной пенсией в 2 тыс. руб.⁸⁰ Другие просьбы митрополита остались без ответа, в содействии же получению компенсации от Австрии было отказано. Как видим, русское правительство

придерживалось своих прежних принципов в черногорском вопросе. Смерть царя и события в России (восстание декабристов) отвлекли внимание правительства от черногорской проблемы. С воцарением Николая I Россия активизирует свою балканскую политику, постепенно отходя от принципов Священного союза. Подписание в сентябре 1826 г. Аккерманской конвенции обязывало Порту выполнить все условия Бухарестского мира относительно Сербии и Дунайских княжеств. Намечалось англо-русское соглашение по греческому вопросу, обострялись отношения России с Турцией. Все это побудило черногорского правителя возобновить свои обращения к русскому правительству.

В декабре 1826 г. Петр I направляет Николаю I письмо, где просит покровительства и помощи Черногории, уполномочивая А.Стойковича представлять ее интересы в Петербурге. Он пытался заинтересовать Николая I стратегическим и военным значением Черногории, которая могла бы в случае войны с Турцией выделить 10 тыс. человек войска, а при вступлении в Зету и Герцеговину к ним прибавилось бы еще столько же, что привело бы, по мнению митрополита, к отсечению Боснии от Турции и создало бы угрозу западному флангу турецкой армии⁸¹.

С началом русско-турецкой войны (апрель 1828 г.) Петр I возобновляет свои попытки получить покровительство России. Он направляет в Россию М.Вучичевича, который в июне 1828 г. прибыл в Одессу с тем, чтобы далее отправиться в главную квартиру русской армии к царю. Вучичевич был снабжен письмами митрополита к Николаю I и ряду русских государственных деятелей, в том числе к Д.Н.Севякину. В них он просил оказать ему протекцию⁸². В письмах содержались просьбы о русском покровительстве и снабжении черногорцев оружием и боеприпасами для защиты населения турок со стороны Боснии и Северной Албании. Вучичевич привез с собой сына доверенного лица митрополита И.Поповича, который по его просьбе был помещен

на казенный счет в Ришельевский лицей в Одессе.

Летняя кампания 1828 г. на Дунайском театре военных действий складывалась неблагоприятно для русской армии, которая увязла в длительной осадной войне. К тому же Австрия, опасаясь продвижения русских войск на Балканах, стремилась организовать от лица 4-х держав – Австрии, Англии, Франции и Пруссии – нажим на Россию с целью заключения мира с Турцией⁸³. В этих условиях русское правительство опасалось вести какие-либо переговоры с Черногорией. Вучичевич не был даже допущен в главную квартиру, однако, его наградили "в знак монаршей милости" ценным подарком – бриллиантовым перстнем стоимостью в 2 тыс. руб. Были оплачены его путевые расходы. Митрополиту было отвечено, что царь относится к нему благосклонно и велел оказать "великодушное внимание" черногорскому народу⁸⁴. Послу в Вене Татищеву было дано указание "успокоить" черногорцев относительно нападений турок и выдать 3 тыс. червонцев⁸⁵.

Однако это не было решением вопроса. И летом 1829 г. Петр I вновь направляет М.Вучичевича в Россию, сформулировав три предложения Черногории и прося принять хотя бы одно из них. В этих предложениях заключались просьба о посылке в Черногорию небольшой части русских войск для освобождения пограничных османских территорий, присоединения к Черногории Зеты и Антивари, а в случае невозможности этого – разрешения переселиться черногорцам в Россию. Свои просьбы Петр I мотивировал тем, что "Черногория, находясь в нынешних границах, свое существование и независимость удержать никак не может"⁸⁶. В письме к А.Н.Голлицыну он указывал, что если ни одно из этих предложений не будет принято, то черногорский народ погибнет⁸⁷. На докладе Нессельроде по этому вопросу 8 октября 1829 г. Николай I написал: "Во всем отказать приличным образом", а что касается переселения, то "сообразить возможность такого дела"⁸⁸.

Как известно, театр военных действий на Балканах ог-

раничивался территорией Дунайских княжеств и Болгарии. Черногория не входила в стратегические планы русского командования, кроме того, правительство продолжало опасаться, что выступление черногорцев поведет к осложнениям отношений с Австрией.

Однако русское правительство предполагало предпринять после войны определенные меры помощи Черногории. В мае 1830 г. при отъезде Вучичевича в Черногорию Нессельроде отправил с ним письмо митрополиту Петру I, где упоминал о приглашении царя И. Вукотичу прибыть в Петербург для "изыскания с ним наилучнейших средств в пользу черногорского народа"⁸⁹. В ответном письме к Николаю I от 20 июля 1830 г. черногорский правитель благодарил за помощь и сообщал о направлении в Россию Вучичевича, прося дать ему чин русской службы⁹⁰. Дальнейшие события разворачивались уже после смерти Петра I.

Прибыв в Петербург, Вучичевич и Вукотич вновь выдвинули предложения о помощи России в создании гражданского управления в Черногории, формирования армии, образования учебных заведений. По расчетам Вукотича, на это требовалось 24 тыс. руб., из которых 12 тыс. на первый год, а затем по 4 тыс. руб. в год⁹¹. После этого, по мнению депутатов, черногорский народ мог уже выделить собственные средства. 10 апреля 1831 г. Николай I утвердил положение об особом комитете по рассмотрению этих предложений, а Вукотич и Вучичевич отправились в Черногорию, получив 1 тыс. червонцев, а также церковную утварь, книги, облачение, 4 золотых наперсных креста для черногорского духовенства⁹². Оба были награждены русскими орденами: Вучичевич орденом св. Анны 3-й ст., а Вукотич - Владимира 4-й ст. По решению особого комитета (в состав которого входили Кочубей, Меншиков и Дашков) было решено выплатить Черногории половину денежной субсидии, считая с 1807 г. - 7200 червонцев. Сумма эта была взята из полученных по контрибуции денег от Турции⁹³. Русское прави-

тельство также подтвердило свое обязательство о продолжении выплаты ежегодной субсидии Черногории в размере 1 тыс. червонцев. Забегая вперед, скажем, что в 1832 г. Черногории было выдано еще 3 тыс. червонцев, за которыми приезжал Вучичевич. Остальные 4200 червонцев были выданы в следующие три года⁹⁴. В 1833 г. в связи с посвящением Петра П. Петровича Негоша в архиерейский сан было выдано 23 тыс. руб. на архиерейское облачение и панагию и 5 тыс. руб. пособия черногорскому народу⁹⁵.

Средства, предоставленные Россией, сыграли большую роль в создании государственного аппарата в Черногории. В 1831 г. был учрежден высший административно-судебный орган Черногории – Сенат, первым председателем которого стал И. Вукотич, а вице-председателем – М. Вучичевич. Созданы были также и местные органы власти, судебно-полицейские учреждения, гвардия. Таким образом, многолетние хлопоты Петра I Петровича Негоша не были напрасными, но ему не суждено было увидеть их результаты.

Следует сказать, что австрийское правительство было очень недовольно фактом предоставления Россией столь значительной денежной суммы Черногории. Как сообщал Меттерних австрийскому послу в Петербурге К. Фикельмону, русский двор обещал черногорским депутатам свое содействие в создании Сената, национальной гвардии, восстановление покровительства Черногории со стороны России и в ближайшем будущем увеличение ее территории (последнее не соответствовало действительности, хотя сама Черногория такое увеличение безусловно планировала). Меттерних указывал, что не в интересах Австрии видеть "новые беспорядки" в Черногории, и просил Фикельмона сообщить русскому правительству о недовольстве Австрии акциями России в Черногории⁹⁶. Вена опасалась укрепления Черногории и усиления ее влияния на соседние области, населенные порабощенными славянскими народами. В августе 1832 г. в связи с активизацией внешнеполитических действий Черногории опять последовал демарш венского двора. Как сооб-

щад Нессельроде Николаю I, австрийское правительство выражало недовольство тем, что со времени приезда Вукотича и Вучичевича из России (т.е. получения русской помощи) "поведение" Черногории по отношению к Турции и Австрии стало "неприятным". Российскому консулу в Дубровнике было предписано в связи с этим принять меры для ликвидации пограничных конфликтов Черногории с Австрией и Турцией⁹⁷. В дальнейшем под влиянием русской дипломатии, подписавшей с Австрией в 1833 г. Мюнхенгрецкую конвенцию о сохранении статус кво на Балканах, Черногория старалась сохранять мирные отношения с Османской империей и Австрией.

Русско-черногорские отношения 1813– начала 30-х гг., как показывают документальные источники, отражали основные направления политики России в западном регионе Балкан. Их можно подразделить на два этапа. Первый – 1813–1825 гг. – знаменуется осторожностью России в отношении Черногории. Уделяя основное внимание закреплению своего политического преобладания в Дунайских княжествах и Сербии, Россия в этот период стремилась не обострять отношений с англо-австрийской группировкой и Портой, что ограничивало ее возможности в оказании существенной помощи Черногории. Определенное влияние на балканскую политику России в целом оказали принципы консерватизма и легитимизма, исключавшие прямую поддержку национально-освободительных движений угнетенных народов. Однако опасаясь утратить свой престиж среди черногорского и соседних с ним югославянских народов, русское правительство поддерживало контакты с Черногорией, которые в отдельные периоды были весьма оживленными. Исключительная настойчивость черногорского митрополита Петра I Петровича Негоша, его неизменная в этот период ориентация на Россию способствовали тому, что в 1817 г. русское правительство приняло решение о возобновлении денежной помощи Черногории.

С середины 20-х годов начинается новый этап в развитии русско-черногорских отношений. Увеличение активности России на Балканах повело к более тесным контактам с Черногорией. И хотя русское правительство не имело возможности в существующей международной обстановке полностью удовлетворить просьбы Черногории, оно стало оказывать ей значительную материальную поддержку, что позволило решить важные вопросы внутривластного характера с целью укрепления централизованной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ровинский П. Черногория в ее прошлом и настоящем (география, история, этнография, археология, современное состояние). В 3-х тт. СПб.; 1889-1914.

2. Драговић М. Материјали за историју Црне Горе // Гласник Српског ученог друштва. Београд, 1884; Мијатовић Г. Прилози за историју Србије године 1815. // Споменик Српске Краљевске Академије. Т. 39 (35). Београд, 1903; Ђорђевић В. Црна Гора и Русија (1784-1814). Београд, 1914;

3. Лекић Д. Спољна политика Петра I Петровића Његоша. Цетинје, 1950; Вуксан Д. Петар I Петровић Његош и његова доба. Цетинје, 1951; Поповић П. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1951; Павићевић Б. Стварање Црногорске државе. Београд, 1966; Пејовић Ђ. Исел еванђела Црногораца у XIX вијеку. Титоград, 1962; Он же. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1961 и др.

4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. Серия первая. 1801-1815 гг. Т. I - VIII. М. 1960-1970. Серия вторая. 1815-1830 гг. Т. IX-XIV. М. 1972-1984.

5. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII - начало XX в. М. 1978; Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М. 1984.

6. Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М. 1972.

7. Нарочницкий А.Л. Политика России на Балканах в 1801-1812 гг. в свете новой документальной публикации. // Первый конгресс балканских исследований. София. 26 авг. - 1 сент. 1966 г. М. 1966; Нарочницкий А.Л., Казаков Н.И. К истории восточного вопроса: о целях России и Франции на Балканах в 1807-1808 гг. // Новая и новейшая история. 1966; № 6; Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50-70-х годах XIX века.

- М. 1979; Аншаков Ю.П. Русско-черногорские отношения в конце XVIII – начале XIX веков (по материалам довоенной черногорской и сербской и русской дореволюционной историографии). Деп. ИНИОН № 4995 от 24.03.80; Он же. Освободительная борьба Черногории и русско-черногорские отношения на рубеже XVIII – XIX вв. Автореферат канд. дисс. Л. 1981.
8. Достян И.С. Указ. соч. С. 184-185.
 9. П.Н.Никич Александру I 16 сентября 1815 г. // АВПР, ф. ГА I-9, 1814 г., д. 4, л. 48-51.
 10. Первое сербское восстание и Россия. Кн. 2. 1808-1813. М. 1983. С. 206.
 11. Внешняя политика России... Т. УП. С. 679.
 12. Там же. С. 268-269.
 13. Вуксан Д. Указ. соч. С. 208.
 14. АВПР, ф. ГА I-8, оп. 7, д. I, л. I-3; письмо от 4 ноября было адресовано российскому послу в Вене Г.О.Штакельбергу. Там же, л. 4.
 15. Вуксан Д. Указ. соч. С. 213.
 16. АВПР, ф. ГА I-8, оп. 7, л. I, л. 9-II.
 17. Там же, л. 16.
 18. АВПР, ф. ГА I-13, 1814 г., д. 4, л. 30-31.
 19. Там же, л. 2-3.
 20. Внешняя политика России... Т. УП. С. 628.
 21. А.Я.Италинский Н.П.Румянцеву 3(15) февраля 1814 г., № 24 // АВПР, ф. Канцелярия, д. 2291, л. 125-128; А.Я.Италинский Н.П.Румянцеву 17(29) апреля 1814г. № 65. Там же, л. 396-397.
 22. Внешняя политика России... Т. УП. С. 789.
 23. Достян И.С. Указ. соч. С. 96.
 24. Вуксан Д. Указ. соч. С. 219.
 25. К.В.Нессельроде Г.О.Штакельбергу 11(23) июня 1814 г. // Внешняя политика России... Т. УШ. С. 26.
 26. А.Я.Италинский Н.П.Румянцеву 17(29) января 1814 г., № 15 // Авпр, ф. Канцелярия, д. 2291, л. 62-64.
 27. А.Я.Италинский Н.П.Румянцеву, 3(15) февраля 1814 г., № 24 // Там же, л. 125-128.
 28. АВПР, ф. ГА I-8, 1808 г., д. I, л. 24-25.
 29. А.Я.Италинский Н.П.Румянцеву 17 февраля (4 марта) 1814 г., № 33 // АВПР, ф. Канцелярия, д. 2291, л. 203-204.
 30. АВПР, ф. ГА У-А2, д. 679, л. 4-5.
 31. Внешняя политика России... Т. УШ. С. 620.
 32. Г.В.Войнович Г.О.Штакельбергу 7(29) июня 1814 г. // Там же, С. 72-73; Вуксан Д. Указ. соч. С. 229.
 33. Внешняя политика России... Т. УШ. С. 73.
 34. Международные отношения на Балканах. С. 43.
 35. АВПР, ф. ГА I-8, оп. 7, д. I, л. 36-37.
 36. Петр I Петрович Негош А.Я.Италинскому 12 августа 1814 г. // АВПР, ф. Канцелярия, д. 2296, л. 182-184.
 37. Вуксан Д. Указ. соч. С. 246.
 38. Там же. С. 255.

39. АВВР, ф. ГА I-9, 1814 г., д. 4, л. 48-51.
40. Ђорђевић В. Црна Гора и Русија. С. 361-362;
Он же. Црна Гора и Аустрија. 1814-1894. Београд. 1924.
С. 68.
41. Лекић Д. Указ. соч. С. 286-287.
42. Нота Пелегрини английскому адмиралу Фримантлу
20 февраля 1814 г. // АВВР, ф. Канцелярия, д. 2636,
л. 10-11.
43. К.В.Нессельроде Х.А. Ливену 11 апреля 1817 г. // АВВР, ф. ГА П-5, 1817-1830 гг. д. I, л. I.
44. Ходагайство от 17 апреля 1830 г. // АВВР, ф. ГА П-5, 1817-1830 гг., д. I, л. 31.
45. Морозов П.О. Черногорские переселенцы в России. Материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891; Павићевић Б. О сеоби Хумаца у Русију 1815 године. // Исторички записи. Титоград. 1970. Год. XXIII. Књ. XXII. Св. I-2.
46. Павићевић Б. О сеоби Хумаца... С. 75; Внешняя политика России... Т. Уш. С. 524.
47. Дж. Радонич К.В.Нессельроде 13 декабря 1815 г. // АВВР, ф. ГА I-8, 1815-1816 гг., д. I, л. 40-41.
48. АВВР, ф. Канцелярия, д. 5354, л. 55-60.
49. Дж. Радонич К.В.Нессельроде 21 декабря 1815 г. // АВВР, ф. ГА I-8, 1815-1816 гг., д. I, л. 42-45;
Достян И.С. Указ. соч. С. 183-184.
50. Морозов П.О. Указ. соч. С. 79.
51. Ивић А. Неуспела сеоба Црногораца у Русију у 1817г // Записи (Цетинье). 1930. Књ. ХУП.
52. Петр I Петрович Негош Александру I. // АВВР, ф. Канцелярия, д. 5354, л. 50-52; он же. А.Н.Голицыну. Там же, л. 43-46; он же Г.А.Строганову. Там же, л. 63-64; он же А.Ф.Ланжерону // АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828гг. д. 2, л. 126-127.
53. АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828 гг., д. 2, л. 56-57.
См. также: Внешняя политика России... Т. X. С. 768.
54. АВВР, ф. Канцелярия, д. 2320, л. 104-106.
55. Счет расходов за провоз и провиант черногорцев
см.: АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828 гг., д. 2, л. 63-64.
56. См. подробнее Достян И.С. Указ. соч. С. 185-189.
57. Внешняя политика России... Т. X. С. 219-220.
58. АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828 гг., д. 2, л. 42;
Внешняя политика России... Т. X. С. 769.
59. АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828гг., д. 2, л. 171.
60. АВВР, ф. ГА П-5, 1815-1837 гг., д. 4, л. 12,
48, 52, 201.
61. АВВР, ф. ГА П-1, оп. 30, д. I, л. 2-3.
62. АВВР, ф. ГА I-8, 1817-1828 гг., д. 2, л. 6-7.
14, 32, 34.
63. АВВР, ф. ГА П-1, 1817 г., оп. 30, д. 4, л. 4,
5, 7, 15.
64. АВВР, ф. ГА I-8, 1815-1816 гг. д. I, л. 42-45.

65. Петр I Петрович Негош Александру I 15 февраля 1816 г. // АВПР, ф. Канцелярия, д. 5354, л. 55-60. Он же Г.А.Строганову 10(22) мая 1817 г. Там же, д.2315, л. 547-548.
66. Петр I Петрович Негош А.Н.Голицыну 8(20) мая 1817 г. // АВПР, ф. Канцелярия, д. 5354, л. 43-46.
67. АВПР, ф. Канцелярия, д. 2316, л. 237-238.
68. Достян И.С. Указ. соч. С. 188.
69. К.В.Нессельроде А.Г.Строганову 11(23) декабря 1818 г. // АВПР, ф. Канцелярия, д. 2322, л. 172-177.
70. Международные отношения на Балканах. С.95.
71. Памятные пункты Петра I Петровича Негоша от 23 июня 1819 г. // АВПР, ф. Канцелярия, д. 2328, л. 286-288.
72. Внешняя политика России... Т. XI. С. 756.
73. Там же. С. 335.
74. АВПР, ф. ГА I-6, 1823 г., д. 2, л. 6, 7.
75. АВПР, ф. ГА У-А₂, оп. 181, д. 682, л. 7-8.
76. Павићевич Б. Припреме за долазак Вукотича и Вучичевича у Црну Гору 1831 године. // Историјски записи. Год. XXI. Књ. XXV. Св. 4. Титоград. 1968. С. 531-533.
77. АВПР, ф. ГА У-А₂, оп. 181, д. 682, л. 4.
78. Там же, л. II.
79. АВПР, ф. ГА I-I, оп. 781, д. I, л. 20-21.
80. Там же, л. 22.
81. АВПР, ф. ГА У-А₂, оп. 181, д. 683, л. 7-8.
82. Там же, д. 685, л. 10-II.
83. Восточный вопрос во внешней политике России. С. 89.
84. АВПР, ф. ГА У-А₂, д. 685, л. 5-6.
85. Там же, л. 7.
86. Там же, д. 686, л. 67об.
87. АВПР, ф. ГА I-6, 1823 г., д. 2, л. 33-34.
88. АВПР, ф. ГА I-I, 1829 г., д. 5, л. 27.
89. АВПР, ф. ГА I-6, 1823 г., д. 2, л. 57.
90. Там же, л. 61-62. Эта просьба была исполнена. М.Вучичевич получил чин коллежского асессора, в 1834 г. он переехал в Россию и служил в Почтовом департаменте (там же, л. 49, 52).
91. Павићевич Б. Припреме за долазак... С.549-553.
92. АВПР, ф. ГА I-I, 1831 г., д. 7, л. 44; ГА I-6, 1823 г., д. 2, л. 63.
93. АВПР, ф. ГА I-I, 1831 г., д. 7, л. 42-43.
94. АВПР, ф. ГА I-I, 1832 г., д. 8, л. 58-59.
95. АВПР, ф. ГА I-I, 1833 г., д. 9, л. 56, 64-65.
- См. также: Хитрова Н.И. Указ. соч. С. 64.
96. АВПР, ф. ГА I-6, 1823 г., д. 2, л. 78-79.
97. АВПР, ф. ГА I-I, 1832 г., д. 8, л. 58-59.

УЧАСТИЕ СЕРБОВ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ
1828-1829 ГГ.

Русско-турецкая война 1828-1829 гг. явилась одним из этапов Восточного кризиса 20-х гг. XIX в., вызванного началом революции в Греции. Победа России имела решающее значение для развития самостоятельности ряда балканских народов. Одним из условий мирного договора, заключенного в Адрианополе в 1829 г., было предоставление Сербии самостоятельности во внутренних делах. Право автономного самоуправления предоставлялось Сербии еще в 1812 г. согласно условиям УШ-й статьи Бухарестского трактата, но практически не было реализовано вплоть до заключения нового русско-турецкого соглашения о Сербии, которое стало важным шагом к завоеванию полной независимости сербского народа.

Весть о начале войны была воспринята в Сербии с воодушевлением. Народ выражал горячее желание участвовать в военных действиях и своими силами способствовать победе, которая должна была принести ему долгожданное освобождение от османского угнетения. Однако ни сербское, ни российское руководство в силу различных причин не было заинтересовано в разворачивании сербского освободительного движения, поэтому оно не получило массового и организованного характера. Тем не менее, действия отрядов, в состав которых входили сербы, оказали определенную помощь частям русской армии и заслуживают, на наш взгляд, специального рассмотрения.

Сведения о сербских отрядах немногочисленны в отечественной и югославской литературе. Некоторые данные о численности и деятельности волонтерских подразделений содержатся в монографиях А. В. Фадеева, И. С. Достян, посвященных русско-балканским политическим связям и Восточному кризису 20-х гг. XIX в.¹ Интересный материал о совместных действиях русских частей с сербскими отрядами включен

в монографию В.Я.Гросула о послевоенном развитии Дунайских княжеств². В.Д.Конобеев в работе о национально-освободительном движении в Болгарии, касается вопроса и о сербских добровольцах³. В фундаментальном труде М.Гавриловича "Милош Обренович" также упоминается о военных выступлениях сербов⁴. Все эти сведения эпизодичны и отрывочны. Тем не менее, документальный материал ряда архивов позволяет составить достаточно полное представление о формировании волонтерских отрядов, их действиях и отношении к ним русских и сербских властей. Особое значение имеет "секретная переписка о сербах" русского военного командования, хранящаяся в Центральном государственном военно-историческом архиве, а также многочисленные донесения сербского князя Милоша Обреновича управляющему российским министерством иностранных дел К.В.Несельероде, собранные в Архиве внешней политики России и содержащие разнообразные данные о внутреннем положении Сербии, а также сведения разведывательного характера.

Наибольший размах волонтерское движение получило в выступлениях болгарских групп под командованием Панайоти Фокиано. В отличие от Румелии, Сербия не стала театром военных действий и не была охвачена всенародным освободительным движением. Однако многочисленные факты, свидетельствующие о формировании волонтерских сербских отрядов, которые действовали в Малой Валахии, позволяют сделать вывод о существовании партизанского сербского движения и значительной его помощи подразделениям русской армии.

Европейские правительства внешне достаточно лояльно отнеслись к вступлению русских войск на территорию Дунайских княжеств. Откровенно недружественную позицию заняла только Австрия. Можно было опасаться даже ее вступления в войну на стороне Порты. Еще до развертывания военных действий из Австрии поступали донесения русских агентов о концентрации австрийских войск на границе Бу-

ковины и в Галиции⁵. Российский посол в Вене Д.П.Татищев в секретном донесении высказывал убеждение в подготовке Австрии к войне, сообщал о рекрутских наборах и покупке снаряжения для армии⁶. "Австрия под предлогом защиты своих границ могла бы ввести свои войска в Сербию" - сообщал Татищев⁷. Военные успехи России на Балканах грозили австрийскому правительству потерей своего влияния на эту провинцию Османской империи, так же как и на славянское население своей страны⁸. Враждебная позиция австрийского кабинета заставила российское правительство пересмотреть планы военных выступлений. Если в 1827 г. еще строились предположения о совместных русско-австрийских действиях против Турции, то вскоре после начала военных действий в армии распространились слухи о возможном союзе Габсбургской и Османской империй⁹. Первым шагом на военном пути Австрии стала бы оккупация Сербии. Поэтому царское правительство стремилось устранить любой повод, который мог бы повлечь за собой подобные действия австрийского кабинета, и которым бы могло стать вооруженное восстание в Сербии¹⁰. Можно вполне согласиться с мнением югославского историка В.Стоянчевича о том, что запрет России вступать сербам в войну явился одним из важнейших вкладов русской политики в дело освобождения Сербии, ибо этим было предотвращено австрийское вмешательство¹¹.

Учитывая, что военные действия будут вестись на территории, населенной угнетенными славянскими народами, царское правительство разработало инструкции, предусматривающие отказ от привлечения местного населения к совместным вооруженным выступлениям против турецких войск. Главнокомандующий армией П.Х.Витгенштейн перед началом военных действий получил строгий запрет императора на "формирование волонтерских войск"¹². Одной из важнейших задач русского командования явилось обеспечение спокойствия в Сербии. Несмотря на то, что раздавались отдельные голоса в пользу поощрения сербского восстания и органи-

защиты отрядов волонтеров¹³, правительством был взят курс на полное отмежевание от народного движения в Сербии.

Позиция царизма в вопросе привлечения сербского населения к военным действиям выглядит крайне противоречивой и подвергалась изменениям в ходе военных кампаний 1828-1829 гг. Правящие круги не могли открыто приветствовать присоединение сербов на сторону России или развертывание самостоятельного антиосманского освободительного движения в Сербии. В немалой степени царизм опасался вызвать нарекания со стороны европейских правительств в поддержку революционного движения на Балканах, борьба с которым, как и с другими прогрессивными выступлениями народов Европы, считалась первоочередной задачей великих держав в недавние годы существования Священного союза. Кроме того, поддержка официально порицаемых "бунтовщиков" могла существенно осложнить последующее русско-турецкое урегулирование, так как в зависимости от участия, принятого сербами в войне, могли бы возрасти их требования, что привело бы к обострению противоречий России не только с Османской империей, но и с Австрией¹⁴.

В то же время российские правительственные круги были заинтересованы в укреплении популярности и политического влияния среди славянских народов Османской империи и не могли не считаться с их желаниями и интересами. В октябре 1828 г. управляющий российским министерством иностранных дел К.В.Нессельроде писал сербскому князю Милошу Обреновичу о несвоевременности сербской военной поддержки в настоящий момент, но не отказываясь от нее окончательно в будущем, если упорство Порты вынудит Россию "еще больше распространить круг военных предприятий". Высказывая настойчивые советы "сохранять в Сербии внутреннее спокойствие", Нессельроде однако выражал надежду на то, что Милош не оставит приготовлений "к начатю решительных предприятий коль скоро оные сделаются необходимыми"¹⁶.

Готовность сербского народа с оружием в руках присоединиться к действующей русской армии не подлежит сомнению. Уже в 1827 г., после известия о разрыве русско-турецких дипломатических отношений, в Россию проникли сведения о формировании Милошем регулярных войск против Порты¹⁷. Вряд ли это соответствовало действительности: желание сербов прийти на помощь русской армии очевидно, но о формировании отрядов волонтеров, не говоря о "регулярных войсках", в то время не могло быть и речи. Россия и Османская империя требовали от Милоша "тишины и спокойствия"; следование этим инструкциям стало основным принципом политики сербского князя на протяжении всей войны.

Несмотря на выражение полной поддержки действиям русской армии, сербский князь, тем не менее, не собирался выходить из повиновения Порте и не хотел открытого выступления соплеменников против Турции. Милош Обренович, сосредоточивший в своих руках всю власть в Сербии и стремившийся к признанию Портой права своей семьи наследовать верховную власть в этой провинции, был заинтересован не потерять доверия османских властей, от которых зависело исполнение его желаний и, в то же время, войти в доверительные отношения с российским правительством, которое поддерживало Милоша как народного вождя сербов. Политика лавирования и уступок наложила отпечаток на всю деятельность Милоша, пытавшегося угодить и той, и другой стороне, и к тому же не упускавшего из вида возможность прибегнуть к содействию и покровительству австрийского двора.

В отличие от переменчивой позиции Милоша, сербский народ оставался "всегда приверженным к России" и, по мнению И.П.Липранди, даже в случае измены вождя, сербов можно было бы "направить... к цели нашего правительства"¹⁸. Местное население не могло оставить без поддержки военных действий державы-покровительницы. Утверждения

французского историка М.Быстрозоновского о том, что сербский народ отказался помогать русским войскам¹⁹ опровергается тем фактом, что во время войны формировались и успешно действовали отряды волонтеров из сербов, болгар, греков, молдаван, валахов.

Вскоре после вступления русских в Бессарабию оттуда поступили сведения о том, что местное сербское население только ожидает разрешения выступить против турок, а при приближении армии к Сербии ее жители "пойдут против турок поголовно"²⁰. "Все в Сербии готово к восстанию, но... наставления, данные Россией Милошу заставляют его удерживать в послушании" соотечественников – писал командующий войсками в Малой Валахии генерал-лейтенант Ф.К.Гейсмар главному начальнику бугских и черноморских казаков и пограничной линии генералу от инфантерии А.Ф.Ланжерону²¹. В мае 1828 г. в крепость Бендеры прибыли участники русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Их отряд, насчитывавший до 500 человек, в том числе и сербов, предлагал свои услуги в качестве разведывательного подразделения русской армии²².

Еще один отряд, состоявший преимущественно из сербов, под командованием князя Милко Петровича был готов присоединиться к русской действующей армии. На просьбу поступить на русскую военную службу Петрович получил отказ, одной из причин которого, кроме вышеупомянутых, было упорное нежелание князя Милоша видеть при отряде Гейсмара действующую группу соотечественников. Можно предположить, что Милош опасался, как бы Порта не усмотрела в действиях Петровича нарушение сербских обязательств, но не в меньшей степени Милош боялся потерять свой авторитет среди сербов, усматривая в действиях Милко реальную угрозу своему положению верховного князя. К тому же, среди волонтеров отряда находились сербы из русской эмиграции, которые распространяли о Милоше неблагоприятные слухи как о турецком чиновнике. Это тоже не способство-

вало поддержке князем действий отряда²³. Недаром решение не присоединять добровольцев к действующим русским частям Гейсмар сообщал Милошу в качестве уступки его личному желанию²⁴.

Отряд Милко Петровича успешно действовал против турок в начале военной кампании. За "усердие... к российскому правительству" Ланжерон просил начальника главного штаба И.И.Дибича о назначении всем членам отряда жалованья и сообщил о расселении их на "квартиры с продовольствием" "в отдалении от занимаемых турками крепостей по Дунаю и от австрийской границы"²⁵. Знаменательно, что в приводимом высказывании Ланжерона об австрийцах упоминается как о противниках наряду с турками.

Если сербам было официально запрещено вести военные действия, то сведения о противнике от них принимались охотно. Они предупреждали русских военачальников о готовности турок к наступлению²⁶, о расположении и движении турецких войск²⁷. В октябре 1828 г. Милош сообщал Гейсмару о благоприятных условиях для переправы русских частей через Дунай²⁸. Будучи хорошо информирован об обстановке в Сербии, Гейсмар часто высказывал конкретные предложения, касавшиеся вовлечения сербов в военные действия и частичного занятия сербской территории русскими войсками. Все эти планы неизменно отклонялись командованием. Действуя с учетом складывающейся обстановки, Гейсмар использовал помощь местного населения, несмотря на высочайший запрет. Эта помощь не расценивалась им как выступления волонтерских войск. Подобная гибкая тактика позволяла успешно сочетать неуклонное следование штабным инструкциям с требованиями конкретно сложившейся ситуации.

Начиная с осени 1828 г. Гейсмар активно выступал за создание пандурских батальонов, но его предложения не находили поддержки у военного руководства. Обстановка изменилась с началом новой военной кампании 1829 г. Неудачные действия русской армии в 1828 г., потери, поне-

сенные от голода и болезней, заставили верховное командование пересмотреть свое отношение к вопросу о привлечении местного населения к военным действиям. Гейсмаром был составлен "Проект образования пандуров", в котором выдвигался конкретный план по устройству шести добровольческих батальонов²⁹. Проект был одобрен Николаем I и 15 января 1829 г. последовало распоряжение: "Государь император оозволяет на сформирование при отряде генерал-адъютанта Гейсмара ополчения из некоторого числа пандуров ... с тем только..., что главная цель учреждения пандуров не есть содействие в наступательных наших действиях за Дунаем, но одно лишь способствование охранению края самой Валахии"³⁰.

Уже в феврале в крае насчитывалось 400 человек пандуров, формировалось подразделение еще в 200 человек. Здесь же находился Милко Петрович со 156 сербами. Произошли перемены во взглядах на роль сербского населения в войне. Николай I, "не считая себя в праве удерживать долее сербов от восстания", распорядился о подготовке для Сербии необходимого количества оружия, снарядов и артиллерии³¹. Планировалось отправить сербам 10 тыс. ружей "с надлежащим к ним числом патронов", одну полевую роту из легких орудий, а для обучения военному делу послать "одного или двух хороших офицеров нашей артиллерии и небольшое число фейрверкеров и канониров"³².

Конечно, число предполагаемых военных поставок было весьма умеренным, да и вряд ли "один или два хороших офицера" смогли бы оказать существенную помощь действиям повстанцев, но в данном случае важно само решение о привлечении сербов для содействия наступлению русской армии. Что касается сербов, то при нехватке оружия поставки любого его количества принимались ими с благодарностью: несмотря на уверения, что у них достаточно оружия "припрятано" от турок, Милош еще раньше обращался к Гейсмару с просьбой выделить ему 20 тыс. ружей³³.

Российский император воздержался от привлечения сербов к военным действиям, хотя обстоятельства не раз заставляли командование сожалеть об этом. Так, в феврале 1829 г. стало известно, что Австрия будет снабжать турецкие крепости, расположенные по Саве и Дунаю, продовольствием, доставку которого Порты возложила на сербов. В своем рапорте главнокомандующему 2-й армией П.Д.Киселеву Гейсмар сообщал, что задуманного Портой можно было бы избежать, "когда бы вошло в виды правительства позволить сербам принять участие в войне против турок"³⁴.

Получив указание Порты обеспечить перевозку продовольствия, Милош сообщил об этом в Петербург³⁵. Сербский князь, безусловно, снабжал бы османскую армию и без специального разрешения российского императора, однако предпочел, чтобы его действия были санкционированы Россией и велись с ее ведома. Российские власти считали целесообразным советовать Милошу принять требование Порты, сообщая при возможности, когда именно будет производиться транспортировка грузов по Дунаю³⁶. "Собственная польза наша требует отклонить от Милоша подозрения Порты, которые легко могли бы возродиться, буде он вовсе не исполнил данного ему поручения" – писал Нессельроде Дибичу, сообщая, что император разрешил сербскому вождю доставлять из Австрии "небольшое количество провианта"³⁷.

Транспортировка грузов явилась одной из многочисленных уступок Порте, сделанных сербским князем на протяжении лет своей власти в Сербии. Турецкое господство еще не было преодолено, русско-турецкая война еще не завершилась и неизвестно было, какие результаты она принесет для сербов даже в случае желанной победы России. Политика лавирования и уступок оставалась основой для сохранения достигнутых, пока немногочисленных привилегий для получения в будущем как автономного статуса Сербии, так и признания Портой права семьи Обреновича наследовать титул верховного вождя. Поэтому, когда русское командо-

вание официально запросило Милоша о возможности практической помощи сербских войск России, ответ содержал описание столь бедственного положения с оружием и составом отрядов, что понять его можно было только как отказ. В частности, российское правительство интересовала возможность образования в Сербии 20-ти тысячного войска для совместных русско-сербских действий в Румынии, а также вооруженных отрядов для охраны сербских границ и крепостей³⁸. "Я себе вменю за честь и величайшее счастье, ежели в состоянии буду оказать какую-нибудь полезную услугу Милостивейшему нашему покровителю" – писал Милош и указывал при этом, что в Сербии невозможно составить нужного войска и обеспечить его оружием³⁹. Он сообщал, что обеспечив безопасность своих границ от босняков и албанцев и укрепив крепости, для непосредственной помощи русской армии осталось бы не более 10 тыс. человек⁴⁰. Ни деятельность сербских осведомителей в пользу русской разведки, ни пожалование 10 тыс. дукатов на русских раненых⁴¹ не могли скрыть фактического нежелания сербского князя присоединиться к военным действиям. Подобное поведение Милоша заставляло русское командование сомневаться в достоверности сведений, поставляемых Милошем, "коего действия кажутся неизменно сопряженными с расчетом собственным выгод"⁴².

Несмотря на отсутствие совместных русско-сербских военных выступлений, сербы продолжали воевать в составе многонациональных волонтерских отрядов. Особое место в русско-турецкой войне занимают действия отряда под командованием полковника генерального штаба И.П.Липранди, который находился в придунайских областях с 1821 по 1831 гг., сначала в качестве полковника, потом генерала и шефа тайной русской заграничной полиции⁴³. Для военных ведомств им выполнялись описания разведывательного характера: он имел доступ ко многим секретным архивам и документам, к нему тянулись нити всех тайных агентов

на Балканах. Хорошо зная балканские народы и много путешествуя, Липранди собрал богатый и разнообразный материал по истории, языкознанию, этнографии народов, населявших этот регион Османской империи. В Сербии Липранди никогда не был, но был знаком с сербскими политическими деятелями, от которых узнавал интересующие его сведения об истории и современном положении края⁴⁴.

В значительной степени создание отряда Липранди было связано с боязнью российских правящих кругов широкого распространения самостоятельных освободительных движений сербов и болгар. Для того, чтобы ограничить размах выступлений и подчинить их контролю было признано целесообразным объединить все существовавшие волонтерские группы под руководством Липранди. Таким образом, создание отряда в конечном результате было направлено на то, чтобы не допустить перерастания действий славянских групп в более широкое народное выступление.

В январе 1829 г. Липранди подготовил "Записку о необходимости составить партизанский корпус на правом берегу Дуная", которая была признана русским командованием "чрезвычайно полезною"⁴⁵. На него было возложено формирование отряда и командование им. Всего в отряд вошло до 1000 албанцев, македонцев, болгар, сербов, черногорцев⁴⁶. Служившие в отряде волонтеры добровольно отказались от причитавшегося им жалованья и получали лишь продовольствие и порох, "ибо люди были все зажиточные, богато вооруженные и шли единственно по личной доверенности к Липранди"⁴⁷. Командир отряда был уполномочен действовать самостоятельно, "без предварительного испрашивания разрешения", что говорит о доверии к военному опыту полковника.

Позже к этому отряду присоединились другие волонтерские группы, в том числе и сербы Милко Петровича⁴⁸. Отряд его не был расформирован, как того требовал Милош, а лишь переброшен с сербской границы на восток⁴⁹;

затем он был присоединен, правда не без колебаний, к частям генерал-лейтенанта Л.Рота⁵⁰. Сам Милко за храбрость был награжден золотой саблей. Гейсмар так характеризовал его в письме к Дибичу: "... примерная неустрашимость этого человека, знание края и малой войны против турок могут удержание и употребление одного в армии учинить полезным"⁵¹. Группа Милко успешно действовала и в отряде Липранди. Последний отзывался о сербах как наиболее многочисленных и храбрых солдатах, находившихся под его командованием⁵². В связи с многонациональным составом отряда возникали определенные трудности в руководстве им. Командующему пришлось подавить две попытки мятежа среди волонтеров, планировавших разделиться по национальному признаку и попытаться поднять на восстание против турок жителей своих родных областей⁵³.

Отряд Липранди сыграл значительную роль в ведении "малой", партизанской войны весной и летом 1829 г. и был расформирован только 3 декабря после двухмесячного пребывания в Туртукайском лагере на Дунае⁵⁴. Этот лагерь, организованный после подписания мирного договора, служил противовесом турецкому гарнизону и призван был следить за исполнением условий Адрианопольского мира⁵⁵.

Слухи о деятельной подготовке Австрии к войне не прекращались вплоть до подписания мирного договора. Из Сербии и Дунайских княжеств к русскому командованию регулярно поступали сведения о вооружении и передвижении австрийских войск. Сообщалось, в частности, что военные приготовления разворачиваются полным ходом: комплектуются полки, увеличивается численность армии, приобретаются лошади для кавалерии, активизируются действия австрийской разведки⁵⁶. Российскому правительству стало известно о фактах прямой помощи австрийских офицеров в Константинополе турецким военачальникам при подготовке военных акций против России. После блокады Дарданелл русским флотом Австрия, пользуясь особым соглашением с

царским правительством проводить через пролив суда без осмотра, тайно снабжала Константинополь продовольствием и оружием⁵⁷.

Австрийское^{e/} правительство пыталось найти поддержку у других европейских держав: оно разработало план вмешательства четырех держав в русско-турецкую войну с целью предотвращения распада Османской империи. Правительства Англии, Франции и Пруссии отвергли это предложение, а прусский кабинет даже счел возможным подчеркнуть, что Пруссия никогда не присоединится к такому союзу, из которого исключена Россия⁵⁸. Эти тревожные известия вынудили царское правительство серьезно заняться изучением экономического и военного положения Австрии для выяснения ее возможностей вступления в войну. Из составленной на основании изучения состояния австрийской армии записки следовало, что Австрийская империя не в состоянии начать войну в силу неуккомплектованности армии — как пехоты, так и кавалерии — и отсутствия дееспособного командного состава⁵⁹.

Составленная в феврале 1829 г. записка мало успокоила подозрения русского командования насчет возможного выступления австрийцев, тем более, что из княжеств поступала иная информация. Даже проавстрийски настроенный Нессельроде вынужден был признать антирусскую направленность политики Австрии: "Слова ее миролюбивы, но ее тайные стремления более чем подозрительны, она постоянно вооружается"⁶⁰. На протяжении всей войны недружественная позиция Австрии заставляла опасаться военных действий в тылу русской армии, не позволила привлечь сербов в ходе войны и послужила одной из причин умеренности русских требований при заключении мира.

Успешные действия русских войск на Балканах в 1829 г. и занятие ими Адрианополя привели европейские правительства к мысли о желании России захватить Константинополь. Советскими учеными доказано, что занятие

турецкой столицы не входило в планы Николая I⁶¹. Более того, российский император опасался такого поворота событий, когда при отказе Порты заключить мирный договор на предложенных ей условиях, русской армии пришлось бы продолжить свое наступление⁶², несмотря на то, что "...нашим войскам труднее было остановиться перед Константинополем, нежели вступить туда"⁶³. Особый комитет по восточному вопросу, заседавший 14–16 сентября 1829 г. в Петербурге, пришел к выводу о том, что "выгоды от сохранения Оттоманской империи в Европе превышают его невыгоды" и, следовательно, "ее разрушение будет противно действительным интересам России"⁶⁴.

Заключенный 2(14) сентября 1829 г. Адрианопольский мир рассматривался в российских правящих кругах как крайне умеренный и был призван доказать европейским державам отсутствие захватнических планов России на Балканах. Умеренность требований ставили в заслугу русскому императору, в то время, как она в значительной степени была вынужденной⁶⁵. Адрианопольский мир укрепил политическое влияние России на Балканах и Среднем Востоке. Порта признавала присоединение к России Грузии и Восточной Армении. Проливы были открыты для торговых судов России и других держав. В европейской части Османской империи к русским владениям отошли лишь небольшие острова в устье Дуная, что, однако, позволило России контролировать судоходство по этой реке. Большое значение имел заключенный мир для развития независимости балканских народов: расширялись права самоуправления Дунайских княжеств, Греции предоставлялось автономное управление.

Заключение Адрианопольского мира имело исключительно важное значение для определения дальнейшей судьбы сербского народа. Шестая статья договора посвящалась положению Сербии. Порта обязывалась без малейшего промедления исполнить условия Отдельного акта о Сербии, содержащегося в Аккерманской конвенции и предоставить России в те-

чение месяца утвержденный хатти-шерифом фирман об исполнении всех предполагаемых условий⁶⁶. Турция, потерпевшая поражение, не могла воспользоваться своими прежними методами отсрочек обещанного и отложить сербские дела на неопределенное время.

Адрианопольский мир еще раз подтвердил право сербского народа на автономию в рамках Османской империи. Сами сербы испытывали некоторое разочарование в результатах мира. Уверенные, что Россия вела войну ради их освобождения, они считали подтверждение условий Аккерманской конвенции слишком скромной наградой за долгие годы ожидания⁶⁷. Воздержавшись от привлечения сербов к военным действиям, Россия сумела избежать международных осложнений и обострения отношений с европейскими державами, в частности, с Австрией, которая с большим вниманием следила за ходом военной кампании и была готова в любой момент выступить для предотвращения нежелательного для нее хода событий. Возможность оккупации Сербии австрийскими войсками сдерживала практическое применение всех возникавших в генеральном штабе русской армии планов совместного русско-сербского наступления.

Волонтерское движение в Малой Валахии возникло как самостоятельные выступления местного, в том числе и сербского, населения в помощь русской армии. Отметим, что некоторое число сербов пришло непосредственно из Сербии. Отдельные добровольческие отряды формировались, в основном, без участия российских властей. Они, как правило, были невелики, многонациональны по составу и участвовали в проведении военных операций локального характера. Сербские волонтеры сражались с большой храбростью и заслужили поощрение русского командования, которое прибегало к их содействию. Деятельность этих отрядов не пользовалась поддержкой сербского руководства во главе с Милошем Обреновичем, который стремился не подвергать себя угрозе недовольства Порты поддержкой ее противника.

и предусматривал возможность сохранения добрых отношений как с Россией, так и с Портой независимо от исхода войны. Однако сербский князь не смог помешать помощи соотечественников русской армии. Эта помощь была принята и русской стороной. Царское правительство, стремившееся сохранить свою популярность среди сербского населения, вынуждено было считаться с фактом существования волонтерских отрядов, прибегать к их поддержке и оказывать им содействие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958; Достян И.С. Россия и Балканский вопрос. М., 1972.
2. Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1966.
3. Конобеев В.Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828-1830 гг. - "Ученые записки и-та славяноведения", т. XX, М., 1960.
4. Гаврилович М., Милош Обренович. Кнж. I-III, Београд, 1908-1912.
5. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 8, оп. I, д. 7, л. 12об. А.С.Грейгу из Одессы, 20 декабря 1827 г.
6. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. XV, д. II, доп., л. 2 об. Д.П.Татищев П.Х.Витгенштейну от 20 марта (1 апреля) 1829 г.
7. Там же.
8. Киняпина Н.С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828-1829 годов. - "Ученые записки МГУ", вып. 156, 1952, с. 222.
9. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 109, оп. 4, д. 3, л. 4об. "Рассуждения о возможности войны с Турцией", 1827 г.; там же, д. 7. "Донесения о настроении в армии из Бессарабии", 11 мая 1827 г.
10. Киняпина Н.С. Указ. соч., с. 206.
11. Стојанчевич В. Милош Обренович и његово доба. Београд, 1966, с. 375/376.
12. Конобеев В.Д. Указ. соч., с. 232.
13. "Рассуждения о возможности войны с Турцией", л. 5об.
14. Епанчин Н. Указ. соч., т. I, с. 53.
15. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 4476, л. 199. К.В.Нессельроде Милошу, 2 октября 1828 г.
16. Там же.
17. ЦГАВМФ, ф. 8, оп. I, д. 7, л. 9 А.С.Грейсу из Одессы, 7 декабря 1827 г.

18. Архив ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ЛОИИ), ф. 36, оп. I, д. 255, л. 9. И.П.Липранди. Краткое обозрение Молдавии, Валахии и других прилегающих земель в военном отношении с присовокуплением сведения о военных приготовлениях турков до 20 марта 1828 г.

19. *Buistrznowsky M.O.de S. Sur La Serbie dans ses rapports europeens avec la Question d'orient.* Paris, 1845.

20. ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 7. Донесение о настроении в армии", II мая 1828 г.

21. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4476, л. 183. Рапорт Ф.К.Гейсмара А.Ф.Ланжерону, октябрь 1828 г.

22. Конабеев В.Д. Указ. соч., с. 235-236.

23. Откови Караџорђе и Милош. 1804-1830. Београд, 1960, с. 301.

24. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4476, л. 203. Ф.К.Гейсмар Милошу, 28 ноября 1828 г.

25. Там же, д. 4723, л. 2 с об. А.Ф.Ланжерон И.И.Дибичу, 15 ноября 1828 г.

26. Там же, д. 4476, л. 6-7 об. М.Герман П.Д.Горчакову, 20 июня 1828 г.

27. Там же, л. 135. Донесение Милоша от 20 августа 1828 г.

28. Там же, л. 182. Рапорт Ф.К.Гейсмара А.Ф.Ланжерону, октябрь 1828 г.

29. Там же, д. 4731, л. 15 с об. "Проект образования пандуров".

30. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4731, л. 12 с об.

31. Там же, д. 4723, л. 6 об. Рапорт И.И.Дибича П.Д.Киселеву, 25 января 1829 г.

32. Там же, л. 8.

33. Там же, д. 4476, л. 183. Рапорт Ф.К.Гейсмара А.Ф.Ланжерону, октябрь 1828 г.

34. Там же, д. 4723, л. 16. Ф.К.Гейсмар П.Д.Киселеву, 6 февраля 1829 г.

35. ЦГАДА, ф. ХУ, д. 5, доп., л. 28. Милош К.В.Нессельроде, 10 марта 1829 г.

36. Там же, л. 8-9. К.В. Нессельроде Милошу, 1829 г.

37. Там же, л. 6. К.В. Нессельроде И.И.Дибичу, II апреля 1829 г.

38. Там же, л. 12 с об.

39. Там же, л. 23.

40. Епанчин Н. Указ. соч., т. I, с. 53.

41. Стојанчевић В. Указ. соч., с. 376.

42. ЦГАДА, ф. ХУ, д. 5, доп., л. 35. И.И.Дибич К.В. Нессельроде, 7 марта 1829 г.

43. Богичич В. Указ. соч., с. 8.

44. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980, с. 205.

45. Гросул В.Я. Указ. соч., с. 177.

46. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина (ОР ГБЛ), ф. 18, д. 2584, л. 14. "Записка о службе Липранди". По другим сведениям отряд был меньше: В.Я.Гросул приводит данные о 900 чел., а В.Д.Конобеев о 757 чел. в отряде.
47. Там же, л. 14об.
48. Там же, л. 76.
49. Конобеев В.Д. Указ. соч., с. 243.
50. ЦГАДА, ф. XV, д. 5 доп., л. 6 об. К.В.Нессельроде И.И.Дибичу, 11 апреля 1829 г.
51. Там же, л. 39. Ф.К.Гейсмар И.И.Дибичу, 2 марта 1829 г.
52. Богущич В. Указ. соч., с. 8.
53. ОР ГБЛ, ф. 186, д. 2584, л. 78об. "Записка о службе Липранди".
54. Там же, л. 79об.
55. Гросул В.Я. Указ. соч., с. 178.
56. Секретные донесения П.Ф.Желтухина А.Х.Бенкендорфу, 27 мая, 22 сентября 1828 г., 2 октября, 7 августа 1829 г.; секретное донесение из Шумлы 20 сентября 1828 г. ЦГАОР, ф. 109, 1-я экспедиция, д. 292, л. 1-2; д. 385, л. 1; д. 381, л. 1 с об.; д. 294, л. 1; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4476, л. 154.
57. Дяхов В.А. Русская армия и флот в войне с Оттоманской Турцией в 1828-1829 гг. Ярославль, 1972, с. 219.
58. ЦГАДА, ф. 15, д. 86, л. 32об.-34. Отчет о действиях нашей дипломатии за 1829 г.
59. ЛОИИ, ф. 113, д. 99, л. 120-121. Из записки Г-м гр. Строганова о настоящем положении австрийской армии, 12 февраля 1829 г.
60. Епанчин Н. Указ. соч., т. II, с. 4.
61. См., например: Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958; Достян И.С. Россия и Балканский вопрос. М., 1972; Международные отношения на Балканах. 1815-1830 гг. М., 1983.
62. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, д. 2968, л. 142. К.В.Нессельроде И.И.Дибичу, 1 сентября 1829 г.
63. "Сын Отечества и Северный архив", № 41, 1829, с. 55.
64. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV, ч. I, СПб., 1878, с. 440.
65. ЛОИИ, ф. 113, д. 96, л. 270. И.И.Дибич А.И. Чернышеву, 2 сентября 1829 г.
66. Везефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869, с. 74-75.
67. Ранке Л. История Сербии по сербским источникам. М., 1867, с. 334.

МИССИИ РУССКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И
ВОЕННЫХ В СЕРБСКОМ КНЯЖЕСТВЕ В 30-е гг. XIX в.

После окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. и заключения Адрианопольского мира Сербия получила, наконец, статус автономного княжества, находящегося под покровительством России, гарантировавшей его права и привилегии. С этого времени оно стало постепенно входить в европейскую международную систему и поэтому в гораздо большей степени, чем ранее привлекало к себе внимание европейских держав. Это было также следствием обострившейся международной обстановки на Балканах, особенностей расстановки сил в борьбе великих держав в Восточном вопросе, создавшейся перспективы укрепления и расширения Сербского государства, могущего стать притягательным центром для борющихся за свое национальное освобождение южнославянских народов. Заинтересованность в сербских делах проявляли преимущественно три державы - Россия, Австрия и Великобритания.

Адрианопольский договор значительно упрочил позиции России в районе Черного моря, усилил ее политическое влияние на Балканах. Но политика правительства Николая I после окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг. претерпела существенные перемены. Революционные события 1830-1831 гг. в Польше, во Франции, в Бельгии заставили царизм полностью подчинить свою внешнюю политику консервативным и реставраторским принципам. Это нашло яркое выражение и в изменении курса петербургского двора в отношении Османской империи и ее подданных. В 1833 г. во время египетского кризиса Порте была оказана военная помощь и с ней заключен Ункяр-Искелесийский договор о дружбе и оборонительном союзе. Петербургский кабинет пошел на ряд уступок Турции, стабилизировавших ее внутрен-

нее положение, и принимал все меры к тому, чтобы воспрепятствовать возникновению и расширению освободительных и сепаратистских движений в ее владениях.

В том же 1833 г. была заключена Мюнхенгретская конвенция между Россией и Австрией, по которой правительства этих государств обязались поддерживать существование Османской империи и принять самые действенные меры в случае угрозы ее неприкосновенности. Тем самым определился принцип согласованных действий двух европейских монархических государств в Восточном вопросе. Но конвенция не уничтожила, а лишь несколько ослабила русско-австрийские противоречия в отношении балканских дел и дунайской проблемы.

По расчетам Петербурга политика, направленная на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи, должна была полностью подчинить Порту влиянию России, обеспечив интересы последней в Восточных делах. Но действительные результаты такого курса оказались иными, ибо европейские державы и прежде всего Англия пустили в ход все средства, чтобы не дать укрепиться русскому преобладанию в Константинополе и на Балканах.

Великобритания занимала достаточно прочные политические позиции на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье, которые поддерживались экономическим проникновением английского капитала в эти регионы. Последнее обстоятельство создавало перспективы превращения Турции в послушное орудие англичан. Но для этого необходимо было не допустить роста влияния России в Стамбуле и на Балканах, запереть ее в Черном море. Адрианопольский мир и особенно Ункяр-Искелесийский договор вызвали решительный отпор в Лондоне и привели к обострению русско-английских отношений. Это имело различные проявления и выразилось в частности в стремлении сент-джеймского кабинета подорвать русское влияние в Сербском княжестве, роль которого на Балканах английские либералы очень быстро оценили¹. В 1837-1838 гг. "законные права" царя в отношении

Сербии были поколеблены активным вмешательством в ее внутренние дела и формирование государственного устройства английской дипломатии. Хотя Петербургу удалось пресечь такую деятельность, русские позиции в молодом балканском государстве с конца 1830-х гг. начали слабнуть².

В 30-х гг. усилилось экономическое проникновение Австрии на Балканы и в страны Леванта. Толчком к этому послужило основание в 1829 г. Первой Дунайской пароходной компании. Соседние югославянские области монархии Габсбургов давно уже являлись для "турецких" сербов рынком сбыта сельскохозяйственной продукции, особенно скота. Но несмотря на определенную экономическую зависимость Сербского княжества от Австрии и тесные связи с австрийскими сербами, из числа которых вышла значительная часть чиновничества князя Милоша, позиции Вены в Сербии не были достаточно прочными, а политические акции активными. Из-за Дуная пристально наблюдали за всем, происходящем в княжестве. Особое опасение вызывало укрепление русско-сербских политических контактов, т.к. предполагалось, что это создаст условия для распространения влияния царизма на другие балканские земли, например, на Боснию. Усилия Габсбургов были направлены на то, чтобы Сербское княжество не сложилось по образцу европейских конституционных государств с представительной системой правления, не превратилось в "рассадник" революционных и демократических идей, в притягательный центр для югославянского населения империи³.

На фоне все обострявшихся противоборств трех великих держав на Балканах в 1830-х гг. протекала внутренняя жизнь Сербского княжества: шла борьба против деспотического режима князя Милоша Обреновича, вокруг конституционных проблем, формировались основы самостоятельной государственной организации.

Повышение интереса европейских правительств и общественных кругов к сербам выражалось и в том, что с конца

20-х гг. княжество начало посещать все больше государственных деятелей, военных, путешественников – англичан, французов, немцев. В 1829 г. там побывали прусский офицер Отто Ширх и француз Адольф Караман, в 1833 г. – знаменитый поэт-романтик и политический деятель Адольф Ламартин, в 1834 г. – французский дипломат Боа ле Конт, несколько раз приезжал в Сербию англичанин Давид Уркварт. По заданию венского генерального штаба австрийские пограничные власти не раз засылали в Сербию своих офицеров-разведчиков, составлявших военно-географические и статистические описания различных частей страны, на основе которых корректировалась карта Сербии. Некоторые записки и описания Сербии, составленные побывавшими там европейцами, были в разное время опубликованы и служат при всех своих недостатках и поверхностности сведений одним из источников для изучения сербской истории данного периода⁴.

Во второй половине 30-х гг. Австрия, Великобритания и Россия стали устанавливать регулярные дипломатические отношения с Сербским княжеством. Осенью 1836 г. в Белград прибыл австрийский консул Антун Миханович, весной следующего года английское правительство направило туда своего консула Георга Ллойда Ходжеса, в феврале 1838 г. начал деятельность в Сербии российский генеральный консул Герасим Васильевич Ващенко. Все это значительно расширило круг источников информации о событиях в Сербском княжестве, внутренней обстановке в нем, экономической жизни, общественных настроениях и проч.

В течение десятилетия после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в Сербию не приезжали русские люди по собственной инициативе, путешественники с научными целями. Но туда периодически посылались представители русского правительства и армии с различными поручениями и миссиями. В период, когда в Сербии еще не было основано российское консульство, эти поездки служили важным источником информации о сербских делах, оказыва-

ли определенное влияние на курс политики правительства в отношении Сербии.

Конкретно имеются в виду командировки А.Г.Розелиона-Сашальского, П.Е.Коцебу и других офицеров (1830-1831 гг.), барона Будберга (1833 г.), П.И.Рикмана (1835 г.), князя В.А.Долгорукого (1837 г.). Инструкции, донесения, записки и другие материалы, связанные с этими поездками, содержат ценный материал, характеризующий внутреннее положение и социальную борьбу в Сербском княжестве 30-х гг., развитие русско-сербских отношений того времени.

Первая из таких командировок была предпринята вскоре после окончания войны с Турцией, в 1830 г. по распоряжению русского главнокомандующего И.И.Дибича-Забалканского. Он просил полномочного председателя диванов Молдовы и Валахии П.Д.Киселева послать в Сербское княжество офицера с помощниками для составления "верной и полной" карты Сербии, подробного ее описания "посредством рекогносцировок и путешествий"⁵. Киселев направил в Сербию капитана генерального штаба А.Г.Розелиона-Сашальского с помощниками - поручиком О.Г.Эссенем и прапорщиком И.В.Каменским. Задачи командировки были разъяснены в двух инструкциях. В "тайном наставлении" говорилось о составлении точной карты Сербии "посредством рекогносцировок и путешествий", с помощью иностранных карт, а также карты, сделанной самими сербами и переданной российскому командованию. Кроме карты предписывалось составить "военно-топографическое и, ежели можно, статистическое описание края"⁶. По другой официальной инструкции цель командировки связывалась с возвращением Сербии согласно условиям Адрианопольского договора шести округов: надлежало их обозреть и точно зафиксировать новые границы страны. Помимо этого надо было заняться "отысканием древностей, могущих служить полезным материалом для истории, и другими по словесно данным наставлениям учеными исследованиями и изысканиями сего столь мало известного и во многих

отношениях любопытного края⁷.

Как видим, официальная инструкция, полученная Сашальским, существенно расширяла задачи командированных. Она не была фиктивной и не исходила только из необходимости создать предлог для посещения русскими офицерами Сербии — об этом свидетельствует их деятельность там. Можно предположить, что цели командировки были в определенной мере связаны с предпринятым Киселевым еще в 20-е гг. изучением истории русско-турецких войн и территорий, служивших их театром, а также явились проявлением интереса к сербам, их истории и культуре, который в это время наблюдался в культурных кругах русского общества.

Прибыв в Белград в конце июня 1830 г. с рекомендательными письмами Киселева к князю Милошу, русские офицеры узнали, что шесть округов еще не возвращены сербам, а поэтому обозреть их и зафиксировать новую границу страны не удастся. Вскоре они получили распоряжение выполнить порученную им работу, ограничившись старыми пределами княжества. В это время в Стамбуле велись активно переговоры между российским посланником А.И.Рибопьером, сербскими депутатами и рейс-эфенди о хатти-шерифе для Сербии, в которых вопрос о шести округах стал главным камнем преткновения. По просьбе сербских депутатов было решено послать в княжество русского и турецкого комиссаров для установления границ возвращаемых округов⁸. Вскоре русским комиссаром был назначен капитан П.Е.Коцебу, а Розелион-Сашальский стал его помощником.

В ноябре 1830 г., когда работа по составлению карты Сербии была завершена, Эссен и Каменский вернулись в Бухарест. Они привезли с собой составленную Розелион-Сашальским "Краткую статистическую записку о Сербии"⁹. Более обширная его рукопись "Статистическое описание Сербии", которая согласно инструкции прилагалась к карте, была закончена в конце 1830 или начале 1831 г. и переправлена Киселеву. Сашальский оставался в Сербии до

конца апреля 1831 г. Он вместе с русским комиссаром Коцебу занимался урегулированием с турецким комиссаром вопроса о новых границах Сербии, составлял карту присоединяемых районов. В мае Коцебу послал эту карту и записку к ней российскому посланнику в Константинополе Бутеневу¹⁰. Но в это время проблема возвращения Сербии шести округов, как известно, не была решена.

"Статистическое описание Сербии" и "Краткая статистическая записка о Сербии", были написаны Розелион-Сашальским после нескольких месяцев пребывания в стране, сведений и личных впечатлений, полученных во время многочисленных поездок по различным районам княжества, общения с сербами. Он использовал и довольно широкий круг литературы по истории и современному положению Сербии, в частности произведения Вука Караджича и Л. Ранке. Все это обусловило достоверность сообщаемых автором сведений. Первая из названных записок, служащая приложением к карте, по содержанию шире такого назначения. Она начинается с обширного исторического введения, названного "Взгляд на историю сербского народа", которое составляет почти половину рукописи – 55 листов. Далее следует часть под общим заголовком "Статистическое описание Сербии, рассматриваемой в состоянии ее до исполнения шестого пункта Адрианопольского трактата". Она включает 14 глав: Географическое положение и границы; Пространство и народонаселение; Жители, свойства, нравы и обычаи их; Географическое и гражданское разделение; Качество поверхности края; Свойства грунта и произведения земные; Богатство, торговля и промышленность; Города и местечки Сербии; Герб Сербии. Образ правления и судопроизводство; Законы, полиция, войско, монета, почты, сообщения, карантин и прочее в сей стране; Налоги и повинности; Доходы Сербии и их потребление; Вера; Умственное образование сербов, науки и искусства в их стране; Памятники древности. Рукопись завершается "Краткой приблизительной

статистической таблицей Сербии"¹¹.

Другая записка под названием "Краткая статистическая записка о Сербии" была составлена по заданию Киселева, сформулированному в его официальной инструкции и конкретизированному позднее. В сентябре 1830 г. он просил Сашальского прислать сведения об образе правления Сербии, о доходах и величине уплачиваемого Порте налога, о плате частным турецким владельцам и своему князю, о величине уплачиваемой Порте дани по новому хатти-шерифу и пр. В ответ на это Сашальский сперва составил краткие сведения, ограниченные указанным кругом вопросов¹², а затем "Краткую статистическую записку". Посылая эту рукопись Киселеву, он писал: "Я старался соединить то, что наиболее заслуживает быть сказанным об этой стране, коей отношения с Россией становятся ежедневно ощутительнее и интереснее и которая, так сказать, возрождается из своего пепла"¹³.

Эта записка также начинается с небольшого исторического введения, продолженного описанием современного политического положения Сербии, внутренней и внешней политики князя Милоша, его характера, политических принципов и взглядов. Материал иногда излагается более подробно, чем в "Статистическом описании", где он разбросан по разным главам. Затем следует общий заголовок – "Настоящее состояние Сербии и ее жителей", включающий ряд боковых подзаголовков: Свойства народа сербского, Народонаселение, Произведения, Налоги и повинности, Доходы и их потребление, Управление, Религия, Просвещение. Имеются также разделы: "Города, в которых живут турки" и "Прибавление. Нечто о Боснии"¹⁴.

Таким образом, в "Краткой статистической записке" более суммарно изложены или отсутствуют чисто географические и военно-топографические сведения, значительно сокращена историческая часть. Рукописи разнятся и по некоторым конкретным цифровым данным, которые, по-видимому, были уточнены автором уже после отъезда Эссена и

Каменского в Бухарест. Но в основном обе записки Розелион-Сашальского о Сербии близки по содержанию. Кроме чисто географических и военно-топографических сведений они содержат большой материал об экономическом и политическом положении страны, о сербском народе, особенностях его быта и обычаев, о народном творчестве, просвещении и культуре. В рукописях Розелион-Сашальского Сербское княжество и сербы предстают перед нами такими, какими их мог увидеть внимательный наблюдатель, живший в стране, побывавший в разных ее частях, встречавшийся с князем Милошем, его чиновниками, с местными жителями.

При составлении исторического очерка Розелион-Сашальский, как отмечалось выше, использовал некоторые научные труды. Но о недавних событиях ему, конечно, рассказывали сербы, с которыми он встречался, приближенные князя Милоша. Вероятно, со слов последних описана версия об убийстве Карагеоргия, подчеркивающая непричастность к этому делу сербского князя, история восстаний и мятежей, вспыхивавших после 1815 г. В целом, наш автор с уважением и теплотой пишет о Милоше Обреновиче, хвалит его внутреннюю и внешнюю политику, бережливость и хозяйственность как в личных, так и в государственных делах. Но он знает о недовольстве режимом князя, которое уже в 1830 г. ощущалось в стране, называет некоторые неблагоприятные его поступки¹⁵. Примечательно утверждение Сашальского, что сербский князь "воспользовался бы всяким удобным случаем к распространению своей области и приобретению славы быть восстановителем древних пределов Сербии"¹⁶. По-видимому, "Милош затрагивал эту тему в беседах с русским офицером, как и позже в разговорах с Боа ле Контом.

Рукописи Розелион-Сашальского дают возможность составить некоторое представление об их авторе. Это был человек либерально настроенный, образованный, обладавший литературным даром. Помимо добросовестного исполнения своего служебного поручения, он проявил большой интерес

к сербам, их истории и культуре, к политическому положению страны и перспективе ее развития в будущем. Именно поэтому в рамках традиционного для своего времени военно-топографического и статистического описания Розелион-Сашальский сообщил много сведений о Сербии и сербах. Его записки в какой-то мере отражают интерес к балканским народам, который в это время наблюдался в русском обществе¹⁷.

Адрианопольский трактат обязал Порту возвратить Сербии территории (шесть нахий), которые принадлежали ей до поражения восстания 1804–1813 гг. а хатти-шериф 1830 г. признал за сербами право на владение этими районами. Кроме того, турки, исключая служивших в гарнизонах шести крепостей, должны были покинуть страну, продав свое имущество в течение года. Добиться практического выполнения таких решений оказалось нелегким делом. Милош Обренович действовал чрезвычайно активно, прибегал к различным средствам давления на Порту, не скупился на подарки; используя недовольство населения спорных территорий турецким режимом, подстрекал его к открытым восстаниям. В результате к середине 1833 г. спорные территории оказались под управлением сербского князя. В мае этого года российский посланник в Константинополе А.П.Бутенев получил формальное согласие султанского правительства на присоединение к Сербии всех районов, внесенных в карту, которую составил в 1831 г. российский комиссар Коцебу¹⁸.

В это время сербы также добивались выселения турок из предместий белградской крепости, чему Порты упорно сопротивлялась. В ходе переговоров по ряду вопросов, которые весной и летом 1833 г. велись в Стамбуле, российские представители А.Ф.Орлов и А.П.Бутенев не поддержали требования сербов. В августе было получено решение Николая I пойти в этом вопросе на уступку турецкой стороне.

Такая позиция не была случайной: в разгар египетско-

го кризиса, когда Османская империя оказалась под угрозой распада, царское правительство не только предоставило ей военную помощь, но и шло на всевозможные уступки. Решительные и самостоятельные действия сербского князя вызвали опасения в Петербурге, и вскоре после подписания Ункяр-Искелесийского договора, в августе 1833 г. в Сербию со специальным поручением был направлен флигель-адъютант царя полковник барон Будберг, побывавший во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. в Османской империи и потому в какой-то мере знакомый с балканскими проблемами.

В инструкции Будбергу, подписанной Николаем I, выражалось недовольствие поведением князя Милоша, который "возмечтал, что может собственными силами действовать и расширить круг своего обладания подобно египетскому паше, и наипаче при настоящем слабом положении Порты". Об этом свидетельствует "произведенное по его тайным проискам и внушениям возмущение" в присоединенных теперь к Сербии районах. Предписывалось убедить сербского князя, "дабы он сохранял всегда уважение к Порте Оттоманской и удалялся от действий, могущих оскорбить окружающих Сербию турецких властей", не прибегать к насильственным мерам при выселении магометан, помогать им выехать. Он не должен был чинить препон к пребыванию турок в предместье белградской крепости, но мог бы исподволь закупать принадлежавшие им дома лавки и таким путем "сделаться со временем хозяином белградского предместья". Содержание инструкции полностью исходило из реакционного курса внешней политики Николая I, крайне опасавшегося какого-либо нарушения "законного порядка" на Балканах, развития там революционного движения. Царь требовал, "дабы правитель Сербии и народ довольствовались оказанными им милостями и не завлекались далее новыми мечтательными притязаниями, против государя своего". Иначе они потеряют всякое право на покровительство России и обратят на себя "праведный гнев" императора¹⁹.

Миссия Будберга, прибывшего в Сербию в середине сентября 1833 г., описана М.Гавриловичем на основе документов российского министерства иностранных дел и сербского государственного архива. Посланец царя был встречен торжественно и тепло. Он вручил Милошу письмо российского министра иностранных дел К.В.Нессельроде, в котором выражалось недовольство вооруженными выступлениями на спорных территориях, сообщалось о решении не выселять турок из предместий белградской крепости и давался совет избегать всего, что может вызвать недовольство Порты, стараться заслужить ее доверие, удовлетворяясь полученными преимуществами, которые дадут возможность улучшить благосостояние сербского народа. Будберг постарался сгладить недовольство сербов решением вопроса о сохранении турецкого населения в предместье белградской крепости и счел, что это ему удалось. Он рассказывал Бутеневу, что вынес прекрасное впечатление о сербском народе, старейшинах, князе Милоше²⁰.

Сербский князь и старейшины, как видим, сумели заслужить расположение и доверие флигель-адъютанта Николая I. Но вряд ли они были довольны уступками, которые начало делать русское правительство Порте, и, конечно, не собирались по повелению из Петербурга отказаться от своих "мечтательных притязаний" на создание большого и сильного сербского государства. В целом миссия Будберга отражала новый курс политики в отношении Порты, которую с начала 30-х гг. стал проводить Николай I.

После того как в ноябре 1833 г. был издан султанский хатти шериф, окончательно урегулировавший политический статус Сербского княжества и его отношения с Портой, на первый план выдвинулась задача создания сербами своей самостоятельной государственной организации. Необходимо было определить прерогативы власти князя и Совета, местных властей, создать судебные органы, уголовный и гражданский кодексы законов. Формирование основ сербской

государственности протекало в острой социальной борьбе. Одним из ее проявлений было все возрастающее стремление части чиновников и старейшин покончить с деспотической системой правления князя Милоша, положить предел его самоуправству и злоупотреблениям властью. Оппозиция имела на своей стороне часть народных масс.

В январе 1835 г. в ряде округов Сербии началось восстание – так называемая Милетина бун. Князь Милош уступил требованиям восставших без вооруженной борьбы, после чего на скупщине в Крагуевце была провозглашена наспех составленная конституция – Сретенский устав. При всех своих недостатках он имел демократические черты, удовлетворял требования, выдвигавшиеся в ходе Милетиной буны.

Эти события вызвали недовольство и опасения в Стамбуле, Петербурге, Вене. Российское министерство иностранных дел сочло сербскую конституцию "подражанием представительным хартиям, порожденным победой революционных идей в некоторых европейских странах", "незаконным произведением", не соответствующим обязанностям сербов в отношении Порты, условиям, на которых Россия обеспечила их автономные права²¹.

Милош Обренович, учтя негативное отношение России и Османской империи к Сретенскому уставу, который ограничивал власть князя, с готовностью его отменил. Вскоре был составлен новый проект конституции, который в значительной части повторял Сретенский устав, но обходил важнейший вопрос о разграничении власти князя и Совета. Проект был передан в Стамбул Бутеневу²².

Хотя в Петербурге уже было известно, что в Сербии установлен относительный порядок, а Сретенский устав не введен в жизнь, Николай I продолжал опасаться новых вспышек народного недовольства в Сербии и считал необходимым принять меры к их предупреждению. Поэтому было решено отправить со специальным поручением генерального консула в Бухаресте П.И.Рикмана. Дунайские княжества в

это время были для русского правительства основным источником информации о событиях в Сербии. Так о восстании Милеты Радойковича наиболее подробно сообщал в Петербург генеральный консул в Бухаресте М.Я.Минчаки. Несколько месяцев спустя сменивший его в этой должности П.И.Рикман составил "на основе заслуживающих доверия сведений, собранных в Яссах и Бухаресте", (вероятно, при участии М.Германа, прибывшего в июне месяце в Бухарест по поручению князя Милоша) "Справку об обстоятельствах, которые предшествовали и сопровождали провозглашение в Сербии конституционного акта в феврале месяце"²³. Таким образом, Рикман с самого прибытия в Бухарест оказался в курсе сербских дел.

Согласно полученной инструкции Рикман должен был, выяснив на месте положение в стране, заявить князю Милошу, что император не признает законным "акт, провозглашенный в Крагуевце" и предложить или вообще отказаться от идеи разработать "регламент" (термин "конституция" в Петербурге употреблять избегали) и продолжать следовать в делах управления существующим обычаям и традициям или составить такой регламент, который ограничивался бы "реальными нуждами внутреннего управления", был бы выдержан в духе положений русско-турецких договоров. В таком акте не следовало "придавать Сербии видимость государства, пользующегося политической независимостью", имеющего представительную систему правления. В него не должны были включаться пункты Сретенского устава о положении и про странстве Сербии, о гербе и флаге, о сербской власти, о законодательстве и формах правления, о народной скупщине. При согласии на такие условия Рикман должен был обещать Милошу поддержку "полезную для его собственных интересов", для укрепления его власти. Но тот со своей стороны должен был принять меры, чтобы не вызывать в народе недовольства по справедливым мотивам: облегчить налоговое бремя, благоприятствовать свободе торговли и проч. Ста-

рейшинам, особенно участвовавшим в восстании, Рикман должен был заявить, что Россия никогда не будет оказывать защиты людям "виновным в распространении в своей стране разрушительных идей, опасных для ее спокойствия и благополучия". Кроме того, поскольку российский МИД не хотел основывать свое консульство в Сербии, но крайне нуждался в получении своевременной информации обо всем, происходящем там, надо было постараться установить более тесные контакты с Милошем и старейшинами²⁴.

Рикман приехал в Сербию лишь в середине июля 1835 г. с письмом Нессельроде, адресованным князю Милошу, содержание которого соответствовало изложенной выше инструкции. Он сообщал в Петербург о восторженном приеме, оказываемом ему везде как русскому представителю, и утверждал, что сербы, "исключая нескольких отдельных лиц, чужды разрушительным идеям", нашедшим выражение в январских волнениях, что они требуют только гарантированных им в договорах и хатти-шерифах "материальных преимуществ", которых при настоящем положении дел лишены. Сретенский устав был принят с удовлетворением и приобрел популярность прежде всего потому, что принес налоговые облегчения, ибо все повинности были соединены в единый налог в 6 талеров с семьи. Князь Милош и старейшины настаивают, чтобы было выработано новое "Постановление для внутреннего управления". Необходимость срочно провести в княжестве преобразования признал и сам Рикман. Он сообщал, что старейшины раздражены и очень едины, а народ недоволен и привык быть управляем своими старейшинами. "Если гражданское существование Сербии в будущем не будет улучшено, — писал он Нессельроде, — если доходы провинции останутся в распоряжении князя, если Милош, как и раньше, останется исключительным монополистом во всей торговле княжества, тогда нельзя гарантировать, что спокойствие можно будет продолжать поддерживать в Сербии"²⁵.

Между тем после получения в Петербурге известия о

составлении сербами нового проекта "административного регламента" Рикману было дано указание рассмотреть его и сообщить свое мнение²⁶. Тот пришел к заключению, что проект не может получить одобрения России, так как не отвечает реальным нуждам управления страной, не ставит препон самовластью князя, не устраняет "неудобства", которые привели к недавним беспорядкам²⁷. Поэтому Рикман решил сам заняться исправлением этого варианта регламента, руководствуясь полученными указаниями о его содержании. Он утверждал, что подробно обсудил проект с сербским князем и, как видно, пошел навстречу его желаниям, ибо в проекте, отосланном Рикманом в Петербург, власть князя ограничивалась в меньшей мере, чем в Сретенском уставе, конкретно не формулировалось положения о функциях Совета, о правах и собственности граждан²⁸.

Российское министерство иностранных дел занялось рассмотрением проекта сербского регламента, передав его на заключение специалистам. П.Д.Киселев – опытный законодатель, один из авторов Органических регламентов Дунайских княжеств заметил в нем много существенных пробелов и недостатков. Он писал, что статьи проекта, облекающая личные права князя "законной силой, дают им такую обширность, которая превосходит даже меру правящего законного их употребления". Не определяется власть князя в отношении личных прав граждан, общественной и частной собственности, сбора налогов, судопроизводства. Казна князя не отделяется от общественной. В пользу же народа не предоставляется "ничего положительного"²⁹. Характерно, что несмотря на предписание Нессельроде в проекте была сохранена глава о скупшине. Киселев, а затем и Бутенев, также изложивший свои замечания на сербский проект, признали целесообразным сохранение этого национального института³⁰.

Таким образом, новый проект сербского устава, имевший некоторые демократические черты (например, сохра-

нявший роль народной скупщины), подвергся в Петербурге детальному изучению и, как можно установить по дипломатической переписке, был отвергнут в последней инстанции. По мнению царя он оказался недостаточно совершенным, чтобы получить санкцию русского правительства, которое сделалось бы ответственным за все последствия одобрения сербского конституционного акта. Утверждение такового Россией могло быть расценено как одобрение "развития так называемых либеральных идей в Сербии, заимствованных у государств, управляемых представительными учреждениями". В нем содержались статьи "политической значимости", которые "могли породить подозрение, что эта провинция может намереваться постепенно ослабить связи, которые ее соединяют с Оттоманской империей". Упоминалось также о нежелательности торжественно провозглашать в одобренном Россией акте наследственные права Милоша Обреновича на сербский престол. Исходя из всех этих многообразных соображений российское министерство иностранных дел предписало свести сербский регламент "единственно к распоряжениям, касающимся административной части", с тем, чтобы "положить границы злоупотреблениям" Милоша Обреновича, могущим породить серьезные беспорядки и быть использованными для распространения в Сербии революционных идей. Были изложены основные положения ("базис") такого регламента³¹. Лишь в сентябре 1836 г. Рикман сообщил князю Милошу об этом решении императорского двора и передал "базис", на котором предлагалось основываться при составлении нового проекта устава без непосредственного участия русской стороны.

Так косность и реакционность правительства Николая I имели следствием его отказ от участия в разработке сербского устава. Но такой курс в сербском вопросе имел неблагоприятные для России последствия, ибо уже в 1837-1838 гг. во внутренние дела Сербского княжества и в частности в вопросы его государственного устройства, соотношения власти князя и Совета стала активно вмешиваться

Великобритания.

В эти годы внутреннее положение Сербии определялось ростом оппозиции, объединявшей всех сторонников ограничения власти князя Милоша, положение которого значительно ослабло после перехода в лагерь его противников нескольких влиятельных старейшин. Составление устава не продвигалось вперед из-за острой борьбы вокруг проблем государственного устройства. Претензии князя на сохранение неограниченной власти поддерживал представитель Великобритании консул Д.Л.Ходжес. Требования оппозиционеров, стремившихся расширить власть Совета, поддерживали австрийский консул А.Миханович и русская дипломатия в лице того же Рикмана и назначенного в 1837 г. консулом в Орсову Г.В.Ващенко. Их сообщения в Петербург о тревожном положении в Сербии, угрозе возникновения там восстаний и беспорядков, а также неоднократные жалобы на незаконные действия Милоша и порочную систему его правления, поступавшие от сербских старейшин, побудили царское правительство осенью 1837 г. направить в Сербию со специальной миссией флигель-адъютанта царя князя В.А.Долгорукого.

Он должен был убедить Милоша прекратить злоупотребления в области финансов и торговли, не пользоваться властью в личных интересах, удовлетворить требования старейшин об их участии в управлении; указать на предосудительность близких контактов, установленных князем с британским консулом. Об этих советах, данных князю, Долгорукий должен был сообщить старейшинам, но предупредить их, что, требуя устав, им следует не отходить от содержания хатти шерифов и не пытаться устанавливать в Сербии порядки, заимствованные у других стран. В целом задачи миссии сводились к введению в Сербии "лучшего порядка", чтобы избежать осложнений из-за плохого управления князя Милоша³².

Когда Долгорукий в сентябре 1837 г. прибыл в Бухарест, к нему обратился находившийся там влиятельный про-

тивник Милоша Стоян Симиц, от которого посланец царя узнал "много интересного": о злоупотреблениях князя и готовящихся в стране беспорядках, о необходимости введения регламента, за исполнением которого следил бы назначенный в Сербию русский консул. В Земуне Долгорукого ожидали старейшины, наиболее ожесточенные против князя Милоша, он должен был также встретиться с австрийским консулом Михановичем и находившимся в Брзове Ващенко³³. Общение со всеми этими людьми, конечно, настроило Долгорукого против князя Милоша.

Приехав в Сербию, он потребовал осуществить меры, указанные в "базисе", и князь Милош, демонстрируя готовность следовать советам державы-покровительницы, издал Указ от 16 октября о конституционных гарантиях. В нем торжественно объявлялись "основные правила, утверждающие благосостояние сербского народа": неприкосновенность личности и собственности каждого серба, свобода торговли, оставление прежнего денежного налога при отмене всех отработочных повинностей (кулука), передача управления правительственной кассой в ведение Совета, выдача всем документов о владении недвижимым имуществом³⁴. Так изображал дело Долгорукий, а также и сам Милош в письме к Нессельроде³⁵. При учете сходства названного Указа с "базисом" эти утверждения представляются более убедительными, чем версия мемуариста Куниберта, писавшего, что английский консул Ходжес явился автором и инициатором Указа от 16 октября³⁶.

Долгорукий описал положение в княжестве в момент своего приезда туда в черных красках: страна стала игрушкой человека для которого собственный каприз – единственный закон, народные права нарушаются, никто не спокоен за завтрашний день. Недостатки внутреннего управления очевидны: не определены прерогативы власти князя, чиновников, компетенция суда, законы не противостоят безмерной алчности князя. Долгорукий убедился, что Милош Обрено-

вич "очень плохой князь". Но каковы бы ни были ошибки правителя, поскольку он стоит во главе народа, его нельзя компрометировать, его достоинство должно сохраниться насколько это возможно в неприкосновенности. Милош согласился на все предложенные меры и поэтому его необходимо поощрить — наградить орденом, присвоить титул светлости, чего он добивается³⁷.

Долгорукий докладывал Нессельроде, что после его приезда, бесед с сербским князем, издания Указа от 16 октября положение в стране изменилось к лучшему, народ несколько успокоен и взрыва недовольства в ближайшее время не должно произойти. Совет, роль которого была незначительна, князь пополнил новыми членами. Он также обещал помириться со своим братом Ефремом, предоставить ему какую-либо должность. Вместе с тем Долгорукому стало ясно, что сербы хотят иметь конституционные законы, свой "регламент". Он сам считал, что это необходимо стране. Милош заверил его, что займется составлением регламента, представит его старейшинам, а затем на утверждение покровительствующего двора. Долгорукий поддержал также желание, высказанное ему старейшинами, о назначении в Сербию российского консула, что единственно могло бы противодействовать влиянию на князя британского и австрийского консулов, каждый из которых пытался играть политическую роль в стране³⁸.

Примечательна характеристика Долгоруким сербских старейшин, которая, может быть, предназначалась для успокоения царя, крайне опасавшегося проникновения в Сербию революционных влияний. "Здесь я должен подчеркнуть, что сербские старейшины — очень почтенные люди (*sont de très braves gens*), — писал он. — В их головах нет и тени революционных идей. Они думают только о собственном благе, о спокойствии, о том, чтобы не быть преследуемыми капризами князя". Посланца царя очень растрогало теплое отношение сербов к России, прекрасный прием ему оказан-

ный. Он считал, что должен высказать все, что может принести пользу сербскому народу³⁹.

Возможно, из этих соображений кроме нескольких донесений и писем Нессельроде, на основе которых был составлен доклад императору о результатах миссии, Долгорукий представил в российское министерство иностранных дел записку на французском языке под названием "Заметки о Сербии" (*Not sur la Servie*). Она имеет следующие подзаголовки: Разделение страны; Управление; Доходы; Народные повинности; Войска; Народное образование; Церковь; Вид страны, ее промышленность⁴⁰.

Пробыв недолгое время в Сербии, Долгорукий составил свои заметки, конечно, на основе не только личных впечатлений, но и сведений, полученных от тех сербов, с которыми он общался. Многие сообщаемые им давно известны, кое-что неточно. Все же его записка - интересный исторический источник о внутреннем положении Сербии в середине 30-х гг.

Автор подчеркивает, что Княжеский совет практически не участвует в управлении. В канцелярии князя составляются и по его прихоти издаются Указы, против которых, даже если они противоречат народным интересам, члены Совета не могут возражать. Указы рассылаются в округа и срезы, а иногда объявляются на скупщине. Но последняя является лишь "театральным представлением", ибо состоит из людей, которые не понимают и половины того, что им говорят и лишь приветствуют и благодарят князя.

Созданный недавно Верховный суд является пока секцией Совета. Решаемые в нем дела затем поступают на рассмотрение князя, который и выносит окончательное решение. Долгорукий рассказывает о неудачной попытке разработать для Сербии гражданский и уголовный кодексы законов. Один из его составителей, с которым русский посланец встречался - Васа Лазаревич высказал "простую и разумную идею" создать письменные законы страны, запиав обычное

право, но устранив из него имеющиеся противоречия. Неодобрение Долгорукого вызывает тот факт, что все советники и чиновники назначаются и смещаются по воле князя. Поэтому ничтожный человек может сразу стать советником, а достойный потерять должность лишь из-за клеветы.

По заверению уважаемых людей, сообщается в записке, более половины доходов страны – 500 тыс. австрийских эку из 900 тыс. – остается князю. Его сокровища достигают 3 млн. эку. Натуральные поборы были отменены в 1835 г., что компенсировалось увеличением денежных налогов. Князь тогда обещал уничтожить все отработочные повинности. Но эти обещания были вскоре забыты. Большое количество людей трудится не только на общественных работах, но и употребляется для личных нужд Милоша и чиновников. К отработкам привлекаются даже торговцы, и без того страдающие от притеснений в своей деятельности.

Некоторые сведения сообщаются в записке о народном образовании: о существовании гимназии в Крагуевце, трех главных школ в Шабаце, Чачаке и Заечаре и 85 нормальных школ в других местах. В нормальных школах обучается 2933 ученика и имеется 85 преподавателей, оплачиваемых частично из народной кассы, частично общинами. В обучении, по утверждению "генерального директора" школ, установлен определенный порядок, в чем автор, однако, сомневается, зная, что князь Милош – враг образования и плохо воспитывает собственных детей.

Автор рассказывает о природных богатствах Сербии, отраслях сельского хозяйства и зачаточном состоянии мануфактурной и домашней промышленности. Его внимание привлекает царящая в стране спокойствие, гостеприимство народа и вместе с тем сохранение у сербов "отпечатка воинственного духа".

В целом, постаравшись дать краткие сведения о Сербии, ее народе, о степени экономического развития и проч., Долгорукий сосредотачивает внимание на тех сторонах прав-

ления князя Милоша, которые вызывают особое недовольство и протест старейшин-оппозиционеров и народа. Рассказывая о негативных сторонах внутреннего устройства молодого государства, он как бы отмечает существо необходимых преобразований: ограничение власти князя и увеличение роли в управлении Совета, гарантии прав граждан и частной собственности, отмена кулука, свобода торговли и проч. Он обличает деспотическую систему правления Милоша Обреновича и его симпатии всецело на стороне будущих уставохранителей.

Таким образом, Долгорукий занял достаточно определенную позицию в отношении существа социальной борьбы, разгоравшейся в Сербии в середине 1830 г., и это, как представляется, оказало влияние на позицию русского правительства в сербских делах. По возвращении в Россию он был принят императором. Аудиенция длилась долго, ибо царь входил во все детали и полностью одобрил позицию и деятельность своего флигель-адъютанта. Он согласился с мнением, что "установление некоторого порядка во внутреннем управлении Сербии" необходимо, что туда нужно назначить русского консула, ибо это поможет упрочить позиции России в княжестве и пресечет нежелательное влияние Австрии и Великобритании⁴¹.

Практическим результатом миссии было решение о назначении в Сербию русского консула, каковым по рекомендации Долгорукого стал Г.В.Ващенко. Что касается сербского регламента, то царское правительство уже не могло решать этот вопрос самостоятельно. Он превратился в предмет ожесточенной борьбы между русской и английской дипломатией. Как известно, Устав 1838 г. был разработан в Стамбуле с участием сербских представителей при согласовании основных его положений с российским посланником Бутеневым, которому пришлось отражать упорные попытки английского посла, поддерживавшего интересы сербского князя в противовес России, добивавшейся ограничения его

власти.

Если оценивать в целом значение рассмотренных выше миссий русских государственных деятелей и военных в Сербии с начала 30-х гг. можно заметить, что в условиях отсутствия в Сербии дипломатических представителей России, они служили наиболее надежным способом получения достоверной информации о внутренней жизни страны и всех происходивших в ней событиях. Но главное — каждая из этих командировок имела свои непосредственные задачи и являлась средством осуществления политической линии петербургского двора в отношении Сербии. Так поездки Розелион-Сашальского, Коцебу, Будберга были связаны с незавершенностью урегулирования сербо-турецких отношений на основе условий Адрианопольского мира и хатти-шерифа 1830г. Притом в миссии Будберга ясно просматривались неблагоприятные для сербов перемены внешнеполитического курса правительства Николая I — установка на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи.

Социальная борьба в Сербском княжестве, трудности формирования его государственного устройства — все это определило политические задачи поездок в Сербию Рикмана и Долгорукого. Они занимались в значительной мере проблемой разработки конституционных законов страны, должны были принять меры для предотвращения там нового взрыва общественного недовольства. В результате этих миссий закрепилось негативное отношение Петербурга к Милошу Обреновичу, наметившееся еще в начале 30-х гг.

Можно заметить, что государственные деятели и военные, побывавшие в Сербском княжестве, часто более реально и объективно оценивали обстановку в этой стране, ее насущные потребности, задачи политики России в сербском вопросе, чем сам царь, и точно исполнявшее его распоряжения министерство иностранных дел. Все посланцы России вынесли самое благоприятное впечатление о сербском народе, а некоторые из них пытались доказать, что

сербы далеки от революционных идей, проникновение которых на Балканы стало страшным пугалом для Николая I.

Донесения, рапорты и записки А.Г.Розелион-Сашальского, барона Будберга, П.И.Рикмана, В.А.Долгорукого – ценный источник по истории Сербского княжества 30-х гг. XIX в. и русско-сербских политических контактов данного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, с. 125-176.

2. Гаврилович М. Почти дипломатских однос Велике Британије и Србије. – В кн.: Гаврилович М. Из нове српске историје, Београд, 1926; Достян И.С. К вопросу об англо-русском соперничестве в Сербском княжестве в 30-е гг. XIX в. – Советское славяноведение, 1966, № 6.

3. Достян И.С. Австро-русское соперничество на Балканах в 30-е гг. XIX в. и Сербское княжество. – В кн.: "Драг нах Остен" и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967.

4. См. например: Пирх О.Д. Путовање по Србији у години 1829. Београд, 1899; Милићевић М. Белешке о Србији, које је оставио гроф Адолфо од Карамана у октобру 1829. – Споменик СКА, књ. ХУП, 1892; Lamartine A. Souvenirs, impressions, pensees et paysages pendant completes de Lamartine, vol. VII-VIII. Paris, 1836;

Новаковић Ст. Србија у години 1834. – Споменик СКА, књ. XXIV, 1894 и др.

5. Дибич-Забалканский – Киселеву 14.IV.1830 г. – ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1028, л. 1.

6. Инструкция Киселева Розелион-Сашальскому от 29.V. 1830 г. – Там же, л. 7-8.

7. Там же, л. 12-13.

8. Гаврилович М. Милош Обреновић, књ. III, Београд, 1912, с. 265-266. О пребывании в Сербии летом и осенью 1830 г. трех русских офицеров сбивчиво и неточно упоминал в своих мемуарах врач князя Милоша Б.Куниберт (Cunibert V. Essai historique sur les revolution et l'indpendance de la Serbie. T.2, Leipzig, 1855, p. 307.

М. Гаврилович не придавал этим данным значения, В своей книге он детально изложил лишь историю создания русско-турецкой комиссии, работу в 1831 г. Коцебу и Розелион-Сашальского по определению границ присоединяемых округов и составлению их карты.

9. Розелион-Сашальский – Киселеву 13.IX.1830 г. ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 1028, л. 135-136.

10. Гаврилович М. Милош Обреновић, књ. III, с. 380-382.

11. ЦГИА СССР, ф.439, д.6.
 12. ЦГИА СССР, ф.439, д.5.
 13. ЦГИА СССР, ф.БУА, д.1028, л.135.
 14. ЦГИА СССР, ф.439, д.4.
 15. Там же, л.15.
 16. Там же.
 17. О А.Г.Розелион-Сашальском и его записках см. подробнее: Достян И.С. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским. - В кн.: Славянское возрождение. М., 1966.
 18. Гаврилович М. Милош Обренович, кн. III, с. 460.
 19. Инструкция барону Будбергу от 12. VIII. 1833 г. - АВВР, ф. Главный архив У-А2 д. 214, л. 7-12.
 20. Гаврилович М. Милош Обренович, кн. III, с. 485-487.
 21. Инструкция Рикману от 15. V. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 290; Достян И.С. К вопросу о восстании Милеты Радойковича 1835 г. в Сербии. - Уч. записки Ин-та славяноведения АН СССР, т. XXX, 1966, с. 49-53.
 22. Бутенев-Ливену 20. V. / I. VI. / 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835, д. 48, л. 315-316. К донесению приложен "Устав княжества Сербии". Там же, л. 317-325.
 23. Достян И.С. К вопросу о восстании Милеты Радойковича... с. 38.
 24. АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 290-294.
 25. Рикман-Ливену 18. VII. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 95-107.
 26. Ливен-Рикману 18. VI. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 315-316.
 27. Рикман-Ливену 18/30/ VII. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 97.
 28. Рикман-Ливену 18/30/ VII. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 38, л. 95-108. К донесению приложен проект регламента /бое заглавия/, согласованный Рикманом с князем Милошем /Там же, л. 109-120/.
 29. Записка Киселева, представленная Нессельроде I. II. 1836 г. - ЦГИА, ф. 958, оп. I, 1836 г., д. 723, л. 3-25.
 30. АВВР, ф. КАНЦЕЛЯРИЯ, 1836 г., д. 38, л. 148; Бутенев - Ливену 21. XI. 1835 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1835 г., д. 49, л. 480-520. - ЦГИА, ф. 958, оп. I, 1836 г., д. 723, л. 20.
 31. Нессельроде - Бутеневу 12. V. 1836 г. - АВВР, ф. Канцелярия, 1836 г., д. 43, л. 120-127.
 32. Инструкция Долгорукому от 30. VIII. 1837 г. - АВВР, ф. Гл. архив У-А2, д. 218, л. 8-17.
 33. Долгорукий-Нессельроде 22. IX. 1837 г. - АВВР, ф. Гл. архив У-А2, 1837 г., д. 159, л. 8-9.
 34. Попов Н.А. Россия и Сербия, с. 380-387.
 35. Долгорукий-Нессельроде 24. X. 1837 г. - АВВР, ф. Гл. архив I-9, 1830 г., д. II, ч. I, л. 137-140; Князь Милош - Нессельроде 18. X. 1837 г. - Там же, л. 148-149.
 36. Cunibert V. Essai historique..., t. 2, p. 365-378.

37. Письмо Долгорукова к Нессельроде от 24.X.1837г.
 - АВПР, ф. Гл. архив I-9, 1837-1870, д. 5, л. 348-349;
 Долгорукий - Нессельроде 24.X - 4.XI. - АВПР, ф. Гл. архив,
 I-9, 1830 г., д. II, ч. I, л. 37-140.
38. Там же.
39. АВПР, ф. Гл. архив I-9, 1830 г., д. II, ч. I,
 л. 139.
40. Там же, л. 141-147.
41. Письмо Долгорукова к Нессельроде от 10.XII.1837 г.
 - АВПР, ф. Канцелярия, 1837 г., д. 50, л. I.

Милорад ЭКМЕЧИЧ, Сараево

РОССИЯ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ НА БАЛКАНАХ В 1848 ГОДУ

Позиция русского правительства по отношению к народным движениям на Балканах во время революции 1848-1849 гг. имела одинаково глубокие последствия как для одной, так и для другой стороны. Невыполненный долг науки по преодолению установившегося мнения о том, что революция не имела отзвука и крупных последствий на турецких территориях, обеднили общие представления как о развитии самой революции в подунайских землях, так и о процессе дипломатических столкновений между великими силами, которые завершатся Крымской войной 1853-1856 гг. Между тем все это существенно повлияло на изменение русской традиционной политики на Балканах. Она стала более консервативной, нежели ранее. В то же время невозможность распространения революции 1848 г. и на турецкую территорию имела своим последствием то, что начался внутренний процесс изменения целей и социального состава национальных движений.

В землях Центральной Европы революция временно разрушила установленную гармонию отношений между великими державами. На сцену вновь возвратилась Франция, которая в свою новую внешнеполитическую доктрину привнесла фактор, который до тех пор почти отсутствовал - помощь национальным и социальным движениям. Новый министр иностранных

дел в правительстве Второй республики Ламартин уже в манифесте от 4 марта 1848 г. сформулировал принципы новой французской внешнеполитической доктрины, в которой использование народных движений в Турецкой империи играло очень значительную роль. Хотя в основе она была оборонительной и, в сущности, почти не отличалась от политики русского правительства в этом регионе, уже сама активизация французской политики на международной арене была таким крупным изменением, что всем казалось, что эти две великих державы имеют различные концепции по вопросу сохранения Турецкой империи. Было распространено мнение, что на Балканах теперь существует постоянный фактор французского контроля и руководства национально-освободительными движениями. Хотя это частично и было справедливо, французская дипломатия здесь исходила из ошибочного представления о том, что она должна охранять суверенитет Османской империи от России. Французские дипломаты считали, что после поражения в Западной Европе, Россия будет "искать на Босфоре точку опоры, которой ей недостает"¹. Но это представление оказалось полностью ошибочным. В действительности, истина заключалась в совершенно другом: правительство Николая I стремилось не позволить национальным антитурецким движениям на Балканах вызвать новый революционный кризис, который бы и здесь нарушил отношения между великими державами не в пользу России. Подобная политика проводилась с риском скомпрометировать Россию среди некоторых национальных движений как их главную защитницу. В основном так и произошло в действительности. После ошибки в 1848 г., когда Петербург не отождествил свой курс в этом регионе с освободительными стремлениями балканских народов, политика царизма по отношению к этим народам, вступила в такую историческую фазу, в ходе которой Россия никогда не смогла вернуть себе прежнего влияния.

В той же мере как Франция опасалась того, чтобы Рос-

сия не использовала в своих целях балканские национальные движения, точно так же и русское правительство с подозрением относилось к новой французской политике в этом регионе. Совершенно неожиданным было известие о том, что Февральская революция в Париже вызвала волну воодушевления в румынских княжествах и Сербии. Сам канцлер Нессельроде писал, что "особенно между молодежью распространена крайняя экзальтация"². В это время движение за создание объединенного румынского национального государства было более заметным по сравнению с подобным же движением у сербов. В начале апреля 1848 г. русское посольство в Вене считало, что существует реальная опасность со стороны румынского движения за воссоединение двух княжеств в единое национальное государство под венгерским и французским протекторатом. Такое государство для будущей Венгрии было бы главной предпосылкой существования. "Пользуясь удобным случаем считаю своим долгом предупредить царское министерство о проезде через Вену группы молодых валашских дворян, — писал Фонтон Нессельроде 30 марта / II апреля 1848 г. После того как их депутация представила Ламартину свои взгляды на Французскую республику, они покинули Францию и, по проезде через Вену, ясно довели до всеобщего сведения о своих планах свергнуть валашское правительство и конституироваться в независимую нацию. Добавлю, что Венгрии нравится идея об объединении двух подунайских областей в какой бы то ни было форме и под условием венгерского покровительства. Она смотрит на осуществление этого плана как на важное условие своего существования в будущем"³. Этот румынский эпизод, а с ним вместе и все возможные перемены среди южных славян, возбуждали опасения русского правительства, что независимая Венгрия будет наилучшим союзником будущей объединенной Германии⁴.

Русское официальное понимание идеи нации на Балканах

Прежде всего необходимо не только проанализировать официальную политику России по отношению к правительствам государств и руководителям движений на Балканах того времени, но и более детально осветить ее позицию по отношению к идее самостоятельной нации вообще, национальному возрождению и всему тому, что вместе можно назвать национализмом на Балканском полуострове. Действительно ли русская дипломатия, наблюдая события, происходившие в рамках "национальных возрождений", рассматривала их как обычные рутинные явления или она понимала, что идет новый исторический процесс, который неизбежен. Этот вопрос в литературе до сих пор не поставлен, и хотя невозможно ожидать немедленного и исчерпывающего ответа, необходимо его считать одним из ключевых для лучшего понимания балканской и русской истории этого времени. Другими словами, вопрос в том: что русская дипломатия подразумевала под национальным движением на Балканах во время революции 1848-1849 гг.?

В динамике национального движения ясно различаются культурная и политическая программы. В своем развитии все национальные движения всегда начинаются и конституируются как культурно-просветительские и везде завершаются созданием политической программы, предусматривающей установление независимого национального государства. Переход культурных моментов в политические зависел от степени исторического развития отдельных обществ. Этот переход ни у одного европейского народа не был одинаковым. Основой его является стремление совершить социальные изменения старых обществ на базе реорганизации существующих государств. Это предполагало разрушение старых монархий и установление новых политических границ на основе распространения отдельных национальных языков.

Предполагается, что в тех же пределах, в которых распространяется данный язык, существует национальное государственное право народа. В то же время социальным носителем этих идей всегда является интеллигенция как идеологически наиболее подготовленная прослойка средних общественных классов и наиболее точно выражающая их интересы. Просвещение и культура в этом оркестре всегда играют первую скрипку. Вначале культура является основной средой и общественным средством, с помощью которого определяются исторические цели отдельного народа. В большинстве случаев речь идет о борьбе за формирование литературного языка и расцвет литературы на языке, понятном народу. То, что называется романтизмом представляет собой социальный феномен исключительного значения, а не только одно из рядовых явлений в развитии литературы. Один из итальянских национальных деятелей того времени Сильвио Пеллико дал такую дефиницию понятия "романтик" в северной Италии: "В Турине, также как и у нас в Ломбардии, вместо того чтобы сказать либерал, говорят романтик. Между ними не видно никакой разницы. А приверженность классицизму стала синонимом для ультраправых, шпионов и инквизиторов"⁵. В этом отношении нужно и балканское просвещение этого времени считать составной частью движения романтизма. Оно является и здесь составной и неизбежной частью социального процесса, который разрушает старые социальные структуры и создает новые демократические государства на принципе народного суверенитета. Такое движение развивалось в 1848 г. у всех балканских народов, и оно полностью моделировано по европейским образцам⁶. Греки с 1790 г. имели самую развитую культурную и социальную динамику национального возрождения. Наряду с венграми в подунайских землях, они были родоначальниками развития национальных идей на Балканах. Во время революции 1848 г., между тем, все другие балканские народы переживали период своего национального возрождения (до 1878 г.) и только мусульманские движения албанцев и турок отставали в

своём развитии.

Русская официальная дипломатия не понимала исторического значения национальных движений на Балканах. В своей стране она не сталкивалась с аналогичными национальными движениями и ей казалось, что в этом регионе речь идет не о самородном и неизбежном социальном процессе, а лишь о голом идейном и политическом влиянии западных обществ. Главные черты понятия официальной национальности, которое применялось во внутренней политике империи, простирались и на русскую внешнюю политику. Официальное понимание идеи нации было радикально противоположным демократическому пониманию идеи нации в Западной Европе. Там эта идея с самого начала была связана с вопросом политического суверенитета простого народа, который таким образом конституируется как политическое объединение в границах своего национального языка. Русскую официальную дефиницию национальности во время правления Николая I дал Ф.Булгарин: "В России не могла и не может существовать никакая другая национальность кроме той, которая основана на православии и самодержавии"⁷. Предполагалось, что не следует делать какие-либо различия между применением этого официального понимания нации во внутренней и внешней политике⁸.

Балканские национальные движения этого времени еще не вышли за рамки той фазы своего развития, когда культура была основным способом интегрирования нации. Везде еще считали, что необходимо через просвещение добиться формирования самосознания народа и что эта историческая задача еще не выполнена. Для рассмотрения русского официального понимания нации применительно к Балканам существенным является вопрос о том, какую позицию занимала русская дипломатия по отношению к просвещению балканских народов, и прежде всего к обучению молодых представителей балканской интеллигенции в высших учебных заведениях Запада.

Еще до 1848 г. русское правительство систематически

запрещало выезд русской молодежи для учебы в западных университетах, и это же пыталось распространить и на христианские народы Балканского полуострова⁹. В это время

русская дипломатия наблюдала, в какой степени симпатии к России прослеживаются у отдельных групп и индивидуумов. В начале апреля 1848 г. в русском посольстве в Вене оценивали, что антипатия по отношению к России между группами, которые были политически активны в габсбургской столице, наибольшая "у поляков, затем у чехов, а наименьшая у хорватов"¹⁰. Кроме Людевита Гая, для большинства других ведущих представителей хорватской интеллигенции, с которыми царская дипломатия имела связи (Кукулевич, Мажуранич, Вукотинович, Прица, Жупан), была характерна любовь к России, которая проявлялась в их деятельности. С этой же точки зрения русские дипломаты оценивали сербских политических деятелей и представителей интеллигенции. Высоко ценили небольшое число представителей интеллигенции, получившей образование в русских университетах, знавшей русский язык и проповедовавшей идею сближения с Россией¹¹. Вряд ли следует говорить, что эти оценки были очень обманчивыми. Царские дипломаты поверхностно и слабо были информированы об общественном мнении у хорватов и сербов. При этом они опирались главным образом на позиции отдельных лиц в весьма ограниченные промежутки времени. Русская официальная точка зрения по отношению к Сербии определялась тем, что революция в Париже вызвала и среди сербской молодежи ту же революционную восторженность и намерения, какие имели место среди молодежи Валахии и Молдавии. При этом опасались, что социальные потрясения в Европе "дадут импульсы революционным тенденциям в Сербии"¹².

Действительно, тогда между белградской молодежью появляются первые признаки будущего политического размежевания. В окружении Еврема Груича впервые была сделана попытка дать ясную политическую программу всем тем школьным обществам, которые возникли ранее (например,

"Обществу молодежи сербской"). Публикуется сборник литературных статей "Невен Слоге", с которым это школьное общество выходит в общественную жизнь. В нем Еврем Груич публикует программную статью "Обзор государства", в которой впервые исторически формулируется главная задача сербского национального движения о необходимости связать освобождение сербского народа с его внутренним возрождением. Еврем Груич до того времени был студентом немецкого и французского университетов. В своей статье он утверждает, что сербский народ не свободен и не объединен, и что этого можно добиться только после возрождения просвещения. Лишь благодаря просвещению разовьется национальное самосознание, "освободиться от внешнего и внутреннего ярма"¹³. И это тесно связано с общим южнославянским освобождением. Здесь Еврем Груич выступает как один из тех деятелей, которые и у сербов и хорватов уже раньше создали глубокий идеологический фундамент объединения в общее государство. Эта идея существовала и ранее в программах национальных движений как сербов, так и хорватов¹⁴. Все же, здесь основным является то, что Груич делал акцент на просвещении, в то время, когда сам шел с сербскими добровольцами на помощь сербскому движению в Воеводине против венгров.

Нет необходимости подробно рассматривать здесь движение сербской молодежи того времени. Все иностранные наблюдатели видели, что оно развивалось под влиянием событий во Франции накануне революции. Это было время, когда преобладала общая точка зрения, что Франция трудится для всего мира. Официальный французский эmissар в Сербии, капитан Лефранс, в 1848 г. отмечал в своем донесении, что Сербия прогрессировала и является более упорядоченным государством, чем Турция, из которой она выделилась, и что сербская молодежь предана французским институтам и культуре¹⁵.

Центром активности сербской молодежи в 1848 г. был Белградский лицей, являвшийся тогда главным просветительским учреждением у сербов. Волнения учащейся молодежи привели к его закрытию в начале 1849 г., это обстоятельство было использовано для попытки поворота во всей сербской просветительской и национальной ориентации в целом. Все эти учащиеся находились под влиянием западноевропейских идей и были воспитаны преподавателями, получившими образование на Западе, и вообще вскормлены тем, что называлось западным политическим духом. Число получивших на Западе образование людей было невелико, хотя и представляло ядро новой сербской интеллигенции. В разговоре с русским консулом в 1849 г. сербский князь объяснил как исторически сложилось это ядро. Еще "со времени князя Михаила" (до 1842 г.) сербское правительство послало в западные университеты 12 человек, и постоянно досылало туда столько людей, сколько их возвращалось с дипломами. Таким образом в западных университетах всегда училось по 12 человек. От тех первых 12 апостолов и произошло то, что русский консул тогда называл "заразой овладевшей идеями, которые существуют на Западе". Сейчас мы видим, что это была основа, на которой выросла современная сербская национальная культура. В то же время русский консул считал, что эта зараза может быть ликвидирована простым прекращением командирования молодых сербов в западные университеты, чтобы не произошло тех же последствий, какие наблюдались в румынских княжествах¹⁶. Искренно ли или из возможных дипломатических соображений, но сербский князь тогда согласился, "что больше не будет посылать на обучение во Францию и Германию молодых людей из Сербии". Попечителю просвещения был отдан приказ, чтобы впредь они посылались только в Россию, были заказаны и формуляры для приемных экзаменов в русских университетах¹⁷. В дальнейшем, царская дипломатия от этой перемены имела мало политической пользы. Вместо того, чтобы в за-

падных университетах учиться созданию национальных программ и парламентаризму, сербская молодежь стала изучать философию социальных переворотов в тайных студенческих кружках в русских высших учебных заведениях. В какой-то степени требование царской дипломатии о посылке сербских студентов в русские университеты позднее предопределили появление Светозара Марковича, как и всего его социалистического окружения.

Прежде чем эту перемену царская дипломатия потребовала в Сербии то же сделали в румынских княжествах. В инструкции генералу Дюгамелю от 13 апреля 1848 г. канцлер Нессельроде писал, что он советовал государям "запретить молодым людям посещение иностранных университетов, так как оттуда они привозят разрушительные доктрины, которые затем распространяют в своей родной стране. Эта естественная зараза потом охватывает и низшие слои общества"¹⁸. Все это показывает, что речь шла о долговременном принципе, которого придерживалась царская дипломатия, исходивший из ее понимания сути национальных движений на Балканском полуострове.

Определенные данные свидетельствуют, что такая же позиция была занята и в отношении болгарского национального движения того времени. Генеральный консул в Адрианополь Васченко, в феврале 1848 г. извещал, что болгарская нация в Турции предмет его "постоянных наблюдений". Он указывал, что существует распространенное убеждение будто "национальное чувство можно укрепить" путем подготовки восстания и открытия школ¹⁹. Болгарская молодежь "считает, что просвещение есть средство осуществления мечты о политической независимости". Эту идею распространяют "те одиночки, которые лишены средств получить образование на своей родине, поэтому должны были их искать в Греции и Западной Европе"²⁰. Это почти то же самое убеждение, которое в Сербии тогда исповедывал молодой Ефрем Груич в кругу школьных обществ. Греция действительно бы-

ла одним из учителей болгарского национального возрождения. В Афинах еще до 1848 г. существовало "Македонское общество", рядом с теми, которые подготавливали освобождение Эпира и Фессалии. Тогда в афинских высших учебных заведениях было двадцать болгарских студентов. Одно из культурных обществ ("Славяноболгарского ученолюбиво дружество") было создано по раннему греческому образцу "Общества филомуз"²¹. Тайная организация "Новая Болгария" (1845 г.), известная в научной литературе, без сомнения была отростком ранних этерийских организаций. Они создавались на болгарской территории под греческим влиянием²². Вообще, создание "единых тел", как царская дипломатия называет нации на Балканах, являлось главным предметом ее противодействия.

Трудно сказать, результатом каких влияний были балканские идеи о просвещении как средстве воспитания национального сознания и инструменте освобождения. Каждое европейское национальное движение вначале полагало, что его главным содержанием является борьба за свой литературный язык и культуру вообще. Только лишь у немцев Гегель в 1802 г., а за ним и фон Клаузевиц пришли к выводу, что не перо, а меч объединит немецкий народ. Все национальные движения в соответствии с ростом социальной зрелости своих обществ переходили от культурного движения к политическим действиям и насилию как к средству объединения нации. В статуте "Молодой Италии" 1831 г. упоминается, что эта цель будет достигнута путем просвещения и восстания, что почти точь в точь будет повторять тридцатью годами позже "Объединенная молодежь сербская".

Параллель между действиями русских в турецких и австрийских владениях

Страх, как бы революция не перекинулась за Дунай в турецкие владения, определял главные принципы русской политики на Балканах 1848-1849 гг. Такая опасность была

Тем реальнее, что и румынские, и южнославянские движения развивались как на австрийской, так и на турецкой территориях. Только греческое национальное движение оставалось обособленным, в то время как болгарское благодаря различным планам создания федеративного государства совместно с сербами в 1848 и 1849 гг. было связано с другими южнославянскими движениями. Уже на Славянском съезде в Праге в середине 1848 г. принято решение о том, что Сербия поднимет знамя их освобождения болгар и "окажет им свою проверенную помощь"²³. Так об этом решении сообщал русский посол из Вены, а само оно в оригинале было несколько витиеватее²⁴.

Это было выражение единого общего настроения, которое охватило почти всю молодежь. Некоторые царские дипломаты были изумлены тем, что такие же убеждения они обнаруживали и у некоторых вождей национального движения, от которых менее всего ожидали этого. Один из дипломатов после разговора со Стратимировичем в Ольмюце в начале 1849 г. записал, что "он мечтает о подвигах славян и их самостоятельности — о захвате Константинополя и тому подобных делах, о чем только молодая, горячая и неопытная голова может мечтать"²⁵. В Белграде действительно существовали планы восстания на турецкой территории и быстро раскрытый "Тайный демократический панславистский клуб" не был единственным, где так думали. После начала революции 1848 г. одна группа сербских и болгарских студентов в Париже обсуждает возможность создания единой южнославянской державы, в которую бы вошли все хорватские, сербские и болгарские земли на Балканах²⁶. Оппозиционными кругами, близкими Обреновичам, проводится работа по подготовке восстания на турецкой территории.

Этот вопрос о перенесении революции и в турецкие владения был связан с прибытием бывшего князя Милоша Обреновича в Загреб. Осталось неясным, действительно ли русские и австрийские дипломаты были так невинны в подстре-

кательстве его на это предприятие. В середине мая 1848 г. сербское правительство было оповещено, что князь Милош в Вене имел контакты с венгерской оппозицией, и что он намеревался из Загреба двинуться в Боснию, а оттуда в Сербию, чтобы там вновь вступить на престол²⁷. Между его сторонниками находятся не только некоторые видные воеводские сербы, но и достаточное число авторитетных лиц из Сербского княжества. В Загреб он прибыл вследствие уговоров Людевита Гаю, а там его арестовал Елачич, испугавшийся возможного выступления народа и компрометации установленных связей с сербским правительством в Белграде.

Князь Милош начал эту акцию до начала революции 1848 г. в Западной Европе и без сомнения был тайно ободрен русским правительством²⁸. Когда во время вспыхнувшей революции в подунайских землях оказалось, что присутствие князя Милоша в Загребе и Михаила в Новом Саде угрожает вызвать мятеж в Сербии, русский посланник в австрийской столице проявил инициативу, предложив удалить из южнославянских земель обоих претендентов на сербский престол. Использована была поездка Елачича в Инсбрук, как представителя венгерского правительства, чтобы ускорить это дело²⁹. Вместе с тем князь Милош побоялся поехать на славянский съезд в Прагу и принять в нем активное участие³⁰. Об этом русское посольство в Вене немедленно оповестило консула в Белграде.

Русская дипломатия получала детальные сообщения о пребывании Милоша в Загребе, как и о попытке части хорватских политических деятелей во главе с Людевитом Гаем, вернуть его на сербский престол, уговорить принять участие в славянском съезде в Праге. Планы Гаю поднять восстание в Боснии находились в связи с намерениями Милоша в результате присоединения Боснии к Сербии добиться возвращения на престол. Когда Народная Гвардия арестовала Милоша, он вел переговоры с Гаем и Елачичем о передаче

им большой денежной суммы (27 тысяч флоринтов) для расходов на это дело. После отъезда Милоша из Загреба, Гай не порвал с ним связей и послал одного из своих доверенных лиц "на воды" для переговоров с Михаилом Обреновичем. Тем самым, снова стало известным, что Гай связан с этими планами Обреновичей и не отказался от намерения поднять восстание в Боснии. Сообщение об этом было написано на немецком языке неким лицом, которое вблизи наблюдало ситуацию в Загребе и получало сведения из первых рук. В нем говорилось, что несправедливо мнение "небольшой партии, которая существует в Загребе" о том, что за эту акцию Милош и Гай получили венгерскую помощь. Кроме сведения, что Гай убедил Милоша, что мнение будто в "этом тайном деле" бан Елачич "действовал совместно с ним" ничем не подтверждено. В связи с этим обстоятельством отношения князя с Гаем обострились и он даже отказался его принять. Гай имел пять встреч с Милошем и два раза от него получал деньги. Елачич от Гая взял "часть этих денег в качестве займа"^{31a}.

Вместе с отъездом Милоша из Загреба отпал один из вариантов перенесения революции из австрийских земель в турецкие. Для русской политики в этом вопросе несомненно было важнее поведение людей в Белграде, нежели двух претендентов из Династии Обреновичей. Тем более, что правительство Сербского княжества разделялось на два соперничающих лагеря. Большинство видных уставобранителей считались сторонниками русской политики на Балканах. Самым значительным представителем этой группы был Тома Вучич-Перишич. Одобрение русской политики в Сербии и на Балканах, пусть и при перемене династии на сербском престоле было главным в идеологии этой группы.

Другое течение ожидало решения некоторых вопросов при осторожной опоре на новую французскую политику и активно сотрудничало с польской политической эмиграцией из круга князя Адама Чарторыского, который имел своего по-

стоянного агента в Белграде и главного сторонника в лице Илии Гарашанина. Одобрение перемен в отношениях между великими державами в ущерб России, ожидание, что дипломатия республиканской Франции нажмет на Турцию и вынудит ее провести реформы для решения сербского национального вопроса — основная идейная платформа этого течения.

Между этими двумя группами — сербский князь. Он долгое время, во время революции, решительно находился на стороне профранцузского течения, чтобы потом эволюционировать в лагерь русских друзей. Нужно допустить возможность, что в этой эволюции он единственный раз в жизни сумел искусно сыграть политическую роль, для которой, впрочем, не имел больших способностей. Во время начала и подъема революции, он был на стороне наступающей демократии, а во время спада революционного размаха — на стороне приходящей реакции. Он представлял золотую середину, которая всегда держалась той стороны, которая побеждает.

Общим для обоих течений было убеждение, что Турция является главным противником Сербии и что сербский народ может освободиться только при условии ее общего прогресса. Хотя, без сомнения, большинство деятелей из обеих группировок стремилось к активной борьбе против Турции, сербское правительство в целом должно было постоянно воздерживаться от открытой антитурецкой позиции. Необходимо еще исследовать насколько всему этому способствовала боязнь самостоятельного движения сербской молодежи и общественного мнения вообще.

В научной литературе не разъяснен вопрос об отношении части деятелей национального движения к планам Бакунина. До настоящего времени даже оставался неизвестным тот факт, что, с ведома венгерского правительства и с его паспортом, Бакунин должен был в Земуне создать центр для своей деятельности в южнославянских и румынских землях³¹. Он имел некоторых сторонников среди представителей интеллигенции в Загребе и Белграде, однако, все его

попытки исполнить свои планы сопровождались параллельными акциями царского правительства, направленными на то, чтобы с помощью своих южнославянских друзей парализовать их. Не ясна возможная связь Бакунина с "Тайным панславистским демократическим клубом" в Белграде, и поэтому невозможно точно установить в какой мере сопротивление сербских политиков революции обуславливалось этими моментами.

Деятели революционного движения балканских народов никогда не относились одинаково к России. Румынское национальное движение с самого начала занимало антирусскую позицию, еще до начала революции 1848 г. Считалось, что в румынских тайных организациях накануне 1848 г. имелось примерно четыре тысячи членов³². Тайная, антирусская "Национальная партия" являлась детищем румынского национального возрождения, которое и здесь носило культурно-просветительский характер. В девяти задачах, которые это движение ставило перед собой после 1838 г., первая сводилась к отмене русского протектората и его замена коллективной гарантией великих держав³³. Влияние французской культуры и идей здесь было прямым и постоянным. Подсчитано, что за 1837-1838 гг. из всего количества ввезенных в Молдавию книг, на английские и итальянские приходится 3 процента, немецкие - 17%, а на французские - 70%³⁴. Русская книга вообще не играла никакой роли в формировании национального сознания новой румынской интеллигенции. А из всех западных влияний французское было почти абсолютным. Не только в тайных карбонарских организациях, но и среди общественности заметно было возрастание любви к французской культуре. В народе этих людей называли бонжурдистами. Этого же происхождения были и идеи ликвидации дворянства и феодальных порядков³⁵.

Эта французская ориентация в румынских княжествах имела и ту причину, что первые большие тайные антирусские организации после 1835 г. создавали там польские агенты князя Адама Чарторыского³⁶. Старое боярство не стреми-

лось к национальному объединению, и поэтому социальной опорой национального движения было городское население³⁷. На начальном этапе культурного возрождения главным деятелями являлись униатские священники из Трансильвании. Требовались усилия, чтобы приспособить их теории о латинском происхождении румынской нации к воззрениям православной церкви и аристократии. Только в ходе революции 1848 г. появились политические проекты объединения "Дако-Румынского государства"³⁸. Подобно Сербии, и здесь во время революции 1848 г. в национальном движении были два течения. Одним из них руководили эмигранты из Парижа, а другим - аристократы, опиравшиеся на Константинополь и Петербург³⁹.

С начала революции в молдавской столице Яссах 27 марта 1848 г. отчетливо проявилась антирусская направленность. В главной политической декларации этого движения содержалось требование национализации монастырской собственности греческих монахов⁴⁰. Это вызвало сопротивление патриархии в Константинополе, потребовавшей, чтобы русское правительство взяло под свою защиту эту собственность. Когда подобные события вскоре повторились в Валахии, патриархия потребовала от царского правительства защиты всех "святых институций в княжествах от всех неправедных, святотатственных и произвольных посягательств"⁴¹. Еще в большей мере антирусские настроения отразились в проекте конституции 1848 г. в Валахии, который был создан по французскому образцу⁴³. Русская дипломатия узнала о захвате группы польских агентов на румынской территории, через которых осуществлялась связь с Парижем⁴⁴. Вообще, официальная русская оценка румынской революции 1848 г. была полностью негативной⁴⁵. Это было причиной того, что Россия послала войска в Молдавию, а Турция - в Валахию, чтобы остановить дальнейшее распространение революции на балканские земли.

В отличие от румынского югославянское национальное

движение 1848 г., взятое во всех трех отдельных вариантах – хорватском, сербском и болгарском – никогда не было антирусским. Во всех этих движениях дружественно настроенные к русской политике течения были сильнее нежели в румынском. К этому нужно добавить и очень активное движение сербского и болгарского крестьянства в турецких областях. Сторонникам антирусского течения в Сербии, объединившихся вокруг Илии Грашанина, было ясно, что христианское сельское население в турецких владениях на Балканах находится почти полностью под русским влиянием.

Необходимо остановиться особо на позиции русского правительства по отношению к южнославянским национальным движениям в Габсбургской империи. В научной литературе упускается из вида балканское влияние на революцию в Центральной Европе. Борьбой за сохранение целостности габсбургской монархии Россия думала обеспечить стабильность", в краях чей мир в одинаковой мере интересуется две соседних империи"⁴⁷. Другими словами, она охраняла целостность габсбургского государства, чтобы не последовало перемен в политическом строе турецких земель, где Россия имела доминирующее влияние.

Царское правительство относилось благосклонно к хорватскому и сербскому движениям в Истрии в 1848 г., оно было информировано об их стремлениях к южнославянскому единству, но упорно выступало против этого. Насколько в Петербурге мало знали эти народы, видно из сообщения белградского консула Данилевского о расселении отдельных южнославянских народов в австрийской монархии⁴⁸. Название народа он всегда связывает с существующим административным делением. Так словенцы названы иллирами, не только из-за того, что национальное название еще тогда не стало постоянным, но и из-за того, что в то время эта территория так называлась административно. Данилевский в упомянутом донесении указывает, что в центре происходящего находится "одна партия, которая мечтает" об освобож-

дени, но она явно не пользуется его уважением.

Уже в самом принятии решения о военном вмешательстве южных славян в венгерские дела подсознательно предполагалось признание хорватской автономии в Габсбургской империи. Русские сочувствовали этому решению, хотя оно не было последствием их политики. Русские дипломаты были хорошо информированными: в их донесениях о хорватских требованиях имеется гораздо больше сведений по сравнению с теми, которые уже введены в научный оборот. Решение о военном выступлении против венгерской революции было принято во время переговоров между Елаичем как хорватским представителем и графом Батиани как венгерским представителем. Эти переговоры происходили под покровительством эрцгерцога Иоганна⁴⁹. На их общий исход повлияли и австрийский посланник в Белграде Майерхофер, и русский посол в Вене Медем. Майерхофер поощрял это военное выступление против венгров⁵⁰ и, вообще, был главной причиной того, что некоторое время общая русская помощь против венгерских сил шла через Белград.

Попытки переговоров между Елаичем и Батиани об урегулировании хорватско-венгерского конфликта провалились по двум причинам. Во-первых, формально, из-за отказа венгров согласиться с четырьмя хорватскими требованиями, по которым Хорватия была бы автономной единицей, связанной в финансовом и военном отношениях с Веней, а не с Пештом. Научная литература в освещении этих переговоров в основном опиралась на венгерскую мемуарную литературу как на источник, поэтому в ней говорится о трех пунктах хорватских требований, а не четырех⁵¹. Четвертый пункт относился к требованию, чтобы войска и финансы были связаны с Веней, а это практически выражало требование хорватами реформы империи, при которой они обеспечили бы свою автономию в составе не венгерской, но в общей габсбургской федерации. Во-вторых, эти переговоры были с самого начала использованы для того, чтобы воспользо-

ваться южными славянами против венгерской революции, не принимая во внимание программу, выдвигаемую той или другой стороной.

Переговоры Елачица и Батиани начались 29 июля 1848 г.⁵² За восемь дней до того, 21 июля 1848 г., Елачиц послал двух своих представителей в русское посольство в Вену. Он боялся, что габсбургский двор слишком занят событиями в Германии и может оказаться беспомощным в контроле развитии революции в Венгрии. Представители бана Кукулевич и Вукотинович в русском посольстве в Вене совещались с поверенным в делах Фонтоном. Они заявили, что обещание императора венграм, что они будут иметь свое военное министерство и министерство финансов, было равным отдаче хорватов "на милость нашим врагам"⁵³. Хорваты уже приняли решение отозвать свои 35000 солдат из Италии, когда приглашением Елачицу прибыть в Инсбрук эта акция была приостановлена. Тогда была рассмотрена возможность посылки граничар в Венгрию, чтобы разрешением грабить венгерскую территорию удержать их в своих руках (" *ET U FALSI LA GUERRA EN PILLANO* "). Эта идея о сохранении граничарского войска в своих руках, посредством направления его на грабеж соседней территории, возникла в Белграде в начале революции, но тогда предполагалось, что оно направится в Боснию⁵⁴. Общее недоверие к австрийскому императору, его готовность уступить венграм, проявление им большого интереса к Германии, — все это заставило Елачица, как утверждают Кукулевич и Вукотинович, в переговорах с Фонтоном искать помощи у русского царя. Она должна была заключаться не только в политических советах, хорваты сразу попросили денежную помощь в виде аванса или гарантии займа и утверждали, что в случае отказа, должны будут выбрать одну из возможностей: уступить венграм, которые тем самым получают в руки мощную армию в 60.000 человек или соединиться с итальянцами, к которым народ по традиции питает больше симпатий, нежели к немцам. Оба эти решения не отвечали бы симпатиям бана Елачица и

нотаблей страны, но напрашиваются вследствие затруднительного положения⁵⁵. Такие заявления указывало, что хорватское революционное руководство не исключало для выхода из затруднительного положения и антигабсбургской акции.

Фонтон заявил эмиссарам Елачица, что разговаривает с ними как частное лицо, так как в качестве служебного лица он не мог бы их принять. Позиция царского правительства — строгий нейтралитет и невмешательство в дела других стран, но в то же время и сохранение целостности габсбургской монархии.

Главной фигурой, старавшейся направить южнославянскую армию против венгров, был австрийский консул в Белграде генерал Майерхофер. Он принимал некоторое участие в переговорах Елачица и Батиани и вместе с Елачицем вернулся в Загреб. Прибыв сразу после этого в Белград, Майерхофер сообщил своему русскому коллеге, что старался использовать помощь России для организации выступления южных славян против венгров. Он был согласен с двумя членами австрийского правительства, чтобы эта помощь шла через русского консула в Белграде Данилевского⁵⁶.

Таким образом Белград временно становился центром, но лишь на короткое время, так как переговоры о посылке русских войск происходили непосредственно в Вене. Князь Шварценберг вообще считал уже давно, что только эта помощь может сохранить монархию⁵⁷. В начале ноября 1848 г. он внушал русскому посланнику в Вене, что необходима русская военная помощь. Его беспокоили волнения в селлах и положение в габсбургском войске, поэтому "на случай необходимости" он просил концентрировать "нескольких русских войсковых частей на границе"⁵⁸. В этих переговорах Белград уже не был посредником.

Русская помощь Сербии, для использования ее против венгров, была непосредственнее. Уже в мае 1848 г. царь одобрил помощь оружием сербскому князю и старался смягчить турецкую позицию в этом отношении⁵⁹. Подобно бану

Елачичу, патриарх Раячич в значительно большей мере просил у русского правительства советов и защиты⁶⁰. Он хотел, чтобы Россия взяла под свой протекторат сербов в Габсбургской империи, подобно покровительству сербам в Турецкой империи⁶¹. Выдвигалась и просьба помочь добиться, чтобы воеводинских сербов официально признали самостоятельным народом в Австрии, ибо для этого как заявил одной сербской депутации генерал Храбовски, они должны были "испросить решение от его императорского величества"⁶².

И здесь, как и несколько позже в случае с хорватами, русская дипломатия пыталась добиться более широких автономных прав для славянских народов Венгрии. Имеются данные, что она действительно старалась добиться, чтобы воеводинские сербы были признаны конституционно нацией в монархии. В декабре 1848 г. русский посол в Вене разговаривал об этом с князем Шварценбергом⁶³. Шварценберг в качестве причины, не позволяющей это осуществить, приводил факт неясности границ между разными этническими группами на этой территории. В марте 1849 г. в связи с принятием новой конституции Австрии, во вступительной части которой не было упомянуто Сербское воеводство, белградский консул Данилевский настаивал на изменении ее редакции перед своим австрийским коллегой⁶⁴. В конечном итоге за признание Воеводины нужно благодарить русских дипломатов, приложивших для этого усилия. Ведь в Вене всегда больше ценили военные услуги южных славян по разгрому венгерской революции, нежели их программы национальной государственности в составе монархии, которые, иногда переходили за рамки традиционных политических учреждений Габсбургской империи. Подобно тому, как это было с миссией Елачича к Фонтону, и для воеводинских сербов было неясным, сможет ли их возмущение слишком малым вознаграждением за спасение империи превратиться в антигабсбургский мятеж. Весной 1849 г. некоторые информированные русские дипломаты отмечали, что до сих пор даже Стратимирович начинает отворачиваться

от Габсбургов и склоняться к выступлению против монархии. Да и сам патриарх Раячич обращал свои взоры к Парижу.

Помощь воеводинским сербам оружием поступала через сербское правительство. К концу 1848 г. царь одобрил посылку сербам 10 тыс. ружей: три тысячи из киевского арсенала в качестве подарка, а семь тысяч из московского арсенала сербское правительство могло купить по благоприятной цене при условии, что расходы по транспортировке оружия оно бы взяло на себя⁶⁵. Это без сомнения было самым крупным результатом предпринятой ранее акции Майерхофера, заключающейся в том, чтобы русская помощь по подавлению венгерского восстания шла через Белград, временно ставший главным посредником в деле подавления венгерского мятежа.

Общие цели данного исследования не позволяют входить в детальное описание всех видов помощи, которую Россия оказывала сербам и хорватам в их борьбе против венгров в 1848–1849 гг. Вполне достаточно сделать вывод о том, что существует четкая параллель между русской политикой по отношению к национальным движениям в Турции и в австрийских землях. Для обеих случаев ведущий принцип был одинаков: всеобъемлющее противодействие восстаниям, направленным против существующего государства и его государя. Единственное различие заключалось в том, что в Австрии мятежниками считались венгры, а движение хорватов и сербов сводилось к обычной военной акции, направленной против антилегитимного восстания. Склонность идти навстречу хорватам и сербам и поддерживать их требование автономии, которая была бы связана с Веной, а не с Пештом, не выходила за рамки этой доктрины, так как было ясно видно, что, большому наказанию подвергался восставший против монархии, нежели тот, кто боролся за ее сохранение. Все-таки еще было бы слишком смелым утверждать, что русская дипломатия в 1848 г. признает принцип национальности у сербов и хорватов в том смысле, в каком они сами его понимали. Русские дипломаты были очень хорошо информированы, что

патриарх Раячич по религиозным причинам отказывается признать Елачича главой сербских вооруженных сил в Воеводине. Но крайней мере перед царскими дипломатами патриарх мог быть искренним. Нет фактов, показывающих, что русская дипломатия признавала бы принцип национальности, кроме указанных фрагментарных элементов, не выходявших за рамки существующего государства. Это практически означало, что не поддерживались те югославянские группировки, которые выступали как за объединение югославян, так и за объединение отдельных национальных земель — Далмации с Хорватией или Воеводины с Сербским княжеством.

Соперничество с Францией вокруг ориентации национальных движений на Балканах

Наблюдение за развитием событий в Сербском княжестве ясно показывает, что в официальной политике Белграда выступали два противоположных течения. Почти до самого конца революции 1849 г. консул Данилевский не информировал о существовании профранцузской группировки в сербском правительстве и стране. Его австрийский коллега приписывал это болезни, которая послужила причиной замены Данилевского более активным генералом Левшиным⁶⁶. Но профранцузское течение существовало с самого начала, и требовалась бы большая смелость, чтобы четко определить количество его сторонников. Не только ранняя предрасположенность к либерализму или консерватизму определяла, кто к какому течению принадлежит. Прежде всего это диктовалось развитием событий в ходе самой революции. Переход тех, которые выступали за сотрудничество с венграми, на противоположную сторону, как и тех, которые были в состоянии войны с венграми на сторону их друзей был постоянным явлением.

То же самое было характерно для всего южнославянского движения в Габсбургской монархии. Особенно после краха иллюзий в связи с принятием новой конституции в марте

1849 г., у всех участников южнославянского движения наблюдались склонность или к изменению направления своей деятельности, или к переходу в другой политический лагерь революции. Лишь один Елачиц тогда уже полностью излечился от болезни перемены направления. Это явилось причиной того, что в конце революции он оказался в конфликте со своим собственным Банским Вечем в Хорватии, которое выразило недовольство полученной Хорватией наградой за участие в борьбе с венграми. Елачиц должен был напомнить Банскому Вечу, что оно представляет собой лишь технический орган, который он сам назначил, и что оно не имеет права вмешиваться в конституционные вопросы между двумя направлениями в южнославянской политике⁶⁷. Это явилось своеобразной границей неустойчивости соотношения двух направлений в южнославянской политике 1848—1849 гг. С конца июля 1848 г. нет доказательств, что Елачиц продолжал считаться с возможностью антигабсбургских выступлений.

Окружение русского царя опасалось, что и в сербском случае может повториться румынский прецедент, что и здесь может возобладать течение, склонное присоединиться к про-французскому течению на Балканах. Не только великие принципы, но и небольшие события приобретали здесь большое значение. В апреле 1848 г. возникло осложнение в результате столкновений черногорцев на границе с Австрией, в районе Котора. По этому предмету велась переписка с Негошем. Русская дипломатия вздохнула с облегчением, когда выяснилось, что на самом деле все свелось к мелким пограничным стычкам. Но среди населения Дубровника стали появляться признаки враждебного отношения к России, поэтому пришлось обратиться к венскому кабинету с просьбой принять соответствующие меры для защиты личности консула Гагича⁶⁸. Имелись и более поздние сообщения о движении десяти тысяч черногорцев на помощь Елачицу⁷⁰.

Гораздо внимательнее относились к эволюции сербского общественного мнения в самом Сербском княжестве. Русский

консул в Белграде в марте и апреле 1848 г. несколько раз сообщал о влиянии южнославянского движения в Габсбургской монархии на сербскую молодежь и общественное мнение в Сербском княжестве. Определенные круги в Белграде с воодушевлением относились к возможности возникновения национальной войны сербского народа против Османской империи и его окончательного освобождения⁷¹.

Противоборство профранцузской и прорусской группировок в Сербии достигло своей кульминационной точки летом 1848 г. во время созыва Петровской скупщины. Из всех скупщин, состоявшихся в Сербском княжестве в XIX веке, об этой скупщине известно меньше всего. До сих пор еще не решена окончательно дилемма: посылал ли в связи с созывом скупщины русский царь специальное послание сербскому князю или нет. То обстоятельство, что позиции России в тех условиях оказались сильнее, объясняется прежде всего тем, что с самого начала революции 1848 г. политика России по отношению к южнославянским движениям была более четкой и последовательной по сравнению с действиями французских и польских эмиссаров. Они никак не могли освободиться от висевшего на их шее камня — в своих практических действиях турецкое правительство всегда проявляло гораздо меньше желания говорить об изменениях в Османской империи в пользу угнетенных народов, чем обещали этим народам поляки и французы.

Уже после получения первых донесений в марте 1848 г. о том, что под влиянием революции в Австрии существует опасность развития и в Сербском княжестве национального движения за освобождение сербов в Османской империи, царское правительство направило специальную инструкцию по борьбе с подобными тенденциями. В депеше консулу Данилевскому от 16 апреля указывалось, что русскому правительству известно о существовании этих революционных тенденций в Сербии, которые развиваются под влиянием Запада. Хотя русское правительство приняло решение занять

по отношению ко всем этим событиям на западе "оборонительные и наблюдательные" позиции, оно имело совсем другие обязательства, когда речь шла о положении в европейских владениях Османской империи. Согласно международным договорам, эти области находились под покровительством России, поэтому она не могла оставаться нейтральной по отношению к происходившим здесь событиям и поддерживать изменения существующего положения. Специально выделялись "химические иллюзии, которыми увлечена белградская молодежь". В связи с этим консул получил полномочия поддерживать усилия сербского князя и правительства, направленные на подавление попыток организовать революционные выступления в Сербии, координируя эту деятельность с мероприятиями специального царского уполномоченного в Молдавии генерала Дюгамеля⁷². Одновременно копия этих инструкций была направлена генералу Дюгамелю с указанием сотрудничать с белградским консулом по всем вопросам с целью не допустить развития в Сербии революционной ситуации⁷³. При всех этих обстоятельствах русский консул в Белграде ни в одном из своих донесений не сообщал о наличии раскола в сербском правительстве и существовании в нем двух течений. Свои обязанности по наблюдению за сербским правительством он сводил к стандартной формулировке, что в сербском правительстве все в полном порядке. В большинстве донесений из Белграда эта констатация благополучия облекалась в столь бессодержательную и рутинную форму.

Петровская скупщина состоялась 11 июля 1848 г. На скупщине обсуждался вопрос о свободе печати и демократических институтов в Сербии, однако в центре внимания была проблема сербских добровольцев, посланных в Воеводину воевать против венгров. На сербское правительство пытались оказывать давление французский консул, турецкий паша из Калемегдана и польские агенты - с одной стороны, и представители русского правительства - с другой, но ни те, ни другие не были до конца уверены, что единственной целью отправки добровольцев против венгров было оказание

помощи сербам Воеводины. Подозревали, что отправка добровольцев – это только часть подготовки их к переброске на территорию Османской империи после возвращения из Воеводины с целью поднять великую сербскую революцию против османского господства.

Подобные опасения в последующих донесениях высказывал и французский консул. В декабре 1848 г., он сообщал, что целью сербского правительства является "активная подготовка к войне против Турции". В середине января 1849 г. он вновь подтвердил это предположение: "Солдаты сражаются, создаются новые полки, мобилизуются люди и лошади, покупаются оружие, создается новая оружейная мастерская по отливке орудий, направляются агенты для того, чтобы выяснить, все ли готово в Боснии и Герцеговине; эти агенты в свою очередь информируются о положении дел в других частях Османской империи, откуда приходят в Белград донесения. В Сербии принято решение воевать с Османской империей, причем княжество возглавит все движение"⁷⁴.

Находящиеся в нашем распоряжении источники не позволяют точно реконструировать позиции сербского правительства, то есть обеих его группировок, имевших различные взгляды по вопросу о добровольцах. Бесспорно, что обе группировки сербского правительства думали о возможности перенесения восстания на территорию Османской империи, но и то же время опасались последствий. В обоих случаях великие державы требовали, чтобы мир в Европейской Турции был сохранен. Главный польский агент в Сербии, Франьо Зах в это время был в Словакии, откуда он в феврале 1849 г. писал, что отправка добровольцев в Воеводину была школой "для будущего, в которой молодые сербы готовились к великому сражению за сербство"⁷⁵.

Не является абсолютно справедливой точка зрения, согласно которой вопрос об отзыве добровольцев обсуждался на Петровской скупщине исключительно вследствие требований венгров через французских и турецких представителей вывести сербских добровольцев, а целью сербского прави-

тельства в то время было "установить контроль над народным движением, держать его в определенных границах и не дать возможности сторонникам Обреновичей воспользоваться услугами воинов няжества"⁷⁶. Поэтому сербское правительство на этой скупщине приняло решение об отзыве добровольцев, но тайно тем не менее и дальше стремилось задержать их в Воеводине как можно дольше. Этот вопрос был более деликатного свойства: необходимо было продемонстрировать нейтральность по отношению к венгерским событиям, но в то же время не допустить, чтобы возвращение добровольцев привело к началу сербской революции на территории Османской империи.

В начале июня 1848 г. русское правительство направило новые инструкции Данилевскому в связи с тем, что существовала возможность возникновения революции в самом Сербском княжестве⁷⁷. Примерно в то же время была направлена инструкция и послу в Константинополе Титову. Ему поручалось довести до сведения турецкого правительства с каким вниманием следит русская дипломатия за тем, чтобы революционное движение не распространилось на Сербское княжество⁷⁸. 28 июня 1848 г. в Белграде состоялась встреча консула Данилевского с большей частью сербского правительства, в ходе которой он сообщил членам правительства содержание императорской инструкции о необходимости отмежеваться от революции в Габсбургской империи⁷⁹. После ознакомления с находившимися в нашем распоряжении русскими документами считаем необходимым прекратить имеющиеся в научной литературе споры относительно того, посылал ли русский император письмо в связи с этими событиями сербскому князю и греческому королю⁸⁰. Окончательный итог Петровской скупщины был обусловлен царским посланием. В результате этих усилий русской дипломатии после Петровской скупщины сербское правительство оказалось под непосредственным контролем русского консула в сербской столице. Двойная игра вокруг отзыва добровольцев — формальное

провозглашение вывода добровольцев, а тайно сохранение и далее их присутствия в Воеводине – была наилучшим ответом на возможность начала революции в Османской империи в результате возвращения добровольцев в Сербию. Свообразным ответом на эту победу прорусского течения на Петровской скупщине явилась организованная польским агентом Ленуаром 17 июля 1848 г. встреча во французском консульстве в Белграде, на которой присутствовали турецкий паша из белградской крепости, французский консул и сербский министр Алекса Янкович, сторонник антирусского течения в сербском правительстве. Было принято решение из 12 пунктов, основной смысл которого сводился к тому, чтобы сделать невозможным контроль русского консула над сербским правительством, подобный его контролю над деятельностью правительств Дунайских княжеств⁸¹.

Эта борьба вокруг сербского правительства в сущности была борьбой великих держав с целью обеспечить свое влияние на ход событий на всем Балканском полуострове. Последствия подобного развития ситуации среди сербов ощущали и греки. "Греки устремили свои взоры на Боснию и Сербию, как будто ожидают, что там произойдут события, благоприятные для их собственных надежд"⁸². Движение греческой молодежи необходимо было подавлять такими же мерами, как и в Сербии, – сообщал французский посол в Константинополе. Можно предположить, что призывы Негоша, направленные жителям Боки и Дубровника не поднимать восстания против императора и Елачича "по примеру других сумасшедших народов"⁸³, явились плодом не только его личных убеждений, но прежнего влияния русской дипломатии.

Победу над прорусским течением в Сербии люди Гарашанина одержали лишь после понесенного ими поражения на Петровской скупщине. В сентябре 1848 г. в Сербию прибыл французский эмиссар капитан Лефранс с целью изучения стратегических перспектив ведения войны против России на Балканах. Еще один французский военный представитель

Луи Бистрановски прибыл в княжество в конце 1848 г. Еще до этого профранцузским течением, концентрировавшимся в Сербии вокруг Гарашанина, была разработана четкая программа действий в Османской империи. Вскоре после начала революции 1848 г. в окружении Гарашанина был создан план образования "Вицекоролевства сербского" в составе Османской империи путем объединения Старой Сербии, Северной Албании, части Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины с Сербским княжеством. В другом варианте этого проекта упоминалась возможность объединения Сербии и Болгарии⁸⁴. Это новое государство стало бы частью федерации, которая образовалась бы на месте Османской империи в результате давления Франции. В этой федерации находившейся под верховной властью султана, имелись бы общие для всех ее составных частей армия, таможня, велась бы единая внешняя политика. Без сомнения это проект сыграл более значительную роль в истории южнославянской революции 1848-1849 гг., чем это предполагается. Он был создан польскими агентами в Сербии, которые разрабатывали один из вариантов возможной коренной перестройки Османской империи под влиянием Франции в пользу малых нетурецких народов.

Капитан Лефранс был одним из членов официальной французской миссии, которая в Константинополе разделилась на две части; одна из них отправилась в Дунайские княжества, а он сам поехал в Белград. Тот факт, что в русских дипломатических документах цель и действия этой миссии не получили отражения, можно объяснить двумя взаимоисключающими предположениями: или русской дипломатии ничего не было известно об этом, или эти сведения считались столь важными, что соответствующие документы были помещены в менее доступное место.

Хотя формально задачей Лефранса было изучение военных проблем, он в сентябре 1848 г. заявил, что целью его миссии, как это сформулировано в его инструкциях, было выяснить "имеют ли эти княжества достаточно сил, чтобы

Франция могла поддержать их и славянские народы под единым конституционным правительством, или, если будет установлена слабость этих княжеств, а также возникнут другие обстоятельства, мешающие этому объединению, не препятствовать разделу Европейской Турции на части"⁸⁵. Это заявление было записано одним из членов сербского правительства.

Проект создания "Сербского вицецарства" имел ярко выраженную антирусскую направленность, так как в его введённой части указывалось: "Мы не поклонники политики полумер; мы хорошо знаем положение Турции и именно поэтому искренно хотим предложить ей способ, с помощью которого внутренние отношения в Османской империи можно сделать равноправными, а властолюбивой политике русской, с каждым днем становящейся все опаснее для нас, навсегда положить предел. Это наше предложение содержит то важнейшее преимущество, что все элементы сербского народа, до сегодняшнего дня представлявшие собой серьезную опасность для Османской империи, сольются в один, и в то же время когда Турция будет спасена от непрекращающейся опасности, они вдохнут в нее новые жизненные силы"⁸⁶. После этого в 15 пунктах было точно изложено положение объединенного сербского народа в будущей федерации. И воеводинские сербы, и хорваты высказывали пожелания присоединиться к этому вицецарству. За этим проектом о "Сербском вицецарстве" стояло много исторической энергии и опыта, но на первом месте было разочарование в консервативной политике России на Балканах и в ее стремлении сохранить статус кво в этой величайшей драме XIX столетия, в которую оказались вовлечены все малые народы Юго-Восточной Европы. Но составной частью этого проекта была и бесплодная надежда, что после февраля 1848 г. революционная Франция действительно впишет новую страницу в историю Балкан и претворит в жизнь давно провозглашенные принципы манифеста, согласно которым целью Франции является оказание по-

мощи освободительным движением в Европе. На деле очень скоро Франция от всего отказалась. На Балканах она хотела с помощью реформ реорганизовать отсталую Турцию лишь до такой степени, чтобы она снова встала на ноги и была бы фактором антирусской политики в Европе. Под влиянием революции 1848 г. во французской внешней политике снова воскрес из мертвых обанкротившийся наполеоновский миф о возможности возрождения Османской империи.

В действительности основной исходной предпосылкой французской политики являлся принцип сохранения целостности Османской империи⁸⁷. Французская политика не отрицала возможности проведения реформ в Османской империи, в рамках которых все входившие в империю народы могли надеяться решить свои исторические задачи политического освобождения. Однако среди французских дипломатов были люди, которые ясно видели, что подобные расчеты заранее обречены на провал. В октябре 1848 г. исполняющий обязанности посла Франции в Константинополе, в отсутствие самого посла, предложил французскому правительству заключить с Сербией конвенцию о союзе, заложив таким образом фундамент своей "великой восточной политики". Он полагал, что не следует игнорировать тот факт, что "простой и честный народ" сербский может выставить сто тысяч солдат и занимает территорию до берегов Адриатического моря⁸⁸. Но не таковы были взгляды французской дипломатии. Применительно к сербской проблеме позицию французской дипломатии наиболее точно изложил французский посол в Константинополе генерал Опик. Он считал, что Сербия не способна создать великую нацию вместе с Боснией и Болгарией. Вообще говоря, во всех этих проектах об объединении южных славян доминировали мечты, а не реальность и практическая политика.

В сентябре 1848 г. миссия полковника Бистрановского снова начала оживлять надежды, что Османская империя под давлением западных держав может превратиться в феде-

рацию. Французское правительство направило его в Хорватию и Воеводину, а в декабре 1848 г. он прибыл в Белград, где имел важные переговоры с Гарашаниным. Целью этой миссии было выяснить условия, при которых было бы возможным примирить с венграми южных славян и, таким образом, изменить их роль в революции⁸⁹. Эти переговоры в середине декабря Гарашанин использовал для того, чтобы поставить вопрос о положении христианских народов в Османской империи.

В своем донесении об этих переговорах, Бистрановски сформулировал мысли Гарашанина как необходимость найти решение проблемы христианских народов в Османской империи, поскольку среди них русские пользуются очень большим влиянием. "Россия, - сказал он, - единственная христианская держава, которая пришла на помощь этим народам, единственная христианская держава, воевавшая с их угнетателями. Поэтому совершенно естественно, что они видят в русском царе своего защитника, не подозревая, что он мог бы закабалить их еще сильнее, чем Порты. Но Европа, смотрящая на Турцию через свои посольства и видящая слабость Османской империи, не в состоянии уяснить себе существующую тиранию и злоупотребления турецких пашей в провинциях"⁹⁰. В результате этих переговоров Бистрановски сформулировал для французского правительства следующее предложение: "Единственное средство сохранить существование Порты и не дать христианским народам броситься в объятия России - это добиться от Турции эмансипации этих народов, но сделать это необходимо быстро, так как весной может начаться движение"⁹¹.

Приблизительно в это же время часть членов сербского правительства, группировавшихся вокруг И.Гарашанина, (в этот круг в течение некоторого времени входил и сербский князь) вплотную подошла к обширной подготовке восстания балканских народов. Гарашанин показывал одному польскому агенту петицию, которую подписали девять-

сот "христианских нотаблей" из Боснии. Они просили разрешения начать восстание против турок и "объединиться с сербами". С аналогичными предложениями прибыла и албанская депутация, которая выступала от имени населения "трех епархий", территория которых на юге доходила до Янины и Епира. Тогда же несколько раз упоминаются болгарские депутации, выступавшие за объединение с сербами.⁹² Члены одной из болгарских депутатий, прибывшие в Белград в конце декабря 1848 г., как указывалось в донесении сербского министра Петрониевича, заявили, что "болгары лучше будут добиваться улучшения своего положения в унии с сербами, чем бросятся в объятия России"⁹³. На основании всего этого сербское правительство предлагало французскому поддержать создание в Османской империи федерации, так как "только федерация славян под сюзеренитетом е.в. султана может сохранить и укрепить интегритет Османской империи". В соответствии с этими представлениями и сам сербский князь в феврале 1848 г. направил новому президенту французской республики Луи Бонапарту свои предложения против возможной русской интервенции в Трансильвании. Сербский князь выступал "от имени своего отечества и в интересах свободы и политического спасения всех южных славян"⁹⁴.

Результат всех этих действий в основном был отрицательный. Посол Франции в Константинополе, генерал Опик все эти грандиозные идеи свел к одному проекту от 6 января 1849 г., согласно которому следовало объединить православную церковь Болгарии и Боснии под главенством воеводинского патриарха (это предлагал Бистрановскому и Гарашанин). В обеих провинциях - в Боснии и Болгарии - наряду с обычными турецкими губернаторами были бы назначены их заместители - сербы из Сербского княжества⁹⁵. Очевидно, что с помощью этого проекта он хотел пойти навстречу не только идеям южнославянского объединения, но и привязать Сербию к Османской империи, так как ей предоставля-

лась некоторая роль в управлении соседними провинциями.

Турецкое правительство отвергло и этот проект, и признало лишь, что положение христиан в Боснии под властью мусульманских феодалов действительно было отчаянным. Порта обещала провести реформы. Итак, реальным результатом всех ожиданий, связанных с тем, что революционная Франция решит сербский и южнославянский вопросы, было направление турецких войск под командованием Омер-паши Латаса в Боснию для усмирения восстания против провозглашенных реформ мусульманских феодалов. По мере того, как с течением времени сменялись кабинеты во Франции, все более утверждалось мнение, что Франция на Балканах должна опираться на Австрию⁹⁶. Этому способствовало и то, что накануне революции 1848 г. распался франко-английский союз и необходимо было найти ему замену с помощью практических решений.

Не подлежит сомнению, что соперничество русской и французской дипломатии во время революции 1848-1849 гг. являлось фактором, выходящим за рамки их двусторонних отношений. Это соперничество было наполнено такими событиями, которые сами оказывали влияние на ход революции в областях, соседних Габсбургской империи. Но главное следствие русско-французского соперничества заключалось в том, что в него все больше вовлекались те факторы, которые составляли и определяли в то время Восточный вопрос. Поэтому и это соперничество двух великих держав из-за Сербии, и вопросы южнославянского освобождения 1848-1849 гг. необходимо рассматривать как предысторию позднейшей Крымской войны.

Революционные движения в Боснии и Болгарии

Кроме этих политических акций, существовала возможность организации восстаний христианского населения в Боснии и Болгарии. Без сомнения, и это был фактор, на который царская дипломатия рассчитывала. Хотя и не ожида-

лось, что подобные восстания сами по себе каким-либо путем смогли бы приобрести антирусскую направленность, они могли бы стать таковыми в случае установления связей с революционной южнославянских народов на землях Габсбургской империи и Сербии.

Во главе национальных движений в румынских княжествах, в Сербии и населенных южными славянами областях Габсбургской империи стояли средние классы и интеллигенция. В отличие от этих земель, революционные движения в Боснии и Болгарии имели ярко выраженный аграрный характер, а их главной движущей силой выступало крестьянство. В аграрных движениях национальная идея не получила политического оформления, как это имело место в ранее упомянутых районах, где национальные программы были сформулированы в точном соответствии с существовавшими в то время западно-европейскими моделями. Следствием этих социальных особенностей было различное отношение к русской политике в этих областях Балканского полуострова. Аграрные области, в которых развитые средние классы не играли доминирующей роли, традиционно и ранее были оплотом русского политического влияния. Это в значительно большей степени относилось к Боснии, чем к Болгарии, где подобные движения носили более зрелый национальный характер.

Движение в Боснии являлось прямым продолжением аграрных выступлений периода ликвидации янычар 1826 г. и введения первого запрета дальнейшего существования тимароспахийского типа традиционного османского феодализма. Спахийское землевладение было ликвидировано в 1834 г., но это было последовательнее проведено на территории Болгарии, чем в Боснии, где несколько следовавших одна за другой до 1847 г. попыток отмены спахидуков закончились неудачей. Вот почему вспыхнувшая в Габсбургской империи революция застала боснийских крестьян в состоянии социального брожения. Новый боснийский везир Тахир-паша в ноябре 1847 г. созвал конференцию всех представителей

знати провинции для решения аграрного вопроса. Кроме всего прочего на конференции рассматривалась проблема ликвидации спахилуков и старых тимаров, в результате чего в Боснии старые феодальные отношения были бы ликвидированы.

Попытка османских властей оказать давление на помещиков-мусульман с целью заставить их согласиться с новыми реформами, вызвала бунт, который, в свою очередь, воздействовал на сербское крестьянство. В результате донесения дипломатов были полны сообщений о возможности возникновения здесь крупного социального восстания⁹⁷. В августе 1848 г. в Сараево прибыло 6000 турецких солдат, которые "заняли город Сараево, чтобы вызвать уважение и покорность спахиев в провинции"⁹⁸. Турецкое правительство затягивало введение реформ, зная, насколько это был щекотливый вопрос для мусульман в Османской империи⁹⁹. Как объяснял великий везир в феврале 1849 г. австрийскому посланнику, турецкое правительство - в полном соответствии с намерениями русского царя - мобилизовало от 15 до 20 тысяч новых солдат. Главная причина этой акции, по словам великого везира, заключалась в том, что сербы, возможно потеряв рассудок, могли распространить свое движение с территории Венгрии на Османскую империю¹⁰⁰.

Все эти события не ускользнули от бдительного внимания представителей иностранных государств, сербского правительства и польской политической эмиграции. Возможность начала аграрной революции христианского населения в Боснии стало важным фактором общего революционного движения на Балканах. Приходили сообщения, что предпринимаются попытки и с сербской, и с хорватской сторон, спровоцировать подобное восстание. Хотя консул Данилевский жаловался, что он получает мало сообщений о положении дел в Болгарии и Боснии, все же на основании некоторых известий он писал, что "хорваты шлют из Австрии эмиссаров в боснийские области, граничащие с ними"¹⁰¹. В конце июля 1848 г. два доверенных лица Елачича прибыли в рус-

ское посольство в Вене и сообщили, что восстание славян в Венгрии заставило сербское правительство начать "проникновение в Боснию", а венгерское революционное правительство само использует каждую возможность для того, чтобы усилить недоверие Турции и повернуть его против русских интересов¹⁰². Еще в марте 1848 г. в Париже говорили, что существует возможность интервенции Елачица в Боснию для оказания помощи южнославянской революции в этой провинции¹⁰³. Предусматривалось и вторжение в Белграде в качестве средства сохранить командование граничарскими войсками в руках хорват.

Сербское правительство опасалось, что может действительно начаться восстание в Боснии и Болгарии. Гарашанин говорил, что достаточно "лишь одного сигнала со стороны хорват, чтобы все в Боснии восстало. То же самое произошло бы и по нашему призыву"¹⁰⁴. Есть основания считать, что белградское правительство не всегда выступало против оказания помощи подобным восстаниям. В конце мая 1848 г. Данилевский сообщал, что сербское правительство опасалось возможности возникновения восстания, так как это приведет к новым страданиям христианского населения, не имеющего оружия. Поэтому сербское правительство считало нужным создать два "крупных склада оружия" около границы с Болгарией, которые бы могли служить в качестве "первого значительного источника снабжения, в случае, если бы такая возможность стала реальностью"¹⁰⁵. От этого своего намерения сербское правительство отказалось лишь после того, как русский консул довел до его сведения, что Россия не поддержала бы такие действия. Тем не менее и в дальнейшем сербское правительство настаивало, чтобы русская политика не упускала из виду эту опасность.

По просьбе сербского правительства консул Данилевский дважды посылал своих доверенных лиц на боснийскую границу для проведения агитации среди крестьян против возможного восстания. Это было предпринято сразу после

начала революции в Габсбургской империи. То же самое повторилось и в ноябре 1848 г., когда сербское правительство вновь послало то же лицо на границу с целью убедить крестьян не начинать восстание. Имелся в виду "поп Ефта", боснийский эмигрант в Сербии, которого сербское правительство использовало для аналогичной миссии и в конце марта следующего года¹⁰⁶. Эти действия постоянно повторялись и позже вплоть до окончательного поражения восстания помещиков-мусульман в Боснии в 1851 г.

И в Болгарии постоянно существовала угроза возникновения народного восстания. Русский консул в Белграде еще в начале апреля 1848 г. писал, что "эmissары, которые только что прошли по всей Болгарии говорят, что следует ожидать попыток народа Балкан завоевать свою независимость"¹⁰⁷. В декабре 1848 г. польские агенты считали, что восстание в Болгарии неизбежно, хотя ситуация все еще находится под контролем Сербии, но положение может коренным образом измениться и вспыхнет восстание. В конце 1848 г. болгарская делегация заявила французскому консулу в Белграде, что болгары хотят заключить государственный союз с сербами. Это послужило основанием для послания сербского князя президенту Французской республики от 15 января 1849 г., в котором указывалось, что князь ожидает превращения Османской империи в федеративное государство, в рамках которого был бы претворен в жизнь сербско-болгарский союз¹⁰⁸. В свою очередь на основании этого послания Франция сделала 6 января 1849 г. предложение турецкому правительству провести реформы, в том числе и назначить на пост заместителей губернаторов в Боснии и Болгарии подданных княжества Сербии.

В марте 1849 г. произошло восстание болгарского населения в Северо-Западной Болгарии. Консул Данилевский отмечал в своих донесениях, что восстало десять тысяч человек, но они были очень плохо вооружены и вскоре разбиты. "Во главе восстания стоял известный Пуйо, который

перешел в Сербское княжество. Правительство направило его во внутренние районы княжества чтобы он там мог скрыться". Затем сербское правительство намеревалось отправить его в Бухарест. Сербское правительство также предпринимало попытки прекратить это восстание в Болгарии; в апреле 1849 г. оно задержало "батрака, который уже отправился в Болгарию для организации там восстания"¹⁰⁹. Хотя некоторые авторы склонны отрицать какое бы то ни было влияние Сербии на подготовку этого восстания¹¹⁰, имеется достаточно данных для размышления. Несмотря на то, что сербское правительство следовало принципу успокаивать народ и не провоцировать восстание, отнюдь не всегда в его интересах было не поддерживать решимость Франции своим давлением добиться от Турции проведения реформ с помощью небольшого народного восстания.

Социальные волнения продолжались и в Боснии. Во время болгарского восстания 1849 г. там говорили о возможности восстания, тем более, что само турецкое правительство обвиняло помещиков-мусульман в том, что они виновны в чрезвычайно тяжелом положении христианского населения в Боснии. Порта сообщила об этом всем послам великих держав. Французскому послу подобное сообщение было сделано в январе 1849 г., австрийскому - в августе того же года. Когда в конце июня все это было доведено до сведения русского посла, правительство уже приняло решение, что в интересах проведения реформ в Боснии необходимо использовать военную силу¹¹¹.

Русское правительство имело сведения о выступлении помещиков-мусульман в Боснии. В августе 1849 г. говорилось, что центр восстания в котором участвовало 18 тысяч человек, находился в Бихаче. Во главе восставших встали Арнаутович и Капич, притом последний собирался "в случае неуспеха восстания присоединиться к Елачичу на правах соседних граничар". В мае 1849 г. в донесениях русских дипломатов говорилось о возможности появления в Боснии Люде-

вита Гая, который думал об этом еще в 1847 г., "со свидетельством, данным ему сербскими православными священниками"¹¹². Поездка туда входила и в его неудавшиеся планы сотрудничества с Обреновичами.

В Боснии речь шла о поисках решения вопроса в южнославянском духе. В этом отношении первостепенное значение имеет донесение нового русского консула Левшина из Белграда в октябре 1949 г., о том, что христианское население Боснии направило к сербскому правительству депутацию с требованием предоставить возможность участвовать в восстании боснийских мусульман, которые приглашают к ним присоединиться. Христиане надеются, что таким путем им удастся освободиться от тяжелейшего гнета¹¹³. Гарашанин, который принимал эту депутацию, отказался одобрить предложение о сотрудничестве боснийских христиан и мусульман в борьбе против султана. Он считал, что иллюзорно ожидать освобождения народа с помощью подобных средств.

Таким образом, русская дипломатия была заинтересована в том, чтобы направить национальные движения славян Габсбургской империи к достижению автономии в рамках прежних границ. В Османской империи она пользовалась неодинаковой поддержкой балканских национальных движений. Румынское национальное движение отличалось ярко выраженной направленностью против интересов русской дипломатии, а южнославянские были разделены на более слабое профранцузское течение средних слоев и численно более сильное течение нижних слоев, которые традиционно поддерживали русскую политику. Национальное румынское движение в ходе революции было ограничено не только военной интервенцией, но и постоянной практикой царской дипломатии связывать национальную принадлежность в этом районе только с молдавскими и валашскими рамками. Частично это можно отнести к южным славянам, хотя и в том, и в другом случае необходимо признать, что нельзя требовать от дипломатической службы одного государства признания ситуаций, которые исторически еще не сложились и не вынуждают с собой считаться. Про-

цессы создания объединенных национальных образований, против которых Россия боролась, и у румын, и у южных славян, в целом еще не перешли к высшим этапам своего развития, хотя уже выражались настолько четко, что можно было говорить о их существовании как историческом факторе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Французское посольство в Константинополе - министеру иностранных дел, Пера, 27 марта 1848. - Archives du Ministère des Affaires Étrangères (ANAE), Paris, Direction politique, sv.br.299.

2. Нессельроде - генералу Догамелю - Авербух Р. Австрийская революция 1848 г. и Николай I. - Красный архив № 4-5 (89-90), Москва, 1938, с. 184.

3. АВВР, ф. Канцелярия, 1848, д. 180.

4. Aterw Die auswärtige Politik der ungarischen Revolution 1848/1849, Berlin, 1912, s.28.

5. Ковальская М.И. Движение карбонаров в Италии. Москва, 1971, с. 49.

6. Ђкмеџић М. What was European in the Balkan National Movements, 1790-1918. Zbornik "The European Heritage: Unity and Singularity", editors Jacques Freymond and Andrew Williams, Geneva, 1984.

7. Riasanovsky N.V. Nicholas I and Official Nationality in Russia. 1825-1855, Berkley, 1967, p.77.

8. 1818, p.235.

9. Поглубко К. Из истории болгаро-российских связей 40-70 гг. XIX века. Кишинев, 1975, с. 28-29.

10. Фонтон - Нессельроде 30 марта II апреля 1848, № 1205, АВВР, ф. Канцелярия, д. 180.

11. Левшин - Нессельроде. II октября 1848 г., АВВР, ф. ГА 7-А2, д. 230.

12. "Projet de dépêche au Colonel Danilewsky à Belgrade", 16. АВВР, ф. ГА 7-А2, д. 230.

13. Милићевић Ђ. Ј. Грујић Историја Светоандрејског либерализма, Београд, 1964, с. 35.

14. Лещиловская И.И. Идеологическое развитие южнославянских народов Австрийской империи в период национального пробуждения. В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 67.

15. Дорев П. Документи за българската история, т. III, София, 1940, с. 305-308.

16. Левшин - Нессельроде, 25 октября 1849 г., № 3749 АВВР, ф. ГА У - А2 д. 231.

17. Там же.

18. Авербух Р. Указ. соч., с. 185.

19. Титов - Нессельроде, 2/14 февраля 1848 г., № 15.-

АВПР, ф. ГА У-А 2, д. 518.

20. Там же.

21. Арнаудов М. Георги Стойков Раковски. София, 1969, с. 27.

22. Екмечић М. Српско-бугарски односи половицом XIX вијека (1844-1853). - Историјски часопис, књ. XXV, Београд, 1980, с. 149.

23. Данилевский - Нессельроде, 1 июня 1848, № 2150 - АВПР, ф. ГА У-А 2, д. 229.

24. Там же.

25. Записки неизвестного о событиях революции 1848 г. ЦГАДА, ф. 1274 (Паниных-Блудовых), д. 917. Записки начаты в январе 1849, а закончены в ноябре 1850 г. Речь идет о копии с оригинала, можно предположить, что эти заметки написаны священником Раевским сначала в Берлине, а затем в русском посольстве в Вене. Здесь цитируется записка, написанная в Вене в конце января 1849.

26. Дамьянов С. Френската политика на Балканите 1829-1853, София, 1977, с. 220; Дурковић - Јакшић А. Сарадња а југословена и Пољака у Паризу 1848-1849 г. - Историјски часопис, књ. XIX, Београд, 1972, с. 209. О белградском клубе см.: Он же: Србијанско-црногорска сарадња (1830-1851), Београд, 1957, с. 68.

27. Екмечић М. Неколико уломака о руској политици према јужним Словенима у време револуције 1848 г. - Зборник за историју Матице српске № 26, Нови Сад, 1982, с. 38. Речь идет о сообщении, которое Амброс Враницани направил Людевиту Гају 20 и 23 мая 1848 г., Дежелић В. Писма писана Људевиту Гају и неки његови саставци, Загреб, 1909, с. 302, 304.

29. Фонтон - Нессельроде. 26 мая/6 июня 1848 г., № 1996, АВПР, ф. Канцелярия, д. 180.

30. Копия письма Медема Данилевскому 13/25 мая 1848 № 1996. Там же.

30а. "Annexe à La dépêche de Vienne N 2461" АВПР, ф. Канц, д. 181; 31. Новые данные о Бакунине 1848 г. будут приведены в другой статье.

32. Campbell J.C. French Influence and the Rise of Roumanian Nationalism. The Generation 1848. New York, 1971, p. 64. "Justice-Fraternite" (Deptate-Fratie). Djordjevic V.D. Revolutiones nationales des peuples balkaniques. 1804-1914. Belgrade, 1965, s. 84.

33. Campbell: J.C. Op. cit., p. 45.

34 Ibid., p. 79.

35. Д.Ф. Поплыко. О социальных идеалах балканской революционной демократии в период перехода от феодализма к капитализму. - Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 73.

36. Prodan D. Supplex libellus Valachrum, Bucharest, 1971, p. 371.

37. Чертан Е.Е. Русско-румынские отношения в 1859-1868 годах. Кишинев, 1968, с. 68.

38. Prokopowitsch E. Die Rumanisch Nationalbewegung in der Bukovina und der Dako-Rumanismus. Graz Köln, 1965, s. 16.
39. Skowronek J. Polityka Balkanska Hotelu Lambert (1833-1856), Warszawa, s. 151.
- В.Я. Гросул. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 - начале 50-х гг. XIX века. - Балканский исторический сборник, кн. II, Кишинев, 1970, с. 52.
40. Bobango G.J. The Emergence of the Romanian National State, New York, 1979, p. 4.
41. Екмечић М. Прквени фактор у сукобу великих сила у Источном питању 1848 г. - Balcanica, књ. XIII-XIV, Београд, 1982-1983, с. 192.
42. Там же.
43. Bobango G.J. Op.cit., p. 5.
44. Екмечић М. Неколико уломака ... с. 43.
45. Авербух Р. Указ. соч., с. 196.
47. Медем - Нессельроде, 31 марта/12 апреля 1848, № 1255, АВПР, Канцелярия, д. 180.
48. Данилевский - Нессельроде, 23 апреля 1848, № 1742, АВПР, ф. ГА У-А 2, 1848, д. 229.
49. Об этих переговорах см.: Hauptmann F. Erzherzog Johann als Vermittler zwischen Kroatien und Ungarn im Jahre 1848, Graz, 1972.
- Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. Москва, с. 110, 148. Andich E. das Bündniss Habsburg-Romanow. Vorgeschichte der zarischen Intervention in Ungarn im Jahre 1849, Budapest, 1963.

На сербско-хорватском языке наиболее исчерпывающая информация о переговорах посланников Елачица с Фонтонем и подготовке хорватской позиции на них содержится в книге:

- Шидак Ј. Хорватско-мађарски односи у њего и рану јесен 1848. - В кн . . Студије из Хрватске повијести за револуцију 1848-1849 гг., Загреб, 1979, с. 228-229.
50. Авербух Р. Указ. соч., с. 151.
51. Медем - Нессельроде. 19/31 августа 1848 г., № 3082. - АВПР, ф. Канцелярия, д. 181.
52. Ferdinand Hauptmann F. Op.cit., s. 47.
53. Фонтон - Нессельроде, 11/23 июля 1848 г., № 2612. - АВПР, ф. Канцелярия, д. 181.
54. Franjo Zah-Sajkovskom 24 marta, 1848. - Biblioteka Czartoryskich, Krakow, Rps. Czart. 5395; Zašek V. František Zah, Prag, 1977, s. 98-99.
55. Фонтон - Нессельроде 11/23 июля 1848, № 2612. - АВПР, ф. Канцелярия, д. 181.
56. Данилевский - Нессельроде. 6 августа 1848 г., № 2958. - АВПР, ф. ГА У-А 2, д. 229.
57. Шербатов Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. СПб. 1899, с. 51.
58. Медем - Нессельроде. 23 октября/4 ноября 1848, № 3764. - АВПР, Канцелярия, д. 182.

59. Andics E. Das Bündnis Habsburg-Romanow, s. 68.
 Этот факт взят из собрания источников.
60. Op. cit., s. 82.
61. Фонтон - Нессельроде, 17/29 июня 1848, № 2358.
 - АВПР, ф. Канцелярия, д. 180.
62. Из цитированного письма Карловацкого народного комитета Медему 17/29 июня 1848 г., заметка № 61; Попов Н. Србија и Русија. Од Кочине Крајине до Св. Андријевске скупштине. Свеска 4, Београд, 1870, с. 245.
63. Медем - Нессельроде 10/22 декабря 1848, № 4236.
 - АВПР, ф. Канцелярия, д. 182.
64. Данилевский - Нессельроде 15 марта 1849 г., № 1185. - АВПР, ф. ГА У - А, д. 231.
65. Нессельроде - Данилевскому 14 декабря 1848 г. № 4185. - АВПР, ф. ГА У А2, д. 229.
66. Еще 14 мая 1849 г. Медем сообщал, что Мейерхофер полагает, что Данилевский "более недели болен" и просит прислать кого-нибудь другого. Последние донесения Данилевского наполнены несущественными сведениями, много внимания уделялось вопросу распределения орденов.
67. Медем - Нессельроде, 27 августа/8 сентября 1849, № 1431. - АВПР, ф. Канцелярия, д. 188.
68. Медем - Нессельроде, 31 марта/12 апреля 1848, № 1183, 4/16 апреля 1848 г. № 1248. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 328.
69. Медем - Нессельроде, Вена, 4/16 апреля 1848, № 1230, АВПР. Там же.
70. Записка неизвестного автора от 3/16 октября 1848 г. - ЦГАДА СССР, ф. 1274, д. 917.
71. Данилевский - Нессельроде, 6/18 апреля 1848, № 4. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 229.
72. Нессельроде - Данилевскому 16 апреля 1848 г. - АВПР, ф. ГА У - А2, д. 229.
73. Нессельроде - Догамелю 16 апреля 1848 г., № 1305. - АВПР, ф. У-А2, д. 229.
74. Страж аковић Д.: Влада уставобранитеља 1842-1853. Унутрашња и спољашња политика. Београд, 1932, с. 117-118.
75. Зах - Кничанину, 2 февраля 1849, Архив САНУ, ф. Кничанина Београд.
76. Попов Н. Указ. соч., с. 251.
77. Нессельроде - Данилевскому 4 июня 1848 г., № 1969. - АВПР, ф. ГА У - А2, д. 229. Ожидает благодарности сербскому правительству за занимаемую им позицию против попыток революционных перемен.
78. Нессельроде - Титову 26 июня 1848 г., № 2282. - АВПР. Там же.
79. Екмечић М. Неколико уломака..., с. 47.
80. См. об этом: Ристић Спољашња и одношаји Србије новијега времена, књ. I, 1848-1860, Београд, 1887, с. 22, 63; Павловић Д.М. Србија и српски покрет у јужној Угарској 1848 и 1849. Београд, 1904, с. 50.

О неблагоприятном исходе Петровской скупщины, которая закончилась "мелкими тяжбами крестьян против налогов, против запрещения вырубки леса, против новой бюрократии" см.: Чубрилович В. История политической мысли у Србији XIX века, Београд, 1958, с. 215; Милићевић Ђ. Петровска скупщина 1848 године - Историски гласник, 1959, књ. 1-2, с. 41.

81. Екмечић М. Неколико уломака..., с. 49.

82. Опик-Миду 5 августа 1848. - АМАЕ, № 10(39).

83. Призыв Негоша "жителям Боки" в мае 1848 г. Подобным был и призыв "жителям Боки и Дубровника", 20 мая 1848 г. - Целокупна дела Петра П Петровича Негоша, књ. У1, Београд, 1974, с. 92, 93. Это негативное отношение к революции явилось, без сомнения, плодом переписки с русским консулом в Дубровнике по поводу пограничных инцидентов.

84. О существовании этого проекта создания "Сербско-го вицецарства" впервые в югословенской науке упомянул Драгослав Странякович в работе, которая сгорела во время бомбардировки Белграда в 1941 г. То, что осталось от этого труда анализировал Иован Миличевич (О Боснии 1848 г. - Историски гласник, књ. 1, Београд, 1973, с. 109) Частично исправления внес и Радос Люшич (Мемуары Мариновича о христианах в Турецком царстве в 1848 г. - Историски гласник, књ. 1-2, 1976, с. 168).

85. Ано Ненадовић - Гарашанину 27 августа/10 сентября 1848 г. Архив Србије, ф. Илије Гарашанина.

86. Из вступления к проекту о "Сербском вицецарстве".
87. Дамянов С. Френската политика на Балканите. 1829-1853. Софија, 1977, с. 213.

88. Екмечић М. Маргиналије о српско-бугарским односима 1848-1851. - Годишњак Друштва историчара БиХ књ. XVI, Сарајево, 1965, с. 129.

89. Литература о Бистрановском достаточно обширна: См.: Радонић Ј. Аутобиографија патријарха Јосифа Рајачића (Критичка оцена), Београд, 1951, с. 60; Вучковић В. Рад француских представника у Србији 1848-1849 на измирену Јужних Словена са Маџарима. - Зборник Матице српске за друштвене науке, књ. 13-14, Нови Сад, 1956, с. 156.

90. Бистрановски-Бастиду 15 декабря 1848, в библиоте-

91. Там же. кс Чарторьских, Краков, књ. CZART. 5424

92. Там же.

93. Опик - Миду 15 января 1849, № 32, АМАЕ. В приложении копия депеши Петрониевича.

94. Александр Карагеоргиевич - Луи Бонапарту 27 февраля 1849, № 3, АМАЕ.

95. Екмечић М. Маргиналије о српско-бугарским односима 1848-1851, с. 132, 133. Цитированные документы, частично находящиеся в сборнике документов Панче Дорева, а частично неопубликованы и находятся в Архиве Министерства иностранных дел в Париже.

96. Нарочнички А.Л. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г. - В кн. К столетию революции 1848 года. М., 1949, с. 43.
97. Поповић В. Аграрно питање у Босни и турски нареди за време реформног режима Абдул-Меџида (1839-1861), Београд, 1949, с. 68; Душан Берић. Социјално-политичка превраћања у Босни 1848 године. - Историјски часопис, књ. XXV, Београд, 1978, с. 145; Данилевски - Несселъроде 30 новембра 1848 г., № 4373. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 229.
98. Данилевски - Несселъроде, 31 августа, 1848, № 3254 - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 229
99. Берић Д. Османско царство и европска револуција 1848-1849. - *ВАСАНИСА* књ. XI, Београд, 1980, с. 120.
100. Штирмер - кнезу Метерниху 28 фебруара 1849. - В кн. : Шишић Ф. Босна и Херцеговина за време везировања Омер-паше Латаса (1850-1852) Београд, 1938, с. 33.
101. Данилевски - Несселъроде 23 марта 1848, 1293. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 229.
102. Фонтон - Несселъроде 11/23 јула 1848, № 2612. - АВПР, ф. Канцеларија, д. 181.
103. Брилич-Мажураничу И. А.Т.Брилич као Банов емисар у Паризу. Загреб, 1935, с. 48; Берић Д. Илија Гарашанин и хрватска политика у доба револуције 1848-1849 године. - Историјски часопис, књ. XXIV, Београд, 1976, с. 78.
104. Берић Д. Социјално-политичка превраћања у Босни 1848 године, с. 150.
105. Данилевски - Несселъроде 24 маја 1848, № 2147. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 229.
106. Данилевски - Несселъроде, Белград, 5 априла 1849, № 1466, АВПР, ф. ГА У2, д. 231.
107. Фонтон - Несселъроде 22 марта/3 априла 1848, № 1081. - АВПР, ф. Канцеларија, д. 179.
108. Екмечић М. Српско-бугарски односи..., с. 152, 153.
109. Данилевски - Несселъроде, 19 априла 1849, № 1597, 12 априла 1849 г., № 1511. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 231.
110. См. например: Димитров С. Србија и крестјанско востание 1850 г. в Болгарији. - *ВУДЕС НАСАМНИЦИ*, I, 1964.
111. Штирмер - Шварценбергу 22 августа 1849 г. - В кн. : Шишић Ф. Указ. соч., с. 39; Титов - Данилевскому 15/24 јуна 1849 (выписка) - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 519.
112. Записки от 1/13 августа и 15/27 маја 1849 г. - ЦГАДА СССР, ф. 1274, д. 917.
113. Левшин - Несселъроде, 18 октябра 1849, № 3706. - АВПР, ф. ГА У-А2, д. 231.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Вяземская Е.К., Данченко С.И. Изучение в СССР русско-югославянских общественных связей в конце XVIII - первой половине XIX в.	8
Можаева И.Е. Русская и советская научная литера- тура о реформе сербохорватского литератур- ного языка	20
Грачев В.П. Сербский вопрос в период Слободзей- ского перемирия (апрель 1807 - апрель 1808 гг.)	31
Карасев В.Г. Внешний фактор в сербских буржуаз- но-национальных революциях 1804-1813 и 1815 годов	71
Хевролина В.М. Из истории русско-черногорских отношений в 1813-1833 гг.	78
Кудрявцева Е.П. Участие сербов в русско-турецкой войне 1828-1829 гг.	105
Достян И.С. Миссии русских государственных дея- телей и военных в Сербском княжестве после прихода к власти уставообразителей	123
Экмечич М. Россия и народные движения на Балка- нах в 1848-г.	149

Сборник подготовлен к печати
в Редакционно-издательской группе ИСБ РАН

Национальное возрождение балканских народов
в первой половине XIX века и Россия.

Сб.ст. ч. I. - М., Институт славяноведения и
балканистики РАН, 1992, 197 с.

Подписано в печать 10.12.92. формат бумаги
60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Усл.печ.л.10,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 7.

Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере ВНИПИстатинформа
Госкомстата РФ

